

**Рудольф
БАЛАНДИН**

«Встать! СТАЛИН идет!»

Тайная магия Вождя

СТАЛИНСКИЙ РЕНЕССАНС

И. Гамкин.

Рудольф Баландин

**«Встать!
Сталин идет!»**

Тайная магия Вождя

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

Оформление художника П. Волкова

Баландин Р. К.

Б 20 «Встать! Сталин идет!» Тайная магия Вождя / Рудольф Баландин. — М. : Яуза ; Эксмо, 2009. — 352 с. — (Сталинский ренессанс).

ISBN 978-5-699-35546-4

«Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам...» — под этими словами Уинстона Черчилля могли бы подписаться президент Рузвельт и Герберт Уэллс, Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер и еще многие великие современники Сталина — все они в свое время поддались «культу личности» Вождя, все признавали его завораживающее, **магическое** воздействие на окружающих.

В чем секрет этого феномена? Каковы его подлинные механизмы? Был ли «культ личности Сталина» результатом усиленного «промыывания мозгов», всеобщим «помрачением ума» — или чем-то бóльшим? И случайно ли становление сталинского «культа» совпало с прорывом в изучении психологии масс — именно в это время проводились засекреченные опыты по коллективной рефлексологии, биологической радиосвязи и гипнотической телепатии, именно тогда психология начала превращаться в **прикладную** науку, в оружие массового поражения...

Эта книга — первое **научное расследование** феномена «культа личности», глубокий анализ «магии Сталина», разгадка главной тайны XX века.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-35546-4

© Баландин Р. К., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Введение
ТАЙНА ЛИЧНОСТИ

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне.

Александр Блок

1

Книга английского писателя-философа Томаса Карлейля (1795–1881) «Герои, почитание героев и героическое в истории» некогда пользовалась большим успехом в среде интеллектуалов. Она повествует о героях в образах богов и пророков, из числа поэтов, пастырей, писателей и, наконец, ставших выдающимися вождями. Именно последних Карлейль счел наиболее достойными славы:

«Человек, который становится повелителем других людей, воле которого все другие воли покорно предоставляют себя, подчиняются и в этом находят свое благополучие, такого человека мы можем считать по сущей истине величайшим из великих. Он практически, на деле воплощает в себе все разнообразные формы героизма... чтобы таким образом повелевать людьми, давать им постоянно практические наставления, указывать ежедневно и ежечасно, что им делать».

Конечно, речь идет не о любых правителях, царях, королях, президентах, а о тех, кому удалось достичь необы-

чайных успехов в своей деятельности. Карлейль выделил, в частности, Наполеона Бонапарта. Хотя такой персонаж вызывает определенные сомнения.

Да, он был высоко вознесен на гребне революционной волны. Этот поначалу артиллерийский офицер императорской армии, затем честолюбивый революционный генерал был отличным полководцем, успешным политиком, стал императором и замыслил достичь мирового господства. А каков финал? Падение его стало бесславным. По его вине Франция понесла огромные потери, потерпев сокрушительное поражение.

У писателя и мыслителя Льва Толстого были все основания представить в романе «Война и мир» Наполеона отчасти в карикатурном, приниженном виде. Хотя образ романтического героя сохранился за Наполеоном до наших дней благодаря посвященным ему многочисленным хвалебным сочинениям поэтов, писателей, историков, публицистов.

У Адольфа Гитлера поначалу судьба складывалась по той же схеме. Но его поражение как идеолога, политика и военного стратега оказалось по ряду объективных причин не только бесславным, но и позорным. Тем не менее более десятилетия он был в Германии тем самым вождем-героем, о котором писал Карлейль. Подавляющее большинство немецкого народа пошло за ним (о феномене Гитлера мы еще поговорим).

В отличие от Наполеона, Гитлера и многих других, судьба Сталина от рождения до кончины складывалась как постоянный подъем на все более высокую ступень успеха и славы. Умер он в ореоле беспримерного, поистине мирового признания как вождь великого советского народа и кумир сотен миллионов людей.

Была ли заслуженной такая слава? Или ему людская молва и ловкая пропаганда приписывали чужие достоинства и достижения?

Одно бесспорно: под его руководством СССР добился поистине небывалых в истории трудовых свершений и

полной победы в самой кровопролитной и разрушительной войне. Сталин принял страну в упадке, разрухе и брожении после бедствий Гражданской войны, а оставил ее потомкам индустриальной и высокоразвитой в научно-техническом и культурном отношении сверхдержавой.

До сих пор его имя чрезвычайно популярно и среди его врагов, и среди значительно большего числа его почитателей. Феномен Сталина уже по одной этой причине заслуживает самого пристального внимания в контексте наиболее актуальных проблем XXI века.

2

Плюрализм по сути своей всеяден. Часто приходится слышать от людей, зараженных этим вирусом: «У каждого своя правда». Как это понимать?

Спору нет, каждый имеет мнение, которое считает своим собственным (хотя оно обычно в немалой степени внедрено извне). Каждый может убедить себя, а то и других, что это его мнение и есть правда. В таком случае другие точки зрения можно не принимать во внимание, даже не обсуждать.

Плюралист любит повторять: «Я не согласен с вашим мнением, но готов защищать ваше право на него». Мол, свобода взглядов и высказываний, свобода личности — вот высокие общечеловеческие ценности! Каждый имеет право на свою личную правду.

Так-то оно так, да не совсем.

У каждого своя правда? Конечно. Но надо бы продолжить. Ибо она своя и у самодовольного подлеца, и у самоуверенного бездарного глупца. В таких случаях ее называют кривдой.

Совсем иное — правда человека умного, талантливое, честного. Какое мнение предпочесть? Тут все зависит от вас. Не исключено, что вам и вовсе все едино: дурак или умный, подлец или честный. Это уже настоящий «плювализм». Иначе говоря, наплеватьство на правду-истину.

При всей схематичности марксистского классового подхода, приходится признать, что у миллиардера и бедняка представления о жизни, правде, добре и справедливости решительно различаются. Хотя необходимо иметь в виду и то, что мировоззрение буржуа, озабоченного личным комфортом, может разделять и рабочий, а среди представителей привилегированных классов встречаются такие пламенные самоотверженные революционеры, как Михаил Бакунин, Петр Кропоткин, Владимир Ленин.

В каждой стране любой народ — сообщество разнообразных личностей: от просветленных святых до гнуснейших преступников, от глубоких мыслителей до бездарнейших дураков. Многое зависит от того, каким типам предоставлено преимущество в той или иной государственной системе. Скажем, при буржуазной демократии выигрывают буржуа, при народной демократии — трудящиеся, народ.

При определенной структуре и традициях общества огромное значение приобретает личность правителя. Когда реальная власть принадлежит олигархам, когда установлена буржуазная демократия, когда практически безраздельно господствует капитал, фактор личности правителя непринципиален (во всяком случае, при более или менее стабильной ситуации).

Россия-СССР в первой половине XX века пережила две революции, две крупнейших в истории войны и ряд военных конфликтов, страшную междоусобицу. Учтем и то, что у Советского Союза между войнами не было ни года передышки. В таких условиях без жесткого авторитарного руководства, без лидера, которому доверяет, в которого верит народ, страна не смогла бы выстоять.

Полагаю, с этим должен согласиться любой здраво и честно мыслящий человек. Даже в анархическом первобытном обществе при экстремальных ситуациях устанавливалась диктатура лидера, вождя. Так же было и в республиках Древней Греции, Рима.

Выходит, если СССР добился великих успехов в труде, науке, культуре и победил в самой жестокой за всю историю

человечества войне, то его лидер, вождь, диктатор был тем самым достойнейшим человеком, героем, о котором писал Карлейль в приведенной выше цитате.

Личности и деяниям Сталина посвящены многочисленные книги и статьи; образ его растиражирован в рисунках и картинах, фотографиях и кинофильмах. При жизни о нем писали почти исключительно в восторженных тонах, и даже его идейные противники отзывались о нем с глубоким уважением. После его смерти многие из тех, кто безудержно и гласно его восхвалял, занимая высокие посты, столь же жаростно принялись его поносить, обвиняя во многих тяжких преступлениях.

Принято объяснять это тем, что прославляли Сталина его будущие хулители из страха перед репрессиями. Выходит, они лицемерили, лгали ради собственной выгоды, ради своей карьеры? Но в таком случае можно ли верить подобным людям? Не разумнее ли отбросить их мнение и в одном, и в другом случае? Или, исповедуя плюрализм, попытаться учесть и то, и другое?

Было бы по меньшей мере наивно выводить «среднеарифметическое» из противоположных мнений. Так, в арифметике при сложении двух приблизительно одинаковых чисел, имеющих разные знаки, получается ноль или небольшая величина. А тут перед нами не арифметика, даже не высшая математика, и не научная проблема, а тайна человеческой личности, постичь которую в полной мере невозможно.

Нам предстоит обдумать, постараться понять феномен Сталина в контексте судьбы России. Для этого надо исходить не только из фактов его биографии, но также из общих представлений об индивидууме и обществе, вожде и народе, роли личности в истории.

Глава 1

УПРАВЛЕНИЕ МАССАМИ

Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит.

Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

Николай Заболоцкий

Существуют система и методы управления массовым сознанием. В этом сомневаться не приходится. В противном случае общественные связи постоянно будут нарушаться, расшатывая государственную систему.

Особенно ясно это видно на примере армии, а также поведения большинства народа во время войны. Но и в мирное время на каждого из нас постоянно воздействуют средства массовой рекламы и пропаганды (СМРАП). Их принято называть уклончиво: СМИ, хотя слишком часто распространяют они дезинформацию или клише.

Обо всем этом с множеством примеров рассказано в книге американских психологов Энтони Пратканиса и Эллиот Аронсон «Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения — повседневное использование и злоупотребление». Их вывод:

«Средства массовой коммуникации действительно оказывают влияние на некоторые из наших наиболее существенных убеждений и мнений и могут даже заставить нас покупать продукцию рекламируемой марки или выступать в поддержку уничтожения других людей».

Непоколебимая уверенность многих людей в своей умственной независимости свидетельствует чаще всего о том, что этот человек не привык критически оценивать самого себя, свой интеллект, продумывать свои ошибки и заблуждения. Как раз его-то и легко «зомбировать» так, что внушасмось он будет воспринимать как свое личное мнение.

О диагнозе Бехтерева, стоившем ему жизни

Выдающийся психолог и психиатр, физиолог и невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев скончался 25 декабря 1927 года. Его смерть окружена покровом тайны. Есть версия, что это было тщательно спланированное и профессионально выполненное преступление, до сих пор остающееся не раскрытым.

Тогда было трудное для новой власти время «новой экономической политики». Большевики, потерявшие своего лидера В.И. Ленина, под руководством И.В. Сталина стремились преодолеть быстрое возрождение и усиление капиталистических отношений в стране. Официально сообщили о том, что у академика было пищевое отравление. По слухам — его отравили.

В книге Б.С. Илизарова «Тайная жизнь Сталина» (М., 2002) эта версия представлена как вполне вероятная: «Приступы неврастения, вне всякого сомнения, указывают на то, что у Сталина действительно были какие-то проблемы с психикой. Патологическая подозрительность Сталина общеизвестна.

В свете этого уже по-другому выглядит получившая широкую огласку история, связанная с крупнейшим отечественным психиатром и невропатологом академиком В.М. Бехтеревым. Не исключено, что он действительно

был отравлен по приказанию Сталина, после того как побывал у него в декабре 1927 года и дал поспешное заключение — паранойя. Вождь, возможно, проявил излишнюю доверчивость, согласившись принять Бехтерева, искренне беспокоясь о своей памяти, мучаясь нарастающей нервозностью, бессонницей и преследующими его страхами. Видимо, старый профессор позабыл, что не всякому пациенту нужно ставить диагноз».

Казалось бы, речь идет о слухах, не более того. Однако следует учесть, что Б.С. Илизаров не публицист-беллетрист, а профессор, ведущий сотрудник Института российской истории РАН, директор Центра документации «Народный архив», имевший доступ к фонду и библиотеке Сталина. В период «перестройки и гласности» эту версию повторяли не раз и для многомиллионной аудитории.

Как тут не припомнить произведение писателя Бориса Пильняка «Повесть непогашенной луны», изданное в 1926 году, прозрачно намекавшее, что к загадочной гибели М.В. Фрунзе под ножом хирурга имеет прямое отношение тот же Сталин. А не менее загадочная скоропостижная смерть Ф.Э. Дзержинского в 1926 году?

Наконец, не кто-нибудь, а сам Генсек КПСС Н.С. Хрущев на XX съезде партии обвинил, хотя и с оговоркой, Сталина в «заказном» убийстве своего конкурента на власть в партии С.М. Кирова в 1934-м. А кто не слышал о чудовищных репрессиях миллионов ни в чем не повинных людей в 1937-м?! Данный год стал нарицательным как символ кровавого террора.

Учитывая все это, вряд ли можно усомниться в том, что тиран, способный на такие преступления, без раздумий приказал «убрать» академика, проговорившегося о его психической болезни. Что еще ожидать от шизофреника-тирана, отягощенного маниями величия и преследования?

Понятно, что с психически больного человека и взятки гладки. Но что же тогда сказать про тех, кто возвел его на заоблачную вершину власти, кто добровольно или принуди-

тельно подчинялся его безумным прихотям? Это же тупая безвольная жалкая толпа, человеко-масса!

Именно к такому логичному выводу пришел упомянутый Илизаров. По его словам, даже в последние годы жизни Сталин замыслил грандиозные планы истребления своих безропотных подданных: «Но и о скорой смерти он явно не задумывался, а готовил страну к очередной масштабной дыбе... Он умер в тот момент, когда подготовил очередную удавку своему рабски покорному пресмыкающемуся советскому народу».

Откровенное высказывание. Оно в своем роде замечательно по философскому подтексту: личность диктатора, вождя следует рассматривать в неразрывном единстве с народом, который он возглавляет. И если Сталин — столь гнусная и ужасная личность, то все подчиняющиеся ему, все его сторонники и поклонники достойны презрения и проклятия. Пусть даже в эту категорию попадает русский и, еще шире, советский народ.

И еще один вывод из приведенной цитаты: ее автор очевидно не причисляет себя (возможно, и своих единомышленников или единокровцев) к этому самому рабски покорному и пресмыкающемуся советскому народу. Но это уже, как говорится, детали. А что же конкретно можно сказать о причине смерти Владимира Михайловича?

Нигде не зафиксирована документально или по свидетельству хотя бы одного очевидца его встреча со Сталиным. Но можно предположить, что свой диагноз ученый-психиатр поставил заочно, за что и пострадал. И хотя такой вариант не более чем домысел, подозрения в криминальной причине смерти Бехтерева остаются.

Спустя 20 лет его ученик В.П. Осипов посвятил своему учителю небольшую книгу, ни словом не обмолвившись о причине смерти, назвав ее неожиданной. Еще через 10 лет другой его ученик — В.Н. Мясищев — лишь упомянул, что учитель умер «в полном расцвете сил» (тогда Бехтереву было 70 лет). И вновь — ничего о причине. Странно...

В книге писателя И. Губермана «Бехтерев: страницы жизни» (1977) сказано: «В этот свой приезд в Москву он был так оживлен и деятелен, столькими идеями делился со множеством людей, не зная, что уже завещает им эти мысли, будто и не было ему полных семидесяти лет». «Бехтерев умер неожиданно и быстро. Настолько неожиданно и быстро (отравился консервами поздно вечером, а ночью его уже не стало), что возникла легенда: будто кто-то отравил его специально ради неразглашения тайны диагноза, поставленного им на приеме. Эта легенда оказалась чрезвычайно живучей, несмотря на полное отсутствие подтверждений».

Отсутствие фактов никак не повлияло на эту версию. Мне не раз доводилось слышать об этом от московских интеллектуалов, которые на мои сомнения качали головой и усмехались, удивляясь моей наивности и неосведомленности.

Кто-то из ученых, выступая по телевидению и комментируя эту версию, сказал, что Бехтерев, врач старой выучки и высочайшего уровня, не мог дать столь серьезный диагноз скоропалительно, после недолгой аудиенции, а уж тем более не мог бы обнародовать такое заключение. Хотя и на это можно возразить: ученый был в ужасе, найдя у партийного вождя (Сталин тогда не обладал всей полнотой власти) психический недуг, грозящий стране неисчислимыми бедствиями, а народу — страданиями и жертвами.

Правда, не совсем ясно, кто и зачем направил психиатра на обследование генсека? Как на это мог согласиться сам генсек (если только не в порыве безумия)? Да и никто при жизни Сталина не отмечал у него признаков душевного недуга (даже геббельсовская пропаганда не упоминала об этом).

При случае я спросил у Игоря Губермана (мы были знакомы со времен сотрудничества в журнале «Знание — сила»), не покривил ли он душой, побаиваясь каких-нибудь

сталинистов, когда развенчивал легенду о злодейском отравлении Бехтерева. Он ответил, что написал то, в чем был вполне уверен.

Может быть, Бехтерев был противником советской власти? Нет, он ее принял и даже отозвался о ней стихами:

И пусть на месте масс поработанных
В веках живет и крепнет и цветет
Союз всех стран объединенных,
Забывших старый, тяжкий гнет!

Казалось бы, ничего криминального в смерти выдающегося психолога и психиатра нет (если отбросить версию, что его отравил из ревности или из зависти кто-то из его круга).

Однако все оказалось не так просто.

Был или не был параноиком товарищ Сталин, даже не столь уж важно в свете того безусловного факта, что его личность стала культовой. И не со страху русского советского народа перед тираном. Восторженное отношение к кумиру, будь то артист, рок-певец, поэт или государственный деятель, предполагает обожание, восхищение, но не страх.

Другое дело, что такой восторг может быть организован с помощью определенных приемов с использованием СМРАП (средств массовой рекламы, пропаганды и агитации; такая аббревиатура существенно точнее, чем лукавая — СМИ). Тогда искусственно формируется и насаждается, внедряется в массовое сознание феномен магии личности, порой весьма убогой. Подобные примеры вспомнить нетрудно тем, кто не утратил здравого смысла.

Так мы подходим к еще одной криминальной версии гибели Бехтерева.

Секретное оружие Бехтерева

Мне уже приходилось писать на эту тему. Однако есть смысл вернуться к ней. Ее поведал мне талантливый журналист и популяризатор науки Глеб Борисович Анфилов.

Мы беседовали у меня дома. Я подарил ему только что изданную свою книгу об эволюции биосферы и головного мозга и мы, как говорится, «обмывали» это событие. Тогда же у букинистов приобрел оригинальную и редкую книгу Бехтерева «Коллективная рефлексология». В ней меня заинтересовала его идея о психических эпидемиях. Он писал о единстве энергетических процессов, объединяющих массы людей. Но можно ли воздействовать на коллективы искусственно? Каким образом? Какими приборами? Академик об этом не упомянул.

Он утверждал: «Законы проявления деятельности коллектива в общем суть те же, что и законы проявления деятельности отдельной личности». Но в таком случае должна быть возможность внушать тысячам, миллионам людей то, что желает тот, кто владеет соответствующей методикой, а добавок — с использованием электронной техники.

Я заговорил на эту тему с Анфиловым, физиком по образованию. К моему удивлению, он оказался весьма осведомленным собеседником. Не помня деталей разговора, представлю его предельно точно по сути.

— Бехтерев стал жертвой своей коллективной рефлексологии, — сказал Глеб.

— Как это понимать?

— А так. Его вполне могли отравить в связи с его секретным оружием. Ты читал его работу «Внушение и его роль в общественной жизни»? Поинтересуйся, узнаешь кое-что интересное. Есть у тебя книга Леонида Леонидовича Васильева «Внушение на расстоянии». Ты интересовался гипнозом и знаешь об опытах Сергея Яковлевича Турлыгина. Верно? Я уж не говорю о нашумевшей «Биологической радиосвязи» Бернарда Бернардовича Кажинского... Теперь попробуй совместить эти работы с главной идеей романа Александра Беляева «Властелин мира».

— Его-то я и не читал.

— Тем более... Так вот, там главный герой — Качинский. Улавливаешь сходство? Он же — Кажинский. Есть еще Дуггов, укротитель львов; как ты догадываешься, знаменитый

дрессировщик Дуров. Кстати, упомянут еще Рудольф Готлиб — Адольф, сам понимаешь, Гитлер... Но самое главное, о чем проговорился Беляев, — психологическое оружие.

— Это же фантастика!

— Не снеси. Обдумай еще такой вопрос. Тебе никогда не казался странным необычайно быстрый рост популярности Сталина? Она распространялась, как психическая эпидемия, сказал бы Бехтерев. Примерно в то же время народ с другими традициями, с другим национальным характером точно так же поддался массовому психозу. Немцы будто с ума съехали со своим фюрером. Нормальные обыватели превращались в послушное стадо. Как это могло произойти?

— Думаю, результат пропаганды.

— Не так-то просто. Начиналось все с экспериментов над животными. Их проводил Бехтерев вместе с Дуровым.

— Это были просто попытки давать мысленные задания.

— Просто? Не совсем. Они попытались передавать телепатически осмысленные, рассудочные сигналы. Искали определенную радиоволну, которая заведует трансляцией мыслей. Однако попали пальцем в небо. То серия угадываний, то полные «фиаски». А наука не может признать опыты, которые нельзя воспроизвести. Надо сразу сказать, что и не должно быть какой-либо биологической радиосвязи для передачи конкретной информации. Как ты знаешь, люди стали пользоваться словами сравнительно недавно. Орган для непосредственной передачи мысленных сигналов не мог произрасти за такой срок. Возможно, об этом догадался Бехтерев. И вот он провел, если не ошибаюсь, в 1925 году — без огласки, хотя извещать о своих новых результатах любил, — первые опыты по коллективному внушению эмоций на расстоянии. Понятно? Коллективное! Внушение! Эмоций! На расстоянии! Открытие гениальное.

— Ну и что тут особенного? Я читал, что в Америке вживляли животным в разные отделы мозга электроды, а затем по радио заставляли этих подопытных испытывать страх или ярость.

— Э-э, нет, тут другое. Бехтерев соединил идеи, которые позволили осуществить нечто невероятное. Он еще раньше установил, что в коллективе усиливается эффект внушения. А наиболее успешно удастся воздействовать на эмоции. А они подсказывают рассудку определенные мысли. Коллектив становится мощным усилителем первоначальных импульсов. Ведь эмоции, в отличие от мыслей, у всех людей более или менее одинаковы... А Беляев был знаком с Кажинским...

— При чем здесь Беляев?

— А при том, что он сначала придумал повесть о читателе чужих мыслей. Его вдохновили опыты Кажинского. Там у него был военный шпионаж буржуев против пролетариев, забивание мозгов глупыми мыслями. С такой задумкой пришел он к Бехтереву. В разговоре воспринял идею возможности эмоционального управления толпой. И вдруг кто-то из них сообразил: надо использовать технику, усилители мысленных сигналов. В ту пору Бехтерев имел возможность оперативно отрабатывать это направление исследований при участии Государственного экспериментального электротехнического института. Там было два инженера — Астафьев и Аренсберг... Кстати, с одним из них я познакомился, когда работал над своей книгой «Физика и музыка». Так вот, была еще, как мне удалось выяснить... сообщаю тебе шепотом и не для разглашения, еще одна личность. Назовем его Некто. Из немцев, толковый инженер, сотрудник бехтеревского института, друг старшего брата Кажинского — Казимира.

— Это что, Штирлиц какой-нибудь?

— Пожалуй. Он бывал в командировках в Германии. Тогда она была нашим заклятым другом. Этот Некто привез оттуда первоклассную аппаратуру. Немцев всерьез заинтересовали наши опыты передачи мысли на расстояние. Вот в такую унавоженную почву попали идеи Бехтерева. Поэтому плоды появились быстро. Да и работали талантливые энтузиасты. К ним, между прочим, примыкал временами

Чижевский, да-да, Александр Леонидович. Работы были засекречены, но не намертво, потому что еще никто не знал, чем все может кончиться. Да и ничем особенным эти мыслепередачи не кончились.

— Значит, не получилось? Зачем же ты мне тогда голову морочил? Чтобы всю эту бутылку прикончить? (Мы беседовали за бутылкой вина.)

— Не торопись. Мы подошли к самому главному, можно сказать, смертельному секрету. С тремя из тех, кого я называл, я не раз говорил. Напрямую никто из них мне, естественно, ничего не сообщил. Но у меня со временем появились кое-какие смутные подозрения. Потом оформилась, скажем так, фантастическая версия. Подчеркиваю: я не утверждаю, а предполагаю... Так вот, определились у них два направления исследований. Одно — передача мыслей и образов, теленатия. Тут первую скрипку играл Кажинский. Другое — трансляция эмоциональных состояний, управление поведением. Его курировал Некто. Использовали обычную радиосеть, микрофоны. Выделили комплекс радиосигналов определенного тембра и ритма, вызывающих у слушателей особое состояние, благоприятствующее повышенной внушаемости. Вначале на них реагируют немногие, самые восприимчивые. Дальше сравнительно быстро распространяется процесс взаимной индукции, характерный для толпы. Как писал Бехтерев — гипнотическое очарование. Внушенные идеи закрепляются в подсознании. Сходным образом, но уже позже этот метод использовали в звуковом кино.

— Так что же это за оружие?

— Психически-идеологическое, вестимо. Внутреннего пользования. самого оригинального свойства. Обычное оружие направлено на подавление и дезорганизацию неприятеля. А это организует и направляет своих, парализует в некотором роде их сознание. Оружие — для покорения собственного народа. Оно создает не только послушные толпы, но и безумно — именно без привлечения ума — обожаемого вождя. О таком применении Бехтерев и не думал. Но уже

после первых успехов кто-то из его сотрудников доложил о них в компетентные органы. В идеологическом аппарате тогда были свои новаторы социальной психологии, например Войтоловский и Рейснер. Возможно, они-то и догадывались об открывшихся перед властью возможностях. Или, пожалуй, додуматься мог тот самый Некто. Работы пошли в нужном направлении, уже под присмотром НКВД. Проклюнулись первые серьезные успехи... А в начале 1927 года Некто неожиданно пропал. По всем данным, сбежал в Германию с секретом фирмы. Подставил Бехтерева под удар. Надобности в нем, в Бехтереве, теперь уже не было: метод был отработан и опробован. Оставалось только внедрить его в жизнь. Но Владимир Михайлович, словно не понимая, чем рискует, категорически воспротивился этому. И его убрали. Кто? Или наши враги, или... сам понимаешь.

— Но ведь у Александра Беляева, ты сам сказал, речь шла о передаче мысленных сигналов.

— Конечно. Типичная «деза», попытка обмануть противника. А по-настоящему воздействовали на массы совсем иначе. Но об этом ни гу-гу. И я тебе, между прочим, ничего такого не говорил. Просто болтал по пьянке, рассказал сюжет фантастической повести, которую не напишу. Да и никаких конкретных сведений не упомянул, верно? И сам не помню, чего такого наговорил, и тебе помнить не советую, на всякий случай.

Признаться, в эту историю я не очень-то поверил. Однако обещал ему о ней молчать. А через несколько месяцев Глеб скоропостижно умер, хотя был совсем не стар и вроде бы здоров. У меня промелькнула мысль: не разболтал ли он кому-то, кому не следовало, тайну о секретном оружии Бехтерева?

Массовые психозы

В загадочных дебрях подсознания каждого из нас дремлют не только индивидуальные инстинкты, но и коллективные, а то и всеобщие, свойственные роду человеческому. Для их

проявления достаточно присутствия определенного объекта, чаще всего — личности, обладающей некими реальными или мнимыми способностями.

«Свойство психической организации человека, — писал известный русский психиатр В.Х. Кандинский, — именно таково, что всякое душевное движение или настроение одного индивидуума отражается на душевном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с камертонами одинакового тона; заставьте звучать один из таких камертонов, остальные сами собой придут в созвучное дрожание».

Подобный «психический резонанс» может производить необычайные эффекты. Так, в конце XIX века в США появился «мессия» — Франц Шлаттер. При стечении огромных масс людей, верующих в его магические возможности, он творил «чудеса»: простым наложением рук исцелял от многих болезней.

Репортер, описывавший это собрание, признавался, что поначалу был настроен скептически. Но постепенно его охватило волнение. Он решил подойти поближе к новоявленному святому.

«Когда я приблизился к нему, — писал он, — мной овладел сверхъестественный страх, который было трудно проанализировать. Моя вера в этого человека росла вопреки моему разуму. Бодрствующее, контролирующее, мыслящее, рассуждающее «я» стало колебаться, терять свою силу, а рефлекторное, дремлющее — начало укрепляться. Когда он взял мои руки, моя душа признала какую-то силу в этом человеке, чему, по-видимому, противился мой ум. Когда он раскрыл мои руки, я почувствовал, что мог бы упасть перед ним на колени и назвать его владыкой».

Сила внушения зависит не столько от личных качеств вождя (гипнотизера, проповедника, колдуна, экстрасенса), сколько от настроения и ожидания толпы, воздействующей на каждую ее составляющую единицу (кстати, и на мнимого «владыку» тоже). Объясняют такой эффект по-разному. В.Х. Кандинский предпочитал говорить о «контагиозности»

(следствии духовных контактов). В.М. Бехтерев — о своеобразной психической «заразе», или «заразительности», действующей подобно болезнетворным микробам (образно он называл это «психическим вирусом»).

В нашей стране первым написал о психических эпидемиях в 1876 году В.Х. Кандинский: «История обществ представляет нам... непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокою или нелепою... Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная». «Чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем чувства и идеи высокие».

Позже разрабатывал данную тему В.М. Бехтерев. Он отметил: «Внушение, как фактор, заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получит неполное... и частью даже несоответствующее освещение».

И другое его замечание: «В толпе происходит утрата индивидуальности, откуда необычайная склонность к подражанию и подчинение внешним воздействиям, как в гипнозе. Психическими же основами этого бессознательного подражания является концентрированное внимание и сужение индивидуального сознания».

Одно из высказываний Бехтерева звучит как предупреждение: «Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений».

Швейцарский психолог и философ Карл Юнг разработал понятие «коллективное бессознательное». Это, по

сего словам, «та часть души (психе), которую можно, в отрицательном плане, отличить от личного бессознательного на том основании, что она не обязана, подобно последнему, своим существованием личному опыту и, следовательно, не является личным приобретением». Однако он поясняет, что «оно обязано своим существованием исключительно наследственности».

Он имел в виду наследственность биологическую. А в нашем случае речь идет о приобретенных качествах. Тут более подходит высказывание Карла Маркса о традициях былых поколений, тяготеющих, как кошмар, над умами живых. Только вряд ли допустимо так резко отрицательно относиться к традициям. Нередко они являются духовными стабилизаторами общества, его скрепами. Хотя в определенный период становятся путами, сдерживающими его развитие.

...Каждый из нас в той или иной степени подвластен определенным предубеждениям. Они формируются исподволь под воздействием окружающей интеллектуальной среды, воспитания и образования.

Аналогия из естествознания. В геологии поначалу господствовало мнение о мощных катастрофах, время от времени преобразующих лик Земли. Но затем со времен Чарлза Лайеля (современника и отчасти учителя Чарлза Дарвина) возобладала концепция, верней отражающая реальность: совокупность мелких изменений за длительный промежуток времени может привести к колоссальным последствиям.

Так обстоят дела в каменной оболочке планеты — литосфере. В психике человека (психосфере) происходит нечто подобное. Значительные, порой колоссальные изменения происходят в результате небольших, почти неприметных, но постоянных воздействий со стороны внешней среды.

Важное правило пропаганды, создающей так называемое общественное мнение: наилучший эффект дают не логичные доводы, не прямое убеждение «в лоб», не громогласные

призывы, а постоянные упоминания вскользь, как бы между прочим.

Эту закономерность следует иметь в виду, когда комментаторы, журналисты, политики как бы мимоходом вставляют определенные реплики. В одних случаях — о чудовищном Октябрьском перевороте; о большевиках, погубивших благостную царскую Россию; о злодее Сталине; о «голодоморе» при коллективизации; об ужаснейших репрессиях 1937 года; о победе в Великой Отечественной за счет неисчислимых наших потерь; о кризисе социалистического планового народного хозяйства... В других — о благе рыночных отношений, конкуренции, частной собственности на средства производства, предприимчивой погони за прибылью, индивидуализма, — перед идеалами социализма и коммунизма.

Все это приемы активной психологической обработки в первую очередь интеллектуалов, а вслед за ними и широких масс населения, особенно женщин и молодежи, внедрения в их сознание мысли, а в подсознание установки, вызывающих отвращение к большевикам, СССР, Сталину, советскому человеку, коммунистической идеологии. Одновременно внушается — мощным напором СМРАП — буржуазная идеология, влечение к материальным ценностям, а исподволь — презрение к своему народу, своей культуре и Отечеству.

Организовать психические эпидемии сравнительно просто в нашу эру электроники: надо лишь владеть средствами массовой информации. Как при любой эпидемии, в подобных случаях в обществе должна сложиться определенная благоприятная среда. Имея в своем распоряжении СМРАП, такую среду нетрудно насаждать, создавать искусственно.

Помимо всего прочего требуется наличие социальных слоев и личностей, подверженных данной духовной инфекции. Необходимо привнести в эту среду достаточное количество «информационных вирусов». Тогда есть все шансы вызвать губительную психическую эпидемию. В особенности, когда данные «вирусы» привносятся постоянно и умело. Для этого разработаны соответствующие психотехнологии.

Но это относится к нашему времени. А полвека назад и раньше не было еще подобных электронных СМРАП, а в СССР еще не сформировались в достаточном количестве приспособленцы и потребленцы, которые стараются примкнуть к имущим власть и капиталы. По этой причине для соратников Сталина было нелегко, а то и невозможно искусственно организовать культ его личности.

Конечно, сравнительно легко возбуждают толпу покупные восторги клакеров — оплачиваемые «аплодисменты, переходящие в овацию». Такими в некоторой степени организованными восторгами обычно завершались выступления диктаторов XX века — Муссолини, Франко, Гитлера, Мао, Сталина.

Но вовсе не обязательно предполагать лицемерие у «подопечных». Торжествует прежде всего массовое воодушевление, обусловленное внушением и психическим резонансом. Тем более это относится к народным массам, к десяткам, а то и сотням миллионов людсй, замороженных магией той или иной личности.

О психотронном оружии

Когда у нас «прорабы перестройки» провозгласили гласность (для согласных), иначе говоря, гласность вопиющего в пустыне, появилось немало публикаций о «зомби», «психотронном оружии». Легкость, с какой раскрыли подобные секреты, заставляла подозревать очередную порцию дезинформации.

В юности я застал Сталина живым, но никакого восторга перед ним не испытал. Или я плохо поддаюсь внушению? Ведь не подействовали на меня слова гипнотизера, на сеансе которого я в те годы присутствовал, да еще и пробовал перейти, как теперь говорят, в измененное состояние сознания.

И все-таки было о чем подумать. Странно, что до Второй мировой войны в СССР стремительно укоренился культ Сталина, а в Германии Гитлера — вождей, чрезвычайно различных по манерам, характеру, интеллекту, убеждениям. Тогда же

были проведены успешные опыты коллективной рефлексологии, биологической радиосвязи, гипнотической телепатии.

Именно с того времени, как бы под первые залпы психологического оружия, началась мания, эпидемия культа личности. Не слишком ли много совпадений, чтобы считать их случайными?

Значительная часть населения любой страны может при определенных условиях поддаться психологической обработке. Современная электронная техника позволяет целенаправленно и в массовых масштабах использовать силу внушения в политических целях.

Любая эпидемия, в том числе и психическая, сначала охватывает ограниченный круг людей, но затем начинает распространяться со скоростью лесного пожара. Многие не поддадутся. Но из них — такова особенность психической эпидемии — часть может притвориться «зомбированными» ради выгоды, из солидарности или трусости, приспособляясь к большинству. А когда энтузиасты данной идеологии приобретут реальную власть, они смогут физически подавлять тех, кто попытается им противодействовать.

Такое оружие наиболее эффективно воздействует, если предварительно провести идеологическую обработку масс, состоящих из более или менее однообразных личностей. При большом скоплении людей в условиях городов и мегаполисов, а также на собраниях и митингах, в крупных коллективах организовать психическую эпидемию не представляет большого труда, если имеются определенные технические средства.

Однако следует иметь в виду: культ личности возник много тысячелетий назад и остается характерной чертой общественного сознания до сих пор. Психические эпидемии происходили и в давние времена, когда ни о каких технических средствах и речи быть не могло. Известны периодические массовые миграции животных, порой приводящие их к гибели. Какие силы направляют подобные движения?

Впервые я стал об этом задумываться, знакомясь с соответствующей литературой, полвека назад. Тогда же обратил

внимание на то, что публикации В.М. Бехтерева, а затем А.Л. Чижевского о массовых психопатиях были последними, появившимися в открытой печати. Значит, соответствующие разработки стали проводить строго секретно.

Насколько актуальна данная проблема, как накрепко связана она с судьбой моей Родины, я окончательно осознал после 1991 года. Рухнуло производство, грянула инфляция, стали безработными миллионы трудящихся, появились нищие и бомжи, резко возросла преступность, процент самоубийств достиг мирового максимума.

Однако несмотря на все это, никаких сколько-нибудь серьезных социальных потрясений так и не произошло. Почему?

Тут-то и припомнилось мне секретное оружие академика Бехтерева. Не его ли применили «перестройщики» на основе разработок НКВД-КГБ или с помощью властей США?

Разве могли десятки миллионов разумных граждан СССР вдруг утратить здравый смысл?! Вот оно — психотронное оружие, из-за которого поплатились жизнью, возможно, миллионы граждан фашистской Германии и сталинского СССР, а первым — академик Бехтерев...

В таком случае объясняется создание буквально на пустом месте «харизматических» лидеров периода «перестройки и реформ». Почему бы точно так же, с помощью, скажем так, «психотроники», не могли у нас раздуть культ ничем особо не примечательной личности Сталина?

Некогда вожди-шаманы завораживали небольшой круг своих соплеменников магическими манипуляциями. Настало время научно-технического прогресса. И то, что маги творили в ограниченных масштабах, можно воссоздавать глобально...

Современных «харизматиков» действительно создают СМРАП. Но можно ли это распространять на магию Сталина? И разве существовали тогда технические возможности для массового внушения? Даже радио было далеко не везде.

Со времен хрущевской «слякоти» («оттепель» была в недолгий период Маленкова) отечественные СМРАП либо ниспровергали культ личности Сталина, либо умалчивали о нем. За последние два десятилетия велась в нашей стране, а в мире еще раньше, невиданная по масштабам атака СМРАП на образ и деяния Сталина. Даже Гитлера проклинали и разоблачали значительно меньше.

И вот в конце 2008 года произошло достаточно странное по сути и весьма показательное по результатам событие: «телешоу» под названием «Имя России».

Сразу надо заметить, что попытка свести образ страны и народа, его историю и достижения к одному-единственному имени выглядит как проявление у организаторов мании культа личности, если не примитивной пошлости и глупости. Но как бы то ни было, а массовое мероприятие свершилось.

Обсуждали в студии каждую кандидатуру некие «эксперты», порой весьма сомнительных интеллектуальных и нравственных достоинств. Но из всех обсуждаемых наибольшую хулу почти все они обрушили на Сталина. Говорить о каком-то объективном и честном обсуждении не приходится, ибо и сам ведущий поощрял хор хулистов. Телезрителям предоставлялась возможность проголосовать за ту или иную кандидатуру.

В результате на первое место вышел... святой князь Александр Невский, сведения о котором овеяны легендами, а для широкой публики известны по великолепному фильму Сергея Эйзенштейна. На втором месте каким-то чудом оказался государственный деятель П.А. Столыпин (1862–1911), о котором подавляющему большинству граждан России практически ничего не известно.

О нем стали восторженно писать со времен Второй буржуазной революции, то есть в период «перестройки и реформ». Выставляют его великим реформатором и борцом с революционным брожением. Хотя вышла книга С.Г. Кара-Мурзы, убедительно доказывающая то, что утверждает ее название: «Столыпин как отец русской революции».

А кто же оказался на третьем месте?

И.В. Сталин.

Более того: до самого последнего дня он оставался первым!

Есть веские основания полагать, что деятели СМРАП по приказу своих хозяев на финише опроса заблокировали на некоторое время доступ к голосованию за Сталина. Об этом писали в Интернете. Мне о том же сообщил из Кельна мой товарищ А. Тринкер.

Удивителен сам факт огромной популярности Сталина в наши дни, несмотря на гигантские усилия хозяев СМРАП и поистине фантастические суммы, затраченные ими для очернения его имени в книгах, изданных многомиллионными тиражами, по радио, на телевидении. Значит, есть какие-то силы, способные превозмочь власть современных психотехнологий, научно-технической магии.

...И все-таки психотронное оружие существует. Его использовали во все века в разных странах — главным образом для воздействия на собственный народ.

Наиболее четко проявилось это в армейских коллективах. Американский военный психолог Норман Коупленд пришел к выводу: «Моральное состояние войск — секретное оружие... Оно невидимо и неосяземо. Это самое могущественное оружие, известное человеку...» (То же с полным основанием можно сказать и о моральном состоянии народа той или иной страны.)

Французский публицист и писатель Андре Моруа, анализируя причины позорного поражения своей страны во время Второй мировой войны, перечислил их: 1) плохое руководство; 2) отсутствие духа товарищества; 3) низкое моральное состояние; 4) недостаток инициативы; 5) недисциплинированность.

Вот каковы, по его мнению, слагаемые победы:

«Быть сильным. Если нация не готова умереть за свою свободу, она потеряет ее.

Действовать быстро. Десять тысяч самолетов, построенных своевременно, лучше, чем пятьдесят тысяч после сражения.

Руководить общественным мнением. Руководитель указывает путь, а не идет на поводу.

Хранить единство страны. Политические партии являются пассажирами на борту одного корабля. Если они потопят его, то погибнут все.

Требовать от руководителей вести честную жизнь. Порок, каким бы он ни был, благоприятствует врагу.

Непоколебимо верить в идеи и образ жизни, за который сражаешься».

Таковы принципы выживания и процветания страны, ее побед над врагом. В данном случае речь идет не о техническом, а о психологическом оружии армии. Одно оно, конечно, не гарантирует победы, тем более в наше время изощренных военных технологий. Но в любом случае является первостепенным.

Война — стрессовое состояние общества. А его неотъемлемая часть — духовная среда (психосфера). От ее состояния зависят судьбы стран и народов не только в военное, но и в мирное время.

Об этом на примере упадка великих империй прошлого убедительно писал более столетия назад французский ученый Густав Лебон: «Для всех прошедших цивилизаций механизм разложения был одинаков... После того как какой-нибудь народ достиг той ступени могущества, когда он, уверенный в своей безопасности, начинает наслаждаться благостями мира и благосостояния, доставляемыми ему богатством, его военные доблести постепенно теряются, излишество цивилизации развивает в нем новые потребности, растет эгоизм.

Гоняясь только за лихорадочным наслаждением, быстро приобретенными благами, граждане предоставляют ведение дел государству и скоро теряют все качества, некогда создавшие их величие...

Римляне древних веков имели очень малые потребности и очень сильный идеал. Этот идеал — величие Рима — абсолютно господствовал над всеми душами».

Позже возобладали низкие идеалы сытости, роскоши и удовольствий (для господствующей элиты и приближенных к ней). И великая Римская империя, духовно прогнив, рухнула. Впрочем, только ли она пала таким образом? И разве с нашей страной было иначе?

То, что произошло с Советским Союзом, странами народной демократии и постсоветской Россией, — наглядный и уникальный по выразительности пример психической эпидемии. Возможно, такова прелюдия к более грандиозному явлению в глобальном масштабе.

Кому-то может показаться, будто все дело сводилось к экономическим факторам (хотя в действительности экономика СССР и стран народной демократии развивалась успешней, чем в государствах Западной Европы, — по данным ООН).

Обдумать и понять такие катастрофы не так просто, как может показаться. Формируются и внедряются в сознание масс не только определенные стереотипы мышления и поведения. Происходит вторжение в подсознание, деформирующее глубинные основы личности.

Странное обаяние тирана

Как показывают многочисленные примеры, в наше время не представляет большого труда сотворить для телетолпы с помощью СМРАП кумира из посредственной заурядной личности. Для этого достаточно продемонстрировать данного человека многомиллионной аудитории чаще, выставлять его в образе патриота и благодетеля народа, одобрять его действия и восхищаться талантами, приписывать ему несуществующие достоинства и мнимые деяния.

На некоторый срок, даже на несколько лет, такое массовое внушение возможно. Однако если оно со временем будет все более противоречить тому, что происходит в дей-

ствительности, то рано или поздно произойдет конфликт мнимости и реальности, сильный психологический стресс. Такова закономерность, давно отмеченная специалистами.

Но если имя Сталина для многих наших сограждан до сих пор связано с величием нашей страны, с памятью о славном прошлом, следовательно, не появилось за полвека сколько-нибудь весомых убедительных фактов, заставлявших усомниться в его достижениях и достоинствах. А ведь официальная пропаганда упорно вколачивала в сознание масс его негативный образ. Не менее активно действовали зарубежные СМРАП.

Казалось бы, имя Сталина окончательно втоптано в грязь, опозорено и проклято. Ведь ему приписывают от 30 до 100 миллионов жертв! Как тут не содрогнуться?!

Тем болсе ошеломляет результат телешоу «Имя России». Несмотря на усилия его организаторов и ведущих, Сталин оказался на третьем месте. Значит, огромная часть людей, которых всерьез интересовал этот проект, выдвинула, как ни странно, Иосифа Джугашвили в первую тройку тех, кто достоин олицетворять Россию.

Подчеркнем важное обстоятельство, помогающее верней оценить результаты данного референдума.

В одних случаях речь шла о деятелях далекого прошлого, о которых известно только из литературы (скажем, об Александре Невском, Петре I или П.А. Столыпине). Их дела стали достоянием истории. Не осталось в живых их современников. Почти никто из голосовавших ничего толком не знал ни о них, ни об их времени больше того, что услышал при обсуждении этих кандидатур. А оно не было объективным.

Совсем иная ситуация со Сталиным. До сих пор осталось много наших соотечественников, кто застал его эпоху и может сравнить ее с тем временем, которое было после него.

Если при Сталине осуществлялся массовый террор, то большинство современников вождя, у кого были репрессированы родственники, знакомые, должны были проголосовать за кого угодно, только не за него. К тому же за послед-

ние 20 лет по радио и ТВ постоянно выступали обличители сталинского террора, а один из наиболее активных — Солженицын — был прославлен как великий писатель и страдалец, был обласкан начальством, имел широчайшую аудиторию и считался некоторыми мудрецом и пророком.

Может быть, телезрители, голосовавшие за Сталина, хотели таким образом выразить свое негативное отношение к нынешним правителям страны? Но если верить опросам социологов, доверие к президенту и премьеру России чрезвычайно высоко. Это же подтверждают результаты выборов. Так что или результатам опросов и выборов президентов РФ не следует доверять, или все-таки голосовавшие за Сталина искренне выразили свое отношение к нему.

Кому-то может показаться, что у этих людей пенсионного возраста ослабла память, а воспоминания детства и юности естественным образом окрашены в розовые тона. Однако подавляющее большинство советских людей жили в то время трудно, а то и впроголодь. Кто об этом забудет? И если моя семья, например, была после войны в относительном достатке, то мне было совершенно ясно, что слишком многие лишены даже этого, а есть и те, кто голодает.

Но столь же очевидно было: все меняется к лучшему. Поднимались из руин города, восстанавливались колхозы и совхозы. Продуктовые карточки у нас были отменены раньше, чем в некоторых государствах Европы. А ведь наша страна пострадала от войны больше всех остальных, вместе взятых.

Правда, и на это есть ответ: виновен Сталин. Это он развернул коллективизацию и борьбу с кулаком. Это он организовал репрессии. Это он приказал уничтожить значительную часть высшего командования Красной Армии. Это он проморгал начало войны с фашистами. Это он бездарно руководил войсками как Верховный Главнокомандующий. Это он опустил «железный занавес»...

Во всем этом нам предстоит разобраться.

Ведь если все эти суровые обвинения или даже часть их убедительно обоснованы, то никакого рационального объяс-

нения культа Сталина при жизни и тем более его популярности на протяжении более чем полувека после смерти нет.

Остается предположить какое-то загадочное явление коллективной психологии с элементами мазохизма.

Но это если и применимо, то в наибольшей степени — к прославлению Адольфа Гитлера. Он часто выступал перед огромной аудиторией в обстановке почитания; был эмоционален, едва ли не входил в экстаз, вызывая ответную реакцию у слушателей. А они уже были подготовлены к подобной мистерии благодаря идеологии нацизма, основанной на древних архетипах, на мистических образах германского мрачного эпоса, на культе личности.

У Иосифа Сталина все было иначе. Он выступал перед широкой аудиторией чрезвычайно редко, что характерно для людей, не склонных наслаждаться овациями и восторгами в свой адрес. Идеология марксизма-ленинизма, которую культивировали в СССР, отвергала мистику, опиралась на коллективизм. Поведение и манера говорить у него были просты и сдержанны, ориентированы не на возбуждение эмоций, а на здравый смысл, размышления. Он стремился не внушать, а доказывать.

Итак, если Гитлер активно и умело использовал приемы внушения, то о Сталине этого сказать нельзя. Напротив, он их сознательно избегал.

Так было ли что-либо подобное магии Сталина? (Не в мистическом, а в обыденном смысле, как обаяние личности, внушающей уважение, восхищение, полное доверие.) Может быть, не было никакой такой магии вовсе?

Вопрос не праздный. Как известно, слишком часто правитель бывает прославлен благодаря тому, что создает с помощью хорошо налаженной системы пропаганды образ мудрого, благородного отца народа. Недаром говорят: короля играет свита.

Правда, и тут в отношении Сталина получается иначе. Его выходы не были никогда обставлены торжественно. Одевался он скромно, обращались к нему просто — «товарищ Сталин». Никакой особой свиты он не имел: в его

окружении были такие же, как он, именно товарищи, а не важные господа-вельможи.

Так чем же все-таки объяснить поистине магическое воздействие Сталина и на отдельных людей, и на народные массы?

Великий манипулятор?

В книге психолога В.П. Шейнова «Скрытое управление человеком. Психология манипулирования» (М.—Минск, 2002) приведены разнообразные приемы давления на сознание и защиты от подобных воздействий. Есть глава, посвященная политике. Подзаголовок «Гениальный манипулятор». Начинается она так:

«Жизнь и деятельность И.В. Сталина являются прекрасной иллюстрацией того, сколь много можно достичь, обладая психологическим талантом и умением манипулировать людьми. Действительно, за короткий срок он создал культ своей личности, какого не знала история. Сталину верили, Сталина боготворили, Сталина боялись. Когда он умер, люди плакали, как будто их покинул самый близкий на свете человек. И это несмотря на то, что миллионы семей пострадали в жестокой мясорубке сталинских репрессий».

Обратим внимание: автор не сомневается в том, что существовала «мясорубка репрессий», от которой страдали миллионы людей, хотя были опубликованы официальные, основанные на документах цифры, опровергающие его утверждение. Таков реальный и бесспорный результат внушения, которое воздействовало на сознание В.П. Шейнова. Впрочем, вернемся к его тексту.

Из способов психологического давления, к которым прибегал Сталин, автор назвал среди первых: привычку стоять или прохаживаться по кабинету, когда все остальные сидят, и «медленную, с большими паузами речь», которая «обычно воспринимается как внушающая большое доверие».

Самое примечательное в подобных суждениях: они отражают глубоко укоренившуюся политическую установку автора. В угоду ей он запомнил, что в современной психологии, основанной на экспериментах, утверждается: наибольшее доверие вызывает достаточно быстрая, энергичная, эмоциональная речь.

Такого рода ораторами были, например, А.А. Керенский, Л.Д. Троцкий, А. Гитлер (из современных к ним можно причислить Жириновского). Они завораживали аудиторию или, как Гитлер, подавляли силой эмоций рассудок слушателей. У них слова лились потоками, так что отдельные стилистические огрехи (которых у них было немало, особенно у Троцкого) проскальзывали незаметно.

Тут же, противореча себе, В.П. Шейнов пишет, что Сталин «был плохим оратором». И даже утверждает: «Он не был близок с Лениным» (это он-то, кого — и только его! — Ленин попросил в случае обострения болезни, угрозе безумия, достать для него яд. — *Р. Б.*). И делает вывод: «по всем критериям Сталин проигрывал своим соперникам (Бухарину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву)».

Понятно, что Шейнов не историк, мало интересовался реальными событиями и фактами, а доверился более или менее общепринятым со времен Хрущева, а особенно в период Горбачева–Ельцина штампам официальной антисталинской пропаганды, преувеличившей количество политически репрессированных в 10 и более раз (об этом у нас еще пойдет речь).

Итак, взявшись за тему скрытого управления человеком, связанную с политикой, специалист-психолог стал жертвой внедренной извне установки. Этот квалифицированный автор считает ее выработанной и выстраданной самостоятельно. У него не возникло сомнений в ее безупречности.

Почему же тот, кто учит других противостоять «психологии манипулирования», сам попал под ее влияние? Потому что в тех вопросах, в которых он не компетентен, он полностью доверился мнению, наиболее широко распространенному в кругах интеллектуалов, которое разделяют, по видимому, те люди, которых он признает за авторитетных.

Таковы издержки «коллективного мышления» и эффект среды, политической пропаганды, управляющей общественным мнением. Даже странно, что Шейнов не сослался на версию, также распространенную в среде интеллектуалов: Сталин — параноик. Несмотря на бредовость такого заключения (со Сталиным беседовали многие незаурядные мыслители, знаменитые политики, писатели, и никто из них не усомнился в его уме, выдержке, воле, обширных знаниях), она достаточно широко распространена.

Немалая часть российских служащих охотно поверила клевете, пущенной в оборот еще геббельсовской пропагандой. Мол, в сталинском СССР было более 10 миллионов заключенных, в основном политических и вдобавок невинно осужденных; СССР — тюрьма народов, где сажают в тюрьмы и расстреливают за колосок, поднятый с колхозного поля; в Великой Отечественной войне было убито более 20 миллионов советских солдат и офицеров...

И повторяли этот пропагандистский бред (повторяют до сих пор!), казалось бы, весьма солидные люди, выступающие по радио и телевидению. Если им верить, то невольно возненавидишь Сталина до глубины души. Выработаешь твердую установку: Сталин — величайший злодей, оправдать которого может только то, что он был психически ненормален.

Признаюсь, я проводил эксперименты с некоторыми своими знакомыми буржуазно-демократических взглядов, восхваляя при них Сталина. Одно только это имя вызывало у них бурю негодования. Они и слушать ничего не хотели. Попытки ознакомить их с некоторыми фактами и суждениями, свидетельствующими о незаурядности Сталина как государственного деятеля, никакого впечатления не производили, а лишь подливали масла в огонь.

Мне было интересно и поучительно все это наблюдать еще и потому, что при жизни Сталина, по молодости лет, я сомневался в его гениальности. Это мнение вызывало искреннее недоумение или глубокое возмущение собеседников. В редких случаях со мной не только не соглашались, но и называли его, да и вообще большевиков злодеями. Один

старый интеллигент, побывавший в лагерях, на мой вопрос о том, как он относится к Сталину и Берии (дело было в хрущевский период), пожал плечами: «Вы, молодой человек, забываете, что до них были Ленин и Дзержинский». К Сталину, как оказалось, он относился с уважением.

Почему я так подробно говорю о том, что связано в нашем обществе с именем Сталина? Потому что это имя (именно — имя, символ) стало ключевым для понимания истории России-СССР в XX веке и даже, пожалуй, в XXI. С ним связаны высочайший взлет нашей державы и в конце века — глубочайшее и позорное падение. В периоды мощного подъема страны и Великой Победы это имя миллионы граждан (не все, конечно) произносили с восторгом, воодушевлением, уважением. В период распада державы СМРАП упорно внушали населению отвращение и ненависть к этому имени. И чем больше, яростней проклинали его, давным-давно покинувшего этот мир, тем хуже становилось положение страны.

При Сталине смертность в СССР снижалась, шел постоянный прирост населения — более высокий, чем на Западе. При Хрущеве началось невиданное для второй половины XX века повышение смертности, а при Ельцине — так называемая депопуляция, то есть вымирание русских в России.

Одни лишь совершенно бесстрастные цифровые демографические показатели доказывают, что советский народ имел веские основания восхвалять Сталина. Проклинать его в конце XX века имело смысл только для того, чтобы утвердилась антисоветская власть под руководством Ельцина. Именем Сталина запугивали граждан страны, возбуждали у них отвращение и ненависть не только к нему, но, в сущности, к Советскому Союзу, социалистической системе, коммунистической идее как таковой. Для победоносной буржуазной революции это было совершенно необходимо. Потому-то и прошла она почти без жертв, при поддержке значительной части населения.

Эффективность политических психотехнологий в наше время очень велика. Почти все изданные за последнее десятилетие работы, посвященные коллективной и социаль-

ной психологии, содержат вовсе не обязательное упоминание о советском периоде в негативном аспекте. Сплошь и рядом авторы не замечают, что повторяют внедренные в их сознание пропагандистские штампы. Специалисты-психотехнологи нередко без тени сомнений демонстрируют свою готовность поддерживать существующую власть (даже не уточняя, какая она) в конфликтах с народом.

В содержательной книге профессионалов И. Смирнова, Е. Безносюка, А. Журавлева «Психотехнологии» сказано между прочим: «Ясно, например, что использование внушения для снижения вероятности общественных беспорядков является более гуманным средством, чем применение каких бы то ни было специальных средств и тем более силовых приемов».

То есть общественные беспорядки надо подавлять, но лучше это делать загодя, внедряя в сознание масс установку на покорность власти имущим и хозяевам. Но ведь общественные беспорядки обычно вызваны бедственным положением народа, злоупотреблениями властей, торговцев, предпринимателей...

В том-то и дело, что нанимают психотехнологов вовсе не народные массы, которые в наше время как никогда оказываются в научно организованной духовной кабале.

«Секретное оружие Бехтерева» во второй половине XX века было взято на вооружение во многих странах. Не потребовалось изобретать какие-то особые технические приспособления, вызывающие гипнотический эффект, усиливающие внушение. Использовались ли при этом принципы, сформулированные в «Коллективной рефлексологии»? Необязательно. Подобные исследования проводились, помимо всего прочего, в закрытых лабораториях. Приемов, упомянутых в общедоступных сочинениях, вполне достаточно для манипуляции общественным сознанием, что и делается вполне успешно.

Остается немало личностей и целых коллективов вне сферы подобных влияний или даже пытающихся им противостоять. Но против них выступают не просто какие-то злокозненные буржуи и капиталисты, проклятые эксплуатато-

ры. Ситуация куда трудней, если не безнадежней. Против них объективные законы эволюции техносферы, зародившейся в теле биосферы в результате глобальной технической деятельности человека.

Благоустроявая своим трудом и знаниями окружающую природную среду, создав для этого технику и производственные системы в промышленности и сельском хозяйстве, человек в конце концов оказался заложником тех сложнейших материальных и интеллектуальных структур, которые он создал. Они деформируют его психосферу, приспособлявая ее к требованиям техносферы.

Электронные наркотики воздействуют на огромные массы людей самым негативным образом. Они дестабилизируют психосферу, погружают в сумеречное состояние сознание, переносят в иллюзорные миры, внедряют определенные экономические и политические установки, подавляют индивидуальность, воспитывают поколения бездумных потребителей, жаждущих материальных благ в изобилии, преизбытке.

Этому содействует массовая популярная культура с ее разновидностями: поп-искусством, поп-наукой, поп-философией, поп-литературой. Все это — суррогаты, требования к которым: развлекать и отвлекать от «излишних» мыслей и переживаний, создавать, как на конвейере, поколения техногенных людей, соответствующих требованиям наркоцивилизации.

Все это относится не просто к неким безликим массам, а ко всем нам, включая тех же буржуев и капиталистов (они, пожалуй, еще больше других подвергаются психическому давлению, духовным деформациям).

Подчеркиваю: таковы объективные обстоятельства! Техносфера и наркоцивилизация складываются не по злой воле глобальных владык, а по объективным закономерностям. Они определяются глобальной деятельностью человека, ставшей космическим фактором.

Глава 2

ИМЯ И СУДЬБА

И шестикратно я в сознании берегу,
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы.
Его огромный путь — через тайгу
И ленинский Октябрь — до выполненной клятвы.
Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, что солнце светит.
Правдивей правды нет, чем искренность бойца;
Для чести и любви, для доблести и стали
Есть имя славное для сжатых губ чтеца —
Его мы слышали, и мы его застали.

Осип Мандельштам

Есть поверье, что имя человека во многом определяет его судьбу. Как мне кажется, для некоторых людей подобная закономерность бывает существенной, хотя, конечно, не определяющей.

Но в некоторых случаях имя человека становится символическим и сказывается в той или иной мере на судьбах огромных масс людей. Вспомним: Будда, Ирод, Цезарь, Иисус Христос, Иуда, Мухаммед, Чингисхан... Об этих людях писали философские и научные труды, слагали небылицы.

В этом достаточно большом ряду стоит и Сталин. Не столько реальный человек, сколько образ, вошедший в поэзию и прозу, сочинения историков, бесчисленные вос-

поминания. Пожалуй, ни у кого другого нет такого невероятного диапазона оценок: от святого, пророка, величайшего государственного деятеля всех времен и народов — до чудовищного злодея столь же вселенских масштабов, погубившего сотню миллионов людей.

Будь у него на протяжении всей жизни одна лишь подлинная фамилия — Джугашвили, — вряд ли он возглавил бы на многие годы СССР и стал вождем прежде всего русского советского народа. Из нескольких его псевдонимов наилучший для этой цели — Сталин. Это имя обладает какой-то магической силой внушения. Оно одновременно и звонкое, и суровое, краткое и символичное, созвучно с именем «Ленин», хотя слышится «сталь» — отличная характеристика для твердого и в то же время гибкого руководителя, да еще, быть может, подобного стальному клинку.

Какое озарение раскрыло ему славную судьбу такого имени? Мог ли он предугадать, что оно предопределит его подъем на вершину власти как преемника Ленина и в немалой степени будет этому содействовать?

Многоликий Иосиф

Иосиф Джугашвили, грузинский мальчик из городка Гори, с детства отличался твердым характером. Правда, сведения о становлении его личности скудны и противоречивы. Так обычно бывает с людьми из народа, ставшими в зрелом возрасте знаменитыми.

До этого времени на них обычно никто внимания не обращал (если не считать музыкантов или художников, рано проявивших свои способности). А когда они прославлены, то о них вспоминают друзья и поклонники в розовом свете, а недруги — в мрачных и серых тонах.

Некоторые сантехники человеческих душ утверждают, что маленького Иосифа, не имевшего друзей, жестоко поколачивал отец — сапожник и пьяница. Так они объясняют появление аномалий в психике мальчика. Правда, частень-

ко те, кого в детстве только гладили по головке и баловали, вырастают недоумками и подлецами, а прошедшие суровую жизненную школу становятся достойнейшими людьми. Но дело даже не в этом.

Порки 150–100 лет назад были достаточно широко распространены даже в так называемом «высшем обществе». О телесных наказаниях Иосифа Джугашвили достоверных сведений нет. Зато определенно доказано, что были у него друзья, учился он хорошо, получая грамоты. А жить ему приходилось в трудных материальных условиях, и много лет без отца, который уехал на заработки в Тифлис. Кстати, в связи с этим Сталин в 1907 году сделал важное замечание, помогающее понять одну из веских причин перерождения некоторых не только рабочих, но и крупных партийных деятелей:

«Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханова, но не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капитал, а затем вновь открыть свою мастерскую...

Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги — дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Как видите, у этого сапожника положение уже пролетарское, но сознание его пока еще не пролетарское, оно насквозь мелкобуржуазное. Иначе говоря, мелкобуржуазное положение этого сапожника уже исчезло, его нет больше, но его мелкобуржуазное сознание еще не исчезло, оно отстало от его фактического положения».

То есть убеждения человека далеко не всегда являются выражением его социального положения. Как можно было убедиться на поведении многих членов КПСС и даже крупных партийных идеологов и функционеров, на деле они оказались носителями не только мелко-, но и вполне крупнобуржуазного сознания. Это стало одним из главных факторов крушения СССР.

А что касается детства, времени формирования личности вождя, то оно во многом остается неопределенным. Была попытка создать книгу об этом его периоде жизни. Она уже была готова в издательстве «Детгиз», и его руководители передали рукопись в канцелярию Генерального секретаря. И получили ответ:

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ, говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

И. СТАЛИН

16 февраля 1938 г.».

Кто-то усмехнется: вот она, показная скромность диктатора, тирана и творца собственного культа! Вот она, яркая демонстрация его хитрости, двуличности!

Однако письмо это оставалось под грифом «для служебного пользования» и при жизни вождя не печаталось.

В беседе со Сталиным немецкий писатель Эмиль Людвиг задал вопрос:

— Что вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

— Нет. Мои родители были необразованными людьми, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма...

В кондуитском (дисциплинарном классном. — *Р.Б.*) журнале Тифлисской духовной семинарии записано, что Джугашвили, имея абонемент в «Дешевой библиотеке», читал предосудительные книги (в частности, В. Гюго «Труженики моря», «93 год», Ш. Летурно «Литературное развитие народов и рас». — *Р.Б.*), за что не раз побывал в карцере.

Даже наказания не отбили у него желания читать хорошие книги. Во время учебы в семинарии он писал стихи, которые печатались в газетах, а одно из них было включено в «Грузинскую хрестоматию или сборник лучших образцов грузинской словесности» (1907). О чувствах и мыслях юного Иосифа свидетельствуют его стихи (перевел с грузинского Феликс Чуев, последнее стихотворение — Вячеслав Молотов).

ЛУНЕ

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.
К земле, раскинувшей сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.
Но твердо знай, кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.
Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.
Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.

Когда крестьянской горькой долей,
 Певец, ты тронут был до слез,
 С тех пор немало жгучей боли
 Тебе увидеть привелось.
 Когда ты ликовал, взволнован
 Величием своей страны,
 Твои звучали песни, словно
 Лились с небесной вышины.
 Когда, отчизной вдохновленный,
 Заветных струн касался ты,
 То, словно юноша влюбленный,
 Ей посвящал свои мечты.
 С тех пор с народом воедино
 Ты связан узами любви,
 И в сердце каждого грузина
 Ты памятник воздвиг себе.
 Певца отчизны труд упорный
 Награда увенчать должна:
 Уже пустило семя корни,
 Теперь ты жатву пожинай.
 Не зря народ тебя прославил,
 Перешагнешь ты грань веков,
 И пусть подобных Эристави
 Страна моя растит сынов.

Когда луна своим сияньем
 Вдруг озаряет мир земной
 И свет ее над дальней гранью
 Играет бледной синевой,
 Когда над рощею в лазури
 Рокочут трели соловья
 И нежный голос саламури
 Звучит свободно, не таясь,
 Когда, утихнув на мгновенье,
 Вновь зазвенят в горах ключи
 И ветра нежным дуновеньем
 Разбужен темный лес в ночи,
 Когда кромешной тьмой томимый
 Вновь попадет в свой скорбный край,

Когда кромешной тьмой томимый
Увидит солнце невзначай, –
Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебю, друзья,
Прославьте Родину свою!»

* * *

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.
Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом –
Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги –
Злая старость не щадит...

Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг.

* * *

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Или это была только поза юноши, игравшего роль поэта? Вспомним, что у Иосифа Джугашвили было много псевдонимов. Не отражает ли это его натуру хамелеона, умеющего менять свое обличье, приспособляясь к разным ситуациям?

Сосо, Коба, Сталин, Иванов, Константин, Михайлов... Были у него и другие имена. Он и в историю вошел под выдуманной фамилией. Не отражает ли это его подсознательное стремление к сокрытию своей подлинной сути и проявление даже не двуличности, а какой-то маниакальной «многоликости», смахивающей на безликость?

Правда, объяснение может быть иным и более правдоподобным. Ведь первые псевдонимы он брал, работая в подполье, а во время войны принимал секретные сообщения, естественно, под разными прозвищами. Одно бесспорно: придуманное им для себя имя Сталин было поистине гениальным открытием, пророчеством.

Психологические портреты в грязных тонах

Немецко-американский психолог-писатель Эрих Фромм, еврей по национальности, в книге «Анатомия человеческой деструктивности» дал Сталину такой диагноз:

«Одним из самых ярких исторических примеров как психического, так и физического садизма был Сталин. Его поведение — настоящее пособие для изучения несексуального садизма (как романы маркиза де Сада были учебником сексуального садизма)».

Приведя примеры страшных злодейств и коварства Сталина, ученый сослался как на главный авторитет на... книгу Роя Медведева!

Станный «научный метод», основанный на свидетельстве человека, если и имеющего отношение к психиатрии, то более как пациент, а не лечащий врач. К тому же этого человека никак не назовешь беспристрастным свидетелем. С таким же успехом можно было бы давать характеристику СССР и Красной Армии по материалам геббельсовской пропаганды.

По словам Фромма, садизм Сталина проявлялся в полной мере благодаря его абсолютной власти:

«Жизнь и смерть зависели от его каприза. Этим, быть может, объясняется то, что некоторым людям он сохранил жизнь: например, Литвинову (после краха его миролюбивой политики на Западе). То же самое относится к Илье Эренбургу, который был воплощением ненавистных Сталину черт личности... и к Пастернаку, который, как и Эренбург, был «уклонистом». Медведев это объясняет тем, что Сталину в отдельных случаях было необходимо сохранить жизнь кое-кому из старых большевиков, чтобы поддержи-

вать иллюзию, что он продолжает дело Ленина. Но в отношении Эренбурга, конечно, совсем другой случай. Я думаю, что главным мотивом для Сталина было наслаждение своей неограниченной властью».

Потрясающий психопатический анализ!

В здравом ли уме это написано? Или почтенный автор находился в состоянии глубокого гипноза, прострации, а нехорошие люди внушили ему нелепые идеи? Ведь обличает он не столько жуткие качества личности Сталина, сколько беспардонную ложь Р. Медведева и свою глупость.

Положим, человеку непорядочному лгать не запретишь. Но как может поверить в эту неумную и грязную клевету тот, кто считает себя ученым? Неужели недосуг было проверить подброшенные сведения? Как можно делать глубокомысленные выводы на таком вязком основании?!

Подумать только: вождь решил поиздеваться над бедным Эренбургом, когда вместо того, чтобы убить его из ненависти, дважды наградил Сталинскими премиями (1942 и 1948 годы)! Изощренный садизм!

Тот же Фромм утверждал: «У Сталина в первые недели войны 1941 г. явно начался психологический кризис». Еще одна журналистская протухшая утка, которую смакует ученый. Давно опровергнута она фактами: свидетельствами очевидцев, записями в книге приемов в рабочем кабинете Сталина. Но для Фромма главной целью была антисоветская пропаганда под видом научного исследования. И это вдвойне отвратительно.

Многописного историка сталинизма Роя Медведева частенько уличали в клевете и лжи на избранном им (небескорыстно) поприще. Вот его описание Сталина: «небольшой рост, низкий лоб, частые оспины на лице». А каким еще может быть облик гнусного тирана? То же подхватил Б. Окуджава: «Маленький, немытый и рябой» (этого барда сначала вдохновляли «комиссары в пыльных шлемах»; но сменилась власть, он запел другие песенки).

Однако даже злобный недруг покойного вождя Илизаров вынужден был признать: «Внешность Сталина действи-

тельно была незаурядной... Вопреки распространенному мнению, Сталин... не был уж очень маленького роста. После 60 лет фигура Сталина стала медленно оплывать, но до конца жизни он весил около 70 кг при росте 170 см». В сноске добавил: «До сих пор в литературе утверждается, что рост Сталина не превышал 160 см. См.: Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. Психоаналитические исследования. Пер. с англ. 1996. С. 75».

Итак, рост Сталина по тем временам был выше среднего (в молодости, судя по данным царской охраны, он имел 174 см (по-видимому, в обуви, так что пару сантиметров можно вычесть). Он был повыше того же Окуджавы. Впрочем, величие государственного деятеля и полководца измеряется не в сантиметрах его роста, а то придется признать Наполеона Бонапарта, да и некоторых других правителей полными ничтожествами. Но, видно, такая простая мысль чужда изощренным умам Р. Медведева, Б. Окуджавы, Ранкур-Лаферриера и пр.

Что касается лба Сталина, то при средней высоте (из-за отсутствия лысины) он был широк, что по канонам античных времен считалось признаком «львиного характера». А вот высокий узкий лоб (примерно, как у Р. Медведева) обличал глупца и труса.

Но это — измышления антинаучной физиогномики. Иное дело, личные впечатления. Когда я однажды увидел вблизи Б. Окуджаву, он мне действительно показался не только маленьким (что естественно), но и весьма несимпатичным, хотя был ли он немытым и рябым, признаться, я не заметил, да и не стремился к этому.

Завершая тему источников «психоаналитических» разборов личности Сталина, обратимся к еще одному высказыванию Р. Медведева:

«Сталину нравилась не только неутомимая и лояльная деятельность Молотова, но и то, что тот был человеком маленького роста. Крупные, высокие и красивые люди раздра-

жали низкорослого и рябого диктатора. В знаменитом стихотворении О. Мандельштама о Сталине, которое стоило поэту жизни, есть строка:

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...

Как писала позднее вдова Мандельштама, «тонкую шею» Осип приметил у Молотова — она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой».

Тут каждая фраза заслуживает комментария. Есть нечто шизоидное в том, как болезненно реагирует Р. Медведев на рост политических деятелей. Будь он сам размером с центрального нападающего баскетболиста, то в таком случае Молотов, в котором было не менее 175 см, показался бы ему малышом. Но сам-то Рой (не рой под других!) вовсе не такой.

Ну а как быть с «крупными, высокими и красивыми»? Вполне подходит для маршала Рокоссовского. А его-то очень даже уважал и ценил Сталин. Да и Громыко, например, был не из низкорослых... Странно даже, что Сталин не приблизил к себе никого из отменно рябых, косых, да еще и карликов. Как бы они ублажали его взгляд!

Выше приведен фрагмент из антисталинского стихотворения О. Мандельштама; но следовало бы знать, что за этот пасквиль, написанный в ноябре 1933-го, поэта не лишили жизни, а сослали... на 3 года в Воронеж!

В 1937 году, пожив среди русского «простого» народа, увидев, как поднялась страна после бед начала десятилетия, он написал:

Средь народного шума и сбега,
На вокзалах и пристанях
Смотрит века могучая вежа
И бровей начинается взмах.

. . . . .

И к нему, в его сердцевину
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

Писал он это не в прокуратуру, а в свою заветную тетрадь. Туда же занес другое стихотворение, где сказано:

И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.

Завершение «Оды»:

Правдивей правды нет, чем искренность бойца:
Для чести и любви, для доблести и стали
Есть имя славное для сжатых губ чтеца –
Его мы слышали, и мы его застали.

На Сталинскую конституцию О. Мандельштам отозвался «Стансами», в которых такая строфа:

Но это ощущение сдвига,
Происходящего в веках,
И эта сталинская книга
В горячих солнечных руках...

Вот за какие стихи был он сослан в 1938 году на Дальний Восток, где вскоре и умер. Тут есть о чем поразмыслить. Но беда, если эту непомерную и непривычную для них ношу бодро взвалят на себя такие мудрилы, как Р. Медведев, Э. Фромм и тому подобные сантехники человеческих душ.

Наконец, еще один поучительный пример. В книге «Ближний круг Сталина» Роя Медведева есть главка «Человек без биографии». Нелепая характеристика, если учесть, что даже у мнимого поручика Кижского из сатирического рассказа Юрия Тынянова кое-какая биография возникла со временем. А ведь тут речь идет о Г.М. Маленкове, ставшем третьим (после Ленина и Сталина) вождем СССР! Даже из куцых писаний Медведева следует, что у него биография имела — интересная и поучительная.

Свое мнение этот вульгаризатор и осквернитель истории обосновал так: «Он не имел ни своего лица, ни собственно-

го стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина. И когда Сталин умер, Маленков сумел удержаться у руководства страной и партией чуть более года. Наследство Сталина оказалось чрезмерно тяжелой ношей для Маленкова, и он не смог сохранить его в своих, как обнаружилось, не слишком сильных руках».

Что тут скажешь? Убогое объяснение отстранения руководителя страны от кормила власти: использован оборот из кухонного лексикона. Неужели не нашлось других слов и мыслей?

«Интеллигенция в отличие от крестьянства, — пишет Р. Медведев, — которое, конечно же, ничего не знало о прежней деятельности Маленкова, относилась к нему с недоверием или даже с неприязнью. В стихотворении „О России“, оправдывая эти настроения, поэт Наум Коржавин тогда писал:

В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче вся твоя судьба?»

Признаться, не очень-то умиляют радители за Россию типа Коржавина (Манделя), пусть даже употребляющие натужно простонародное «неужто». И зачем Медведев противопоставил советскую интеллигенцию крестьянству (куда-то пропали рабочие)? Среди первых встречались убежденные сторонники советской власти, а среди вторых — ее противники. И разве служащие, интеллектуалы не знали о кровавых расправах Хрущева на Украине и в Москве? И как поэт высмотрел взгляд Маленкова, никогда с ним не встречаясь? На портретах у Георгия Максимилиановича взгляд ясный и умный (не в пример, между прочим, Коржавину). Конечно, на то и парадные портреты. Но вот признание посла США Чарльза Болена, приводимое все тем же Медведевым:

«В бытность мою послом я значительно улучшил мнение о Маленкове, чему способствовали наши встречи на кремлевских банкетах. Его лицо становилось очень вырази-

тельным, когда он говорил. Улыбка наготове, искры смеха в глазах и веснушки на носу делали его внешность обаятельной... Его русский язык был самым лучшим из тех, что я слышал из уст русских лидеров. Слушать его выступления было удовольствием... С другими лидерами, особенно с Хрущевым, не было никаких точек соприкосновения, никакого общего языка».

Между прочим, Хрущев писал, будто Сталин так характеризовал Маленкова: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен».

Занятно, что такому убогому «писарю» Сталин поручил важнейшую работу подбора руководящих кадров, а со временем сделал, в сущности, своим преемником. А уж о самостоятельных мыслях Никиты Сергеевича вспоминать приходится подчас с отвращением...

Если в борьбе за власть именно Хрущев оказался в конце концов победителем, то следует иметь в виду, что в политической борьбе нередко побеждает подлейший. Никакими интеллектуальными или тем более нравственными достоинствами Хрущев не обладал. Он был хитрецом и пройдохой, сумевшим вовремя заручиться поддержкой партийной номенклатуры.

«Чудесный грузин»

Так отозвался о Сталине в феврале 1913 года Ленин в письме Горькому. Тогда Коба (подпольная кличка И.В. Джугашвили) работал в Вене, изучая в библиотеках литературу преимущественно по национальным проблемам. Отметим в связи с этим, что он, следовательно, отлично владея грузинским и русским языками, неплохо знал немецкий язык, а также латинский и греческий, которые изучал в семинарии.

В то время Ленин был полностью согласен с высказываниями Сталина, приведенными в статье «Национальный

вопрос и социал-демократия», и даже грубо отверг предложение о дискуссии на эту тему: «Конечно, мы абсолютно против. Статья **очень хороша**... Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи».

Как известно, Ленин был скуп на похвалы, а тут такая высокая оценка!

За последние два десятилетия много писалось и говорилось на многомиллионную аудиторию, будто Иосиф Виссарионович был малообразован, не знал языков, плохо разбирался в теориях и т. д. Таким способом «развенчивали» Сталина, а заодно унижали русский и, шире, советский народ, якобы тупо подчинявшийся умственно отсталому, грубому и психически больному тирану.

...Любая ложь, даже доведенная до абсурда, включает в себя крупинцы правды. Например, версия об изоляции Ленина. Она не лишена оснований. По свидетельству его секретаря Л.А. Фотиевой, 1 февраля 1923 года он сказал:

— Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь, если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам.

Разве не ясно, что он, пусть и со смехом, считал себя узником? Позже Фотиева предположила: «По-видимому... у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам».

Что из этого следует? Оговорка Ленина по сути верна. Во-первых, он фактически не мог двигаться. Во-вторых, ему запретили заниматься активной политической деятельностью. Его свобода была резко ограничена. Кем? Врачами или членами ЦК? (О Сталине речи нет, ибо решение принималось коллегиально.) И теми, и другими.

Как показали дальнейшие события, решение было верным. Как только Ленин начинал вникать в партийные дела и волноваться, его здоровье ухудшалось. Но для него политическая деятельность была целью жизни. Он не желал

мириться с ограничениями, пренебрегая своим здоровьем. Вот простое и очевидное объяснение.

По поручению ЦК Сталин был обязан следить за выполнением режима, предписанного Ленину. Узнав, что Крупская порой нарушала этот режим (по воле Ленина, а возможно, и по просьбам некоторых товарищей), Сталин сделал ей выговор. В какой форме?

Гневная записка Ленина Сталину начинается со слов: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее». Положим, позвать человека к телефону — это еще не грубость. Но вот обругать... В каких выражениях? Со слов Сталина следует, что он упрекнул ее: «нельзя играть жизнью Ильича», вдобавок пригрозив ей партийным взысканием.

Так ли было на самом деле? По-видимому, так. Эти слова Сталина Крупская ни тогда, ни позже не оспорила. Их ссора произошла, как мы знаем, 22 декабря 1922 года. На следующий день она написала Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и, во всяком случае, лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву. — Р. Б.), как более близким товарищам В. И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Из текста следует, что наиболее близкими товарищами Владимира Ильича были Каменев и Зиновьев (отнюдь не Троцкий), если не считать Сталина. Письма к последнему Ленин часто начинал: «Дорогой друг!» Даже возмущаясь грубостью Сталина по отношению к Надежде Константиновне, Ленин обратился к нему: «Уважаемый». Разве назвал бы он так того, кто оскорбил его жену?! Стало быть, была допущена по отношению к ней бестактность, грубость.

Почему Крупская реагировала на грубость столь эмоционально, что зарыдала, упав на ковер? И это объяснено: «нервы напряжены до предела». Хотя она тогда сдержалась и ничего не сказала мужу. Ее возмутила сама угроза обратиться с разбирательством ее поведения в Комиссию при ЦК. Это она справедливо восприняла как оскорбление. В те времена подлинные члены партии дорожили своим именем.

Сталин понял, что был не прав. Он действительно допустил грубую выходку. Как можно понять из его ответного письма Ленину, вскоре после конфликта он объяснился с Надеждой Константиновной, и они сочли инцидент исчерпанным. Но он перед ней в тот раз не извинился, считая свой поступок справедливым. А кому-то через два месяца показалось, что надо, пока вождь еще не сломлен окончательно болезнью, использовать тот случай в своих целях и посорить его со Сталиным.

Вспыльчивость или лицемерие?

Ну а как понимать историю с несостоявшейся отставкой генсека? Говорят, это было его иезуитской хитростью, финтом, обманным движением. Но как тогда толковать его письмо от 19 августа 1924 года:

«В Пленум ЦК РКП.

Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность

честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. И. Сталин...»

Прежде всего обратим внимание на загадочный отказ сотрудничать с Зиновьевым и Каменевым. Почему? Всего лишь три месяца назад они на XIII съезде выступали вместе, критиковали Троцкого и вдруг... Что могло измениться за столь короткий срок?

Наиболее вероятное объяснение: ему стали известны некоторые новые сведения, возмутившие его до глубины души. Выяснилось, что они нечестны и неискренни. В чем? Или в том, что за это время они начали тайно налаживать контакты с Троцким. Или же ему стало известно, что именно эти двое подговорили Крупскую рассказать мужу о своей ссоре со Сталиным.

Не исключено, что произошло и то, и другое. Ведь Зиновьев был третьим по счету претендентом на ленинское наследство. Он пользовался беззаветной поддержкой влиятельной Ленинградской партийной организации. Ему было выгодно подорвать авторитет Сталина, не вступая с ним в явное противоборство.

Он и Каменев могли рассчитывать на то, что Ленин в гневе напрочь рассорится со Сталиным и предложит съезду снять его с поста Генерального секретаря. А на съезде они критиковали Троцкого, потому что он был, можно сказать, вторым по очереди на место «первого среди равных». Когда выяснилось, что претензии Ленина несущественны и съезд оставил Сталина на прежней должности, Зиновьев и Каменев вполне могли начать переговоры с Троцким для того, чтобы объединенными усилиями «свергнуть» Генсека.

Судя по стилю заявления об отставке, Сталин был сильно возмущен и раздражен, что с ним случалось нечасто. Двурушников и предателей он смертельно ненавидел. А тут, пожалуй, был такой случай.

В конце декабря 1926 года Сталин вновь повторил свое заявление:

«В Пленум ЦК (т. А.И. Рыкову).

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. Сталин. 27. XII. 26 г.»

Можно предположить, что он хитрил, твердо зная, что его отставку не примут. Но, во-первых, знать это наверняка было невозможно: в руководстве партии не было единомыслия. Во-вторых, если он был так уверен, значит, его авторитет в то время был непоколебим. Хотя наиболее простое, понятное и логичное объяснение: в подобных критических ситуациях руководитель проверяет, насколько прочны его позиции, пользуется ли он поддержкой большинства. И если получается отрицательный результат, ему, если только он не глуп, действительно пора покинуть свое кресло.

Сталин в 1923 или в 1924 годах не мог быть уверенным, что его отставку отклонят. Его вполне могли снять (он ведь подтвердил вроде бы свою «капризность», о которой писал Ленин). Проблема была лишь в том, кого предложить взамен. Каменев и Зиновьев разругались с Троцким. Сталин занимал позицию «над схваткой», поддерживая первых

двух, но и отчасти защищая от их нападков Троцкого. Положение Сталина было наиболее твердым. Да и Ленин не нашел у него серьезных недостатков, кроме грубости. Но ведь в партийных баталиях никто из них, включая Ильича, не отличался особой деликатностью.

Ситуацию прояснил сам Иосиф Виссарионович на Пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 года:

— Я на первом же заседании пленума после XIII съезда партии просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Так ли все было? Наверняка так. Если бы в действительности было иначе, Сталина тут же уличили в обмане. Никто ему не возразил, слова его не уточнил. Как известно, на XIV партийном съезде Каменев в своем выступлении критиковал политику Сталина и предложил сместить его с поста генерального секретаря. Его прервали гневные выкрики с мест. Он выдержал паузу и продолжил:

— Я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба...

В поднявшемся шуме слышались голоса: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!». Почти вся ленинградская делегация аплодировала докладчику. Но зал встал, приветствуя Сталина. Его вновь избрали Генеральным секретарем.

Почему Сталин стал лидером?

Писатель-эмигрант первой волны Марк Алданов посвятил Сталину статью, опубликованную в 1927 году в парижской газете. За рубежом о руководителе Советского Союза от-

зывались преимущественно весьма нелестно. В отличие от Троцкого, его считали партийным функционером с ограниченным кругозором и невысоким интеллектуальным уровнем.

Действительно, новый вождь коммунистической партии не относился к числу «пламенных ораторов», возбуждающих эмоции толпы бурным темпераментом и броскими фразами. Да и ничем особенным вроде бы он тогда еще себя не проявил.

И все-таки Алданов предугадал в нем крупного государственного деятеля (как, между прочим, и в Гитлере — почти во всем антиподе Сталина, а уж тем более по национальному вопросу). Поэтому я буду ссылаться на упомянутую статью, полагая, что умный и честный противник способен точнее и объективнее характеризовать человека, чем восторженный почитатель или подлый враг.

«Мне крайне трудно, — признавался Алданов, — „объективно“ писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся из всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь — копейка, но и его собственная, — этим он резко отличается от многих других большевиков».

Но почему же Ленин, близко знавший Сталина, много общавшийся с ним и доверявший ему, не признал в нем человека выдающихся способностей, отдав в этом отношении предпочтение Троцкому? Пожалуй, сказался фактор времени. Алданов имел возможность дольше наблюдать за деятельностью Сталина, а потому и верней оценить его достоинства. Кроме того, Владимир Ильич, судя по некоторым признакам, не без ревности следил, как Иосиф Виссарионович успешно справляется с обязанностями генерального секретаря партии.

Правда, есть мнение, будто Сталин приписал себе чужие заслуги в подпольной деятельности и во время революции,

Гражданской войны. Откуда оно? Обратимся за ответом к Алданову, не скрывавшему свои антисоветские взгляды:

«В своих книгах, посвященных октябрю 1917 года, Троцкий отечески расхваливал самых серых революционеров... Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть... Двухтомный труд Троцкого о 1917 годе украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Крыленко, — портрет Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в «пятерку», ведавшую политической стороной восстания, и в «семерку», ведавшую стороной организационной».

Случайно ли Сталину доверили столь ответственные посты? Нет, конечно. Ведь он, помимо всего прочего, как отметил Алданов, «был верховным вождем так называемых боевиков Закавказья». Они устраивали налеты на банки и почты. Наиболее знаменитым и успешным оказалось «изъятие» в центре Тифлиса огромной суммы денег (около 300 тысяч золотых рублей) местного отделения государственного банка. Деньги везли в фаэтоне, сопровождаемом полицейским и казачьим конвоем. С помощью гранат и стрельбы террористы устроили панику, разогнали конвой (было убито и ранено полсотни человек) и скрылись. Следствие винных и денег не нашло.

«Сталин занимал уже тогда, — отметил Алданов, — слишком высокое положение в партии для того, чтобы исполнять роль рядового террориста. По-видимому, ему принадлежало высшее руководство этим делом. Бомбы же для экспроприации были присланы из Финляндии самим Лениным. Ленину для нужд партии и были позднее отвезены похищенные деньги. Ни Сталин, ни Камо (Тер-Петросян, активный участник акции. — Р. Б.), в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались «эксами» для личного обогащения».

Приехав в Петербург после Февральской революции, Сталин «сразу оказался ближайшим помощником Ленина.

Роль Сталина была, однако, не показной. Показную роль играли вначале Зиновьев, а потом Троцкий».

Для Сталина партийная работа была главным делом жизни. Его избрали в состав ЦК РСДРП, возглавляемый Лениным, в 1912 году. Через пять лет он стал членом Политбюро (в мае 1917 г.). Его, в отличие от Троцкого, с полным основанием можно было считать одним из наиболее старых и последовательных большевиков-ленинцев.

За последние 20 лет упорно навязывается мнение, будто своими победами в Октябрьском перевороте и в Гражданской войне большевики во многом обязаны Троцкому, а Сталин в этих событиях играл второстепенные роли, непомерно раздутые в период его культа.

Определенный резон в последнем утверждении есть. Преувеличения сталинских деяний порой действительно были большими. Однако недооценивать их еще более несправедливо.

Он очень много сделал для разгрома белых на Южном и Юго-Западном фронтах. Успешная оборона Царицына — его заслуга. Он организовал доставку огромного количества зерна в Центральную Россию, что позволило большевикам выстоять. По странной прихоти судьбы, в ходе Великой Отечественной войны оборона Сталинграда оказалась таким же ключевым эпизодом, что и оборона Царицына в Гражданскую.

...Спору нет, Иосиф Виссарионович вовсе не был «ангелом революции». Но ее «демоном» по праву считали Троцкого. А в наше время значительно преувеличены его заслуги в Гражданскую войну и замолчаны провалы, не говоря уже о том, что он, по-видимому, сознательно усугублял кровавую междоусобицу.

Не буду скрывать свое неприязненное отношение к этому деятелю. Оно объясняется просто: этот человек сделал слишком мало хорошего и очень много плохого для России и русского народа. Не случайно после Гражданской войны, где Троцкий выступал в бенефисной роли «главного героя», когда надо было воссоздавать Россию как великую дер-

жаву, Лев Давидович как-то потускнел, заскучал, занялся внутрипартийными дрызгами, уклонялся от повседневной «черновой» работы.

Можно меня упрекнуть: так ведь в конце концов он стал жертвой, убит по злодейскому приказу Сталина. Значит, последний тем самым доказал свою склонность к преступлениям. Разве жертва не заслуживает сочувствия?

Но давайте примем во внимание два обстоятельства. Во-первых, Троцкий еще в середине 1930-х годов предлагал своим соратникам «убрать Сталина». И хотя кое-кто из них пытался позже представить дело так, будто речь шла о смещении Сталина с его постов, этому невозможно поверить, ибо сделать это можно было, только убив его.

Во-вторых, Сталин дал санкцию на этот теракт через пару лет после того, как Троцкий предложил «убрать» его. Как свидетельствовал один из исполнителей П. А. Судоплатов, Иосиф Виссарионович так обосновал задание:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению...

Вспомним, какую лживую и клеветническую статью о Сталине опубликовал Троцкий во влиятельной американской газете («Сверх-Борджия в Кремле»). Вообще все его писания в то время были не просто антисталинскими, а, по сути дела, антисоветскими. Его убийство было не личной мстью (для этого поводов было предостаточно начиная с 1929 г.), а политической акцией, призванной укрепить обороноспособность СССР.

Можно по этому поводу обвинить Сталина в организации убийства. Однако разве не в миллионы раз больше жертв на совести у тех руководителей западных государств, которые сознательно натравливали Гитлера на Советский Союз? А почему бы не осудить, скажем, Клинтона за приказ бомбить Сер-

бию или Буша-младшего за убийства многих тысяч иракцев? Ведь эти деятели вовсе не имели в виду безопасность США.

...В заключение своего очерка Алданов, отметив, что «диктаторское ремесло» Сталин «знает недурно», выразил сомнения в успехе его дела: «Роль Сталина в большевистской революции в последнем счете почти наверняка окажется не слишком выигрышной... Что сделает Сталин в этом трудном экзамене на трудную историческую роль?» И выразил пожелание, чтобы лидеры компартии, которые тогда боролись за власть, уничтожили друг друга.

Как мы знаем, этому пожеланию не суждено было сбыться. Безоговорочно победил Сталин. Со временем он взял в свои руки все бразды правления страной и расправился с оппозицией: сначала использовал мягкие меры партийных взысканий, а в 1930-е годы перешел к репрессиям, нередко завершавшимися смертными приговорами...

Может показаться странным, что именно Троцкий стал одним из наиболее почитаемых деятелей советского периода в ту пору, когда началась так называемая «демократизация» СССР, а затем и его расчленение. Казалось бы, такой рьяный революционный глобалист, жесточайший каратель времен Гражданской войны, вносивший смуту и в действия Красной Армии, и в ряды большевиков, ничего не сделавший для укрепления и восстановления России, зато активнейше участвовавший в Октябрьском перевороте (который новоявленные демократы из партократов стали дружно проклинять)... Что привлекло современных идеологов анти-советского пути России в образе Троцкого?

Его стремятся противопоставить Сталину. Хотя между ними коренное различие: Троцкий ловко разжигал революционную смуту, губительную для России и русского народа; Сталин создал великий Советский Союз, руководил страной в тяжелейшие периоды социалистического строительства и Великой Отечественной войны.

Глава 3

КОНФЛИКТ С «ДЕМОНОМ РЕВОЛЮЦИИ»

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам!
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

Максимилиан Волошин

Итак, в начале 1920-х годов преемником Ленина оказался Сталин. Почему? Разве не рекомендовал Ленин поставить во главе партии кого-нибудь другого? Как получилось, что это ленинское «завещание» не было выполнено?

Для партии большевиков Владимир Ильич был, что называется, харизматическим лидером. Каким же образом удалось Сталину преодолеть его запрет? Почему не избрали Троцкого? Он ссылался на то, что не подходил он по «национальному признаку». Но ведь Джугашвили был ничуть не более генетическим русским, чем он. А в руководстве и активе партии евреев было многовато, и это никого не беспокоило.

Предположим, Марк Алданов отзывался о Сталине несравненно уважительней, чем о Троцком. Однако мнение писателя было высказано уже в период правления Ста-

лина, и вдобавок оно отражало личное мнение одного из эмигрантов, не более того. А в Советской России во время Гражданской войны и сразу после нее гремело имя Троцкого, почти так же часто и громко, как Ленина. О Сталине знали сравнительно немногие, а сторонников у него и вовсе было мало.

И вдруг его выбирают Генеральным секретарем ВКП(б)! Не чудо ли это? Или сыграло роль какое-то поистине магнетическое, как выражались тогда, воздействие его личности? А может быть, сказалась и магия его имени? В критический период, теряя бесспорного лидера, под угрозой разброда и шатаний невольно отдашь предпочтение тому, кто зовется Сталин.

Стиль и личность

«Стиль — это человек», — сказал знаменитый французский естествоиспытатель XVIII века Бюффон, отличавшийся изящным стилем. Правда, он при этом не претендовал на психологическую премудрость, а просто отметил, что в стиле проявляются личные качества, тогда как идеи являются достоянием многих.

Тем не менее по стилю есть возможность судить о некоторых чертах характера человека и даже, отчасти, его эпохи.

Вот, к примеру, высказывание талантливого писателя, получившего европейское признание и считавшегося мастером художественного слова:

«Стиль большевистской эпохи — в мужестве, в сдержанности, он полон огня, страсти, силы, веселья. На чем можно учиться? Посмотрите, как Сталин кует свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, со словом нам надо».

Так утверждал Исаак Бабель на Первом съезде советских писателей в 1934 году.

Не обязательно принимать его восхваления за чистую монету. Как там ни говори, а уже начинался культ Сталина.

И все-таки вряд ли Бабель сильно или отчасти покривил душой. Зачем ему это надо было бы делать? В угодничестве и лицемерии никто его не уличал. А в его «Конармии» образы легендарных буденновцев так реалистичны, что их командарм потом от обиды и злости, говорят, ответил на вопрос, знает ли он, кто такой Бабель: «Это смотря какая бабель».

Можно ли согласиться с Исааком Эммануиловичем, или он просто был то ли запуган (хотя не был трусом), то ли поддался гипнозу культа личности Сталина (хотя обладал ясным умом)? Мне кажется, с ним нужно, хотя бы отчасти, согласиться. В то время как в революционном угаре некоторые партийные ораторы выражались многословно и с миссурным блеском, Сталин предпочитал деловой тон. Хотя при случае умел писать и в другом стиле.

Французский писатель Анри Барбюс так высказался о выступлениях Сталина: «Он никогда не старался превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать «громовой глоткой» на манер Муссолини или Гитлера, или вести адвокатскую игру по типу Керенского, так хорошо умевшего действовать на хрусталики, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее зазывание Ганди».

Немецкий писатель Лион Фейхтвангер пояснял причины особенностей сталинского стиля: «Так говорит Сталин со своим народом... Его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит».

Тут стиль писателя подобен сталинскому (хороший литературный прием). Важно подмечено, хотя и не вполне определенно подчеркнуто, доверительное отношение Сталина к слушателям и читателям. Его стиль не был нарочитым. Его определяли особенности личности. Ведь Сталин всег-

да меньше всего думал о собственных интересах. Он был не столько «прирожденным атаманом», как считал Алданов, сколько борцом за идею, можно даже сказать, народным вождем. Именно **народным**, а не возвышающимся на трибуне над толпой, как «большой начальник».

Лев Давидович в этом отношении вел себя иначе. Он порой упивался собственным красноречием и стремился зажечь толпу пламенными лозунгами; как теперь говорят, «завести».

О литературном даровании Троцкого Алданов отзывался так: Троцкий вдобавок „блестящий писатель” — по твердому убеждению людей, но ничего общего с литературой». Он привел несколько «перлов» этого писателя. После покушения Каплан Троцкий воскликнул: «Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!» Или такое революционное восклицание, достойное героя Салтыкова-Щедрина: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» или образец сарказма: «империалистическое копыто г. Милюкова».

«Клише большевистской типографии, — пишет о Троцком Марк Алданов, — он умеет разнообразить стопудовой иронией: “В тех горних сферах, где ведутся приходно-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянко, Милюкову и Керенскому”». (С такими ужимками политик описывает весьма непростое и чрезвычайно важное историческое событие — отречение царя и переход власти к Временному правительству!)

Можно добавить несколько из многих возможных подобных примеров. «Ленин безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию», и в результате «ей неизбежно придется „лопаться по всем швам”». «На фронте политические отделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии».

Писатель-эмигрант Марк Алданов презрительно называл его: «Великий артист — для невзыскательной публики. Иванов-Козельский русской революции».

Безусловно, далеко не всегда Троцкий допускал такие ляпы. Писал он, в общем-то, неплохо. Оценка его литературного таланта зависит от принятого критерия качества. Кому-то могут понравиться и приведенные выше его высказывания.

Дело не в «отдельных недостатках». Сравнение стилей Сталина и Троцкого помогает понять, почему основная масса членов партии, не обладающая массовой психологией толпы, легко поддающейся эмоциям, а склонная к рассудительности и здравому смыслу, предпочитала видеть своим вождем после Ленина не Троцкого, а Сталина.

В конце 1927 года Алданов, ненавидящий большевиков, признался, что ему крайне трудно писать о них объективно; и дальше о Сталине: «Скажу, однако, тут же: это человек выдающийся, бесспорно, самый выдающийся из всей ленинской гвардии».

Правда, эта верная оценка дана уже после того, как Сталин, находясь на высоком посту, доказал на деле свой государственный ум. Но остается вопрос: почему все-таки еще при жизни Ленина и несмотря на его мнение на съездах партии Генеральным секретарем избирали Сталина?

Можно предположить, что это связано главным образом с тем, что основную массу делегатов представляли кадры, за подбор которых отвечал Сталин. Они могли быть ему благодарны или даже преданны. Им, вдобавок, нравился стиль выступлений его, а не Троцкого.

Однако Сталина поддержало в 1922 году большинство членов ЦК партии, Политбюро. Среди них преобладали старые большевики-ленинцы, а вовсе не ставленники Сталина. Чем объяснить их выбор? Ведь они должны были постараться выполнить завет Ленина о замене Генерального секретаря. Как можно было послушаться прославляемого, хотя и тяжелобольного вождя?!

Одна из загадок ленинской личной записки Сталину по поводу ссоры последнего с Крупской и закрытого письма съезду партии (так называемого «завещания Ленина») связана с тем, что эти документы, несмотря на запрет Ильича, сразу же стали известны некоторым членам Политбюро. Напомним, что Ленин из-за тяжелой болезни диктовал записку и письмо.

Мог ли Троцкий использовать упомянутое письмо к съезду и конфликт Крупской со Сталиным в своих интересах? Кому-то может показаться, что вопрос этот звучит кощунственно по отношению к прославленному деятелю Революции и Гражданской войны, павшему жертвой сталинских репрессий. Тем более что Лев Давидович посвятил Ленину немало своих работ, отзываясь о нем в самых возвышенных тонах.

Судя по всему, Троцкий знал о том, что Ленин в своем письме поставил его на второе место после Сталина и указал на его серьезные недостатки как руководителя. Не потому ли он утверждал в 1925 году: «Никакого „завещания” Владимир Ильич не оставлял, и сам характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключает возможность такого „завещания”». По его словам, «под видом „завещания” в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка».

Да, юридически оформленного завещания не было и не могло быть, ибо власть в Советском государстве не передавалась по наследству. Ленин в этом письме не предлагал кого-то на свое место, но лишь кратко характеризовал некоторых партийных лидеров. Но обстоятельства сложились так, что тяжелая болезнь, а затем смерть прервали деятельность вождя. Его последние работы оказались, по сути, именно завещанием.

Почему же Троцкий не пожелал этого признавать? По-видимому, ему не понравился отзыв о нем Ленина. Лев Давидович искренне верил в свое призвание как единственного достойного преемника на роль вождя мирового пролетариата. Так думали и некоторые влиятельные большевистские лидеры.

На исходе Гражданской войны А.В. Луначарский с восторгом отозвался о талантах Троцкого и признал кое в чем его превосходство над Лениным: «Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всем уступает своему коллеге; есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен...

Когда происходит истинно великая революция, то великий народ всегда находит на всякую роль подходящего актера, и одним из признаков величия нашей революции является, что Коммунистическая партия выдвинула из своих недр или позаимствовала из других партий, крепко внедрив их в свое тело, столько выдающихся людей, как нельзя более подходящих к той или другой государственной функции.

Более же всего сливаются со своими ролями именно два сильнейших среди сильных — Ленин и Троцкий».

Тут фигуры расставлены как на шахматной доске. Две наиглавнейшие. Бесспорные лидеры. Хотя некоторые комплименты в адрес Троцкого могут вызвать улыбку: более блестящ, ярок, подвижен, да еще и подходящий актер для своей роли. Последнее, конечно же, сказано в переносном смысле, но в сочетании с первыми качествами выглядит как признание в человеке не столько политика и деятеля, сколько актера и демагога.

Луначарского восхищает его ораторский талант: «Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого».

Такое впечатление производил Лев Давидович на многих своих поклонников. В связи с этим интересно и полезно обратить внимание на реакцию других людей, представителей более или менее значительной части русского народа.

В декабре 1918 года А.Л. Ратиев пришел на объединенное собрание Курского партактива. Зал бывшего Дворянского собрания был переполнен. На сцене полукругом выстроились в два ряда люди. Вышли два военных стенографа. Каждый сел за свой стол, положив перед собой бумагу, карандаши и наган. Напряжение росло. Наконец в центре сцены появился Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий: наглухо застегнутая тужурка, бриджи, хромовые сапоги, пенсне. Начал долгую речь. Говорил о международном положении. Перешел к внутреннему положению. И тут перешел на крик:

— Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти...

Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно поедут работать к нам...

По заверению Ратиева, он предельно точно передал слова Троцкого. Но так или иначе, основной посыл революционного террориста был, безусловно, таким.

Еще одно свидетельство. В газете «Киевлянин» 13 сентября 1919 года был опубликован очерк «Так было», рассказавший о митинге в честь приехавшего летом в город Троцкого. Автор очерка Т. Глуховцева (псевдоним) высказала субъективное и, возможно, не во всем справедливое мнение.

«Грозно заворчал подъехавший автомобиль, и через минуту, в сопровождении свиты, быстро поднялся по ступенькам сутулившийся еврей с густой, черной бородой. Тип портного из маленького провинциального городка черты оседлости...

Громко и отчетливо заговорил он о вреде партизанщины, о необходимости создать регулярную армию, о Деникине — прискучившие фразы, примелькавшиеся уже на столбцах красных газет... Я уже собиралась уйти, как неожиданно новые интонации металлически зазвучали в его голосе и остановили меня. Троцкий заговорил о тыле, о необходимости борьбы с теми, кто «против нас». С каждой фразой крепчал голос и дошел до крика, временами хрипло гортанного. Бешено зажестикულიровали угрожающие руки, и, как чудовищные птицы, заметались по залу призывы ненависти и бились в закрытые окна, за которыми в розовых лучах умирал день. Неузнаваемо изменилось лицо: хищно выдвинулась нижняя челюсть, горевшие глаза как-то вышли из орбит, точно повисли в воздухе. Не портной из маленького города черты оседлости, — перед толпой стоял фанатик-изувер, носитель веками накопившейся мести и ненависти, призванный осуществить двухтысячелетнюю мечту.

“Чиновники, лакеи старого режима, судейские, издевавшиеся в судах, педагоги, развращавшие в своих школах, помещики и их сынки-студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие — все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнуты к земле. Кого можно — уничтожить, а остальных прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти...”

Не речь, — это были дикие конвульсии ненависти, и если бы он упал сейчас мертвым, я бы не удивилась...

Так было. В огромном русском городе — матери русских городов, перед многосотенной толпой шла жгучая проповедь «русского погрома» — потому что к перечисленным категориям принадлежали только русские, и запуганные пулеметами люди — молчали. Я взглянула на стоявшего рядом рабочего. Понимают ли они, что происходит?

Сурово смотрело пожилое лицо, низко хмурились нависшие брови.

— Царь иудейский, — коротко и резко бросил он мне, отвечая на безмолвный вопрос, и вышел из зала.

Конец июля и август были самыми кровавыми для нас. Троцкий сделал свое дело».

Проницательный взгляд легко обнаружит в тексте признаки «русского великодержавного шовинизма». Но ведь речь идет не о еврейском народе, а лишь о его представителе и, возможно, не из числа лучших. И ведь данный «царь иудейский» господствует вовсе не над Иудеей или соплеменниками, а над Россией и русскими (добавим и малороссов, белорусов, в принципе ничего не изменится).

Можно возразить: Троцкий — интернационалист, а не сионист или еврейский шовинист. Автор этого не поняла, не осознала, оставаясь в плену национальных предрассудков.

Отчасти это верно. Именно отсутствие в программе большевиков идей великодержавного шовинизма помогло им победить белогвардейцев на российских окраинах (включая Украину). Но так уж получилось, что Троцкий обрушился именно на представителей «коренной нации», хотя имел в виду разжигание не национальной, а социальной розни.

К народным массам Троцкий не питал ни любви, ни уважения. Он всегда вел себя как индивид, стоящий над толпой. Другое дело — отношение к Ленину. Тут Лев Давидович не скупился на красивые выражения. Вот, к примеру, выдержки из его речи на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 года после покушения на Ильича:

«Какое счастье, что все, что мы говорим и слышим, и читаем в резолюциях о Ленине, не имеет формы некролога. А ведь до этого было так близко...

...В эти трудные часы, когда русский рабочий класс на внешнем фронте, напрягши все силы, борется с чехословаками, белогвардейцами, наемниками Англии и Франции, наш вождь борется против ран, нанесенных ему агентами тех же белогвардейцев, чехословаков, наемниками Англии и Франции. Тут внутренняя связь и глубокий исторический символ!..

О Ленине никто не мог сказать, что в его характере не хватало металла; сейчас у него не только в духе, но и в теле металл, и таким он будет еще дороже рабочему классу России...

Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — то трудная задача даже для самой природы».

Эти ораторские перлы смахивают на пародию или скрытую иронию, если не на пустозвонство.

Ссылка на близость некролога производит странное впечатление. Не менее странное выражение: «вождь борется против ран». Как можно бороться против ран? Если — с ранами, то и вовсе скверно звучит. А сколько агентов разных стран наносило вождю раны! Даже удивительно, что их всего две. Упомянуты всякие враги, кроме тех, кого сразу же с подозрительной оперативностью назвал Свердлов как покушавшихся: левые эсеры.

Железная логика присутствует в мысли о том, что чем больше металла в теле вождя, тем он дороже рабочему классу. Тут, правда, не совсем ясно, кто подорожает (вождь) или что (металл). Но как-то делается не по себе, когда вспомнишь, что оратор намекает на пули, всаженные в живое тело с целью убийства. Неужели мало двух?

Тонко подмечено, что любой дурак, была бы охота, может прострелить череп Ильича. Вроде бы дураков маловато, вот и не прострелили. А какая глубокая мысль о воссоздании черепа Ильича силами природы! Хотя в данном вопросе природа вообще выглядит беспомощной. Ей не под силу

сотворить точную копию черепа не только гения, не только гоминида или, на худой конец, низшего примата, но и лягушки или рыбы. Она обходится без штампованной продукции. А вот Троцкий, как видно, без штампов обойтись не мог, а использовал их подчас невпопад.

Причина, как мне представляется, в неискренности оратора. Удрученный горем или потрясенный неожиданным известием человек нередко несет нескладную околесицу. Это понять и простить нетрудно. Но когда говорят излишне красиво и цветисто, в этом видится привычка к ораторским приемам, рассчитанным на толпу, не склонную к размышлениям.

Но может быть, в данном случае Льву Давидовичу отказало вдохновение? Тогда обратимся к его докладу на VII Всеукраинской партийной конференции 5 апреля 1923 года. Он заговорил о болезни Владимира Ильича. Обронил свежую мысль: «Создать гения нельзя даже и по постановлению могущественнейшей и дисциплинированной партии...» (будто кто-то уверен, что гениев производят по мудрым постановлениям, да еще усилиями могучей и дисциплинированной партии, а не каким-нибудь доисторическим способом).

Затем оратор успокоил: «...но попытаться в наивысшей мере, какая достижима, заменить его во время его отсутствия можно: удвоением коллективных усилий. Вот теория личности и класса, которую в популярной форме политруки излагают беспартийному красноармейцу».

Остается только пожалеть беспартийного красноармейца, которого потчевали подобными теориями.

Двуличный Лев

Луначарский, восторженный почитатель ораторского таланта Троцкого, откровенно признал: «К искусству отношение у него холодное, философию он считает вообще третьестепенной, широкие вопросы миросозерцания он как-то обходит, и, стало быть, многое из того, что является для меня центральным, не находило в нем никогда никакого от-

клика. Темой наших разговоров была почти исключительно политика».

Учтем и такие его замечания: «у Троцкого был сухой и надменный тон»; «Троцкий — человек колючий, нетерпимый, повелительный»; «Троцкому очень плохо удавалась организация не только партии, но хотя бы небольшой группы»; «даже немногие его личные друзья... превращались в его заклятых врагов». Перед нами предстает весьма ограниченная, но чрезвычайно самодовольная, самовлюбленная, вдохновенно болтливая личность.

Уже одно это заставляет предполагать, что по отношению к партии большевиков и лично к Ленину Троцкий был прагматиком: использовал удачно подвернувшуюся конъюнктуру для возвеличивания самого себя и проведения «мировой революции». В ней предполагал использовать русский народ в качестве «горючего материала», а плодами ее должны были воспользоваться какие-то другие народы или один, избранный.

Полезно вспомнить некоторые высказывания Троцкого в адрес так превозносимого им вождя и учителя. Из письма грузинскому меньшевику Чхеидзе: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».

Впрочем, Ильич не оставался в долгу, прилепив мастеру красноречия кличку «Иудушка», называя его: «проходи-мец», «шельмец», «подлейший карьерист». Но в конце концов и тот, и другой с периода подготовки и осуществления Октябрьского переворота стали соратниками. Как опытные политики они умели идти на компромиссы.

Безусловно, мнения людей меняются со временем. На нашей памяти сколько раз одни и те же люди непомерно восхищались вождями, а при смене руководства поносили прежних кумиров, изливая свои восторги в адрес новых.

Некоторые умельцы ухитрились проделать подобный трюк, своеобразное политическое сальто-мортале четырежды (от Сталина до Горбачева), а то и пять раз.

Подобные чемпионы возникли уже после Троцкого, который, надо отдать ему должное, до их уровня не опускался. Но только вот если уж Ильич назвал его Иудушкой, то вряд ли в последующие несколько лет имел серьезные основания усомниться в правильности такого определения. Тем-то и отличается Иудушка, что до его сути не докопаешься: он говорит одно, а думает, возможно, нечто совсем другое.

Правда, из всего этого еще не следует, что именно Троцкий постарался, невзирая на тяжелую болезнь Владимира Ильича, спровоцировать его конфликт со Сталиным. Остается неясной роль в этом инциденте Каменева и Зиновьева (о ней мы еще упомянем).

Единственно, что можно утверждать с полной определенностью: такой конфликт не нужен был ни Крупской, ни Сталину. Это точно.

Итак, сделаем вывод. Не случайно и вовсе не благодаря каким-то иррациональным силам партактив избрал Сталина Генеральным секретарем. Не случайно и в дальнейшем поддерживали линию Сталина, а не Троцкого. Ведь Сталин с молодых лет шел именно ленинским путем, не петлял из стороны в сторону, как многие крупные партийные деятели, а более других — Троцкий.

Сталин не был демагогом, в отличие от Троцкого. Он избегал «красивых выражений», предпочитая не пустословие, а дело. Неудивительно, что поначалу партийный актив, а затем большинство партии, наконец, большинство советского народа признали именно его своим лидером, вождем.

Глава 4

ЗАОЧНАЯ ДУЭЛЬ С АДОЛЬФОМ ГИТЛЕРОМ

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная –
Священная война!

Василий Лебедев-Кумач

У Сталина и Гитлера, во многом противоположных по личным качествам и убеждениям, в судьбах есть нечто общее: огромная прижизненная слава при посмертном осквернении их памяти.

По отношению к Гитлеру это понятно. Под его руководством нацистская Германия начала захватнические войны, осуществляла массовый террор, особенно зверски расправляясь с евреями, цыганами, коммунистами, русскими военнопленными, партизанами. Потерпев крах и совершив самоубийство, Гитлер не избавился от постоянных проклятий в свой адрес. В последние десятилетия они стали затихать.

Говорят, победителей не судят. Однако Сталин, сыгравший главную роль в деле уничтожения фашизма, позже был резко раскритикован многими своими недавними хвалителями прежде всего. Его постоянно с тех пор обвиняют в мас-

совом терроре против своего народа, невероятной жестокости, коварстве, злобе.

Мы знаем, что в противостоянии Сталина и Гитлера победил первый. Почему? По какой-то прихоти судьбы? По каким-то иррациональным причинам? (Высказывают подчас даже мнение о том, что он обращался за помощью к высшим силам.) Такова была воля слепого случая?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо постараться объективно оценить сложнейшую ситуацию тех лет.

Поле политических игр

И Сталин, и Гитлер были в значительной мере диктаторами, имея возможность навязывать свою волю подчиненным, но и неся ответственность за свои решения. Их державы находились на положении «изгоев»: Германия после поражения в Первой мировой войне, а СССР — как государство трудящихся, противостоящее буржуазным республикам. Последние усердно стравливали Германию с СССР, что понимали оба вождя.

Не менее ясной была антикоммунистическая нацеленность германского фашизма. Дело не только в столкновении интернационализма с нацизмом, коллективизма с индивидуализмом, трудящегося со сверхчеловеком. Вопрос стоял о завоевании обширных земель на Востоке с последующей эксплуатацией местного населения.

В речи Гитлера (март 1933 г.) было сказано определенно: «Я ставлю себе срок в 6–8 лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм. Тогда армия будет способна вести активную внешнюю политику, и цель экспансии немецкого народа будет достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток».

Это устраивало Англию, Францию, США. Об этом не умолчал даже ненавистник Сталина и СССР английский историк А. Буллок: «Эволюция идеологии нацизма, перешедшего от антимарксистских лозунгов, главной темы

предвыборных кампаний НСДАП, к призывам к крестовому походу на большевизм, приносила несомненные выгоды, привлекая на сторону Гитлера консервативные круги в Европе и в Германии. Вопрос об участии в этом походе Польши до 1939 года оставался открытым».

Придя к власти и укрепив свою диктатуру, Гитлер лавировал между двумя противостоящими силами — СССР и капиталистическими державами, — имея в виду интересы Германии и нацистской идеологии. Наращивая военную мощь вермахта, он понимал, что без серьезной индустриально-сырьевой базы не справится с Советским Союзом. Надо было заручиться поддержкой значительного числа европейских государств, желательно установив над ними жесткий контроль.

Гитлер оставался расчетливым политиком. Он видел, как быстро идет индустриализация в СССР. В отличие от лидеров других западных держав, вынужденных принимать к сведению общественное мнение и симпатии рабочего класса к коммунистам, Гитлер сравнительно быстро установил полнейшую диктатуру нацистской партии, подавив в Германии оппозиционные течения.

В СССР тоже установилась однопартийная система при вожде-руководителе. Но разница между двумя системами была принципиальной. Ведь главные вопросы: ради чего, с какими целями, на каких основах строилась государственная власть?

Германский фашизм был ориентирован на подавление других народов, расизм, индивидуализм, право сильного. У сталинской системы были противоположные приоритеты. Она подавляла антинародные паразитические общественные группы (уголовников и спекулянтов, казнокрадов и номенклатурных чинуш, хапуг и коррупционеров). Гитлеровская хищная система предполагала сделать эксплуататором всю «избранную» нацию. В этом она была сродни Британской империи. Это надо иметь в виду, чтобы понять, почему конечной целью Гитлера был именно

СССР, в чем его несколько лет поддерживало правительство Чемберлена.

Гитлеру требовалось наращивать военную мощь вермахта и расширять свои владения. Но попытка в июле 1934 года нацистского путча в Австрии потерпела провал, хотя и был убит канцлер Дольфус. И все-таки шаг за шагом Гитлер выполнял свои планы. Не подписывая соглашений об установлении мира в Европе, он провозглашал свои антивоенные устремления. Все это, по-видимому, устраивало Запад. Как пишет А. Буллок (сошлемся на антисоветчика):

«Когда британский секретарь по иностранным делам в сопровождении Антони Идена прибыл в Берлин — что само по себе явилось триумфом дипломатии Гитлера, — он был встречен вежливо, но Гитлер оставался непоколебим в своем нежелании подписывать какой-либо пакт о взаимопомощи, с участием Советского Союза; он искусно использовал карту антикоммунизма, чтобы уклониться от решения главного вопроса. Он заявил, что Германия оказывает большую помощь Европе, вооружая себя и тем самым защищая ее от коммунистической угрозы».

Введя свои войска в Рейнскую область, Гитлер блефовал: французы могли бы легко изгнать их («мы должны были бы поджавши хвост отступить», — как признавался он позже). Этого не произошло. Агрессора поощрили. Фашистский путч в Испании, поддержанный немцами и итальянцами, тоже был воспринят Францией и Англией спокойно. Ведущие капиталистические страны давали ясно понять, что значительно более расположены к фашизму, чем к народному социализму.

Правительство Британии с большой охотой, а Чемберлен даже с унижениями, шло на переговоры с Гитлером, стремясь ориентировать его на восточное направление. Черчилль признавался в своей ненависти к СССР, но вовсе не к фашистской Германии, которую он стал воспринимать как врага лишь из-за опасности утратить влияние Великобритании как в Западной Европе, так и во всем мире.

Сталин и Гитлер понимали, что их столкновение выгодно прежде всего для Англии, способной вместе со своими союзниками напасть на ослабевшего победителя.

Летом 1937 года Япония усилила агрессию против Китая. Для Советского Союза тревожным сигналом послужило нападение японцев в районе озера Хасан (август–сентябрь 1938 г.). В конце сентября того же года в Мюнхене было заключено мирное соглашение между главами государств Германии, Англии, Франции, Италии. Не были приглашены представители СССР. Речь шла о разделе Чехословакии, что определяло восточное направление гитлеровской агрессии.

По справедливому выводу английских исследователей А. Рида и Д. Фишера: «Мюнхенское соглашение стало в истории символом близорукости, предательства и коварства. Оккупированная немцами Чехословакия превратилась в меч, направленный на Восток, в сердце Советского Союза».

Совершенно откровенно и вряд ли скрывая свою радость, британский премьер Чемберлен сказал Гитлеру перед отлетом из Мюнхена: «Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах».

Действительно, в марте 1939 года фашисты оккупировали эту страну, получив в свое распоряжение ее мощный индустриальный потенциал. В частности, были захвачены сотни танков, 1,5 тысячи самолетов, 43 тысячи пулеметов, огромное количество снарядов и патронов. Тогда же немецкие войска вошли в Литву, захватив порт Мемель (Клайпеду).

Казалось бы, теперь Гитлеру оставалось ударить по СССР. Однако нападение на столь крупную добычу требовало широкого пространства для маневра. Нужно было ввести свои войска в Польшу. Не было уверенности в наличии достаточного количества ресурсов для ведения длительной войны. И какая была гарантия, что если она обескровит Германию, на страну не набросятся ее западные «друзья», такие же хищные страны?

10 марта 1939 года в Отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) Сталин определенно сказал, зная, что его слова будут услышаны и в Берлине: Германию с Запада подталкивают на войну с Советским Союзом, чтобы «потом, когда они ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево и мило!»

Сталин ясно и бесхитростно обозначил ситуацию. Гитлеру, пожалуй, и без того было это понятно. Слова советского лидера показали ему, что их странам в настоящее время целесообразно избегать конфронтации.

Напав на Польшу, которая находится в сфере влияния Англии и Франции, Германия может оказаться под ударом и с Запада, и с Востока, ибо Сталин поймет ее агрессию как прелюдию к войне с СССР. Или пойти на риск и, несмотря на Мюнхенское соглашение, вторгнуться в Польшу? Но ведь в Англии есть немало влиятельных деятелей, например, У. Черчилль, которые воспримут эту акцию крайне отрицательно. Следовательно, самое разумное сначала заключить мирный договор со Сталиным.

Чтобы убедить его в своих добрых намерениях, надо разграничить зоны влияния СССР и Германии, не считаясь с Англией и Францией. Они в данной ситуации вряд ли решатся объявить войну Третьему Рейху, зная, что ему не ударит с тыла Советский Союз.

...Не исключено, что Чемберлен надеялся на умиротворение фашистской Германии после того, как будут удовлетворены ее первые территориальные притязания. Мол, Гитлер и Сталин будут продолжать наращивать свои вооруженные силы для взаимной борьбы; какую из сторон целесообразней поддержать, будет видно позже, а пока следует сохранять баланс сил, укреплять свои позиции в Европе и заботиться о сохранении Британской империи.

Кроме того, за невмешательство во внутренние дела СССР выступала значительная часть рабочих и немалое число влиятельных интеллигентов Англии.

Германский фашизм был для правителей Англии предпочтительней российского социализма. Необычайные успехи социалистического строительства подчеркивали достоинства идей коммунизма и создания государства трудящихся. Была опасность распространения этой идеологии в зависимых и колониальных странах, что реально угрожало Британской империи. Притязания Гитлера на ее владения не казались серьезными (для Чемберлена и его сторонников, но не для Черчилля).

Факт остается фактом: на все предложения СССР обеспечить мир в Европе на основе соглашения с Англией и Францией эти две державы не давали согласия, предпочитая тянуть переговоры. Сталину оставалось надеяться на то, что Гитлер постарается взять под свой контроль всю Западную Европу, сначала нападет на Бельгию и Францию и лишь после этого рискнет двинуть войска на Восток. К тому времени (1942–1943 годы) СССР завершит перевооружение и будет готов отразить агрессию.

Гитлер не был уверен в том, что в данный момент, в 1938–1939 годах, ему удастся быстро справиться с СССР. Если бы даже так произошло, то окончиться все могло тем, о чем предупреждал Сталин: гегемонией Англии над ослабленной после войны Германией. Вряд ли Франция и Англия могли бы смириться с дальнейшим значительным усилением Третьего Рейха.

Вопрос был в том, какую судьбу уготовить для Польши, которая продолжала перекрывать фашистам путь в Россию. Вторжение немцев в Польшу могло вызвать недовольство Англии и Франции, а значит, их столкновение с Германией. Это было выгодно для безопасности СССР.

Был ли чудовищным сталинский режим?

Большое значение в предвоенной ситуации имели не только материальные и внешнеполитические, но и духовные факторы. Побеждает в войне двух держав та, у которой сильны

и вооруженные силы, и тыл, сохраняется единство народа и его доверие к руководству.

За последние десятилетия широко распространена пропаганда о «преступлениях» сталинского режима. Перечисляют такие ужасы, от которых читатель должен переисполниться ненависти к коммунистам. Выходит, такой страшный режим надо было уничтожить, спасая русский народ. Изумления достойно, что этот народ не обрадовался германским носителям западной культуры, а разгромил пришельцев-освободителей! Вот она, психология рабов, как негодуют некоторые нынешние западники.

Однако давно уже обнародованы ранее засекреченные документы о масштабах репрессий (цифры были доложены в свое время Хрущеву, но он решил на них не ссылаться). Эти сведения подтверждены официально и серьезными исследователями не опровергаются. На 1 января 1939 года в ГУЛАГе политических заключенных (осужденных за контрреволюционные преступления) находилось 454 432 человека. Немало, но никак не около 6, а то и 10 миллионов, как утверждают антисоветчики.

Сколько умерло лагерников в 1938 году? Из общего числа (с уголовниками) на 1 января 1939 года 1 317 195 человек умерли 50 502, бежали 12 333, были освобождены 223 622. Следовательно, умерших чуть больше 3%. Это немногим меньше, чем через 55 лет стала смертность граждан «независимой» России при ельцинизме, и не в тюрьмах и лагерях, а на свободе!

В приведенные цифры трудно поверить. Но они опубликованы официально (см. журнал СОЦИС, 1991, № 6) и подтверждаются косвенными показателями.

Враги советского народа и СССР-России поистине сатанеют в своей злобе к державе, уже не существующей, и к ее давно почившему руководителю. У них, в подтверждение марксистской точки зрения, господствует классовое сознание обеспеченных буржуа (добавим, и предателей Родины), порвавших свои связи с народом, отрешившихся от нравственных норм и справедливости.

Можно, конечно, предположить, что эти господа слишком доверчивы и попались на удочку ловким идеологам-фальсификаторам. Но их должна бы озадачить странная ситуация: в 1930-е годы смертность в СССР не увеличивалась, а уменьшалась (в отличие от конца XX века!), а прирост населения был выше, чем во всех других развитых странах.

Значит, террор был направлен почти исключительно на врагов советской власти и на номенклатуру в партии, армии, НКВД. Были тогда злоупотребления? Безусловно. Со стороны кого? Как известно, сначала репрессировали немало так называемых «русских националистов» и даже сторонников Сталина.

Внутренняя борьба в СССР была завершена к 1938 году. Антисоветчики утверждают: Красную Армию перед войной обескровили то ли из-за мании преследования Сталина, то ли по его прихоти. Было якобы уничтожено 40 тысяч офицеров и особенно много высших руководителей, где выделялся талантливый маршал Тухачевский.

Да, в 1937–1939 годах из Красной Армии было уволено 37 тысяч командиров. Из них 8 тысяч пришлось на «естественную убыль» (по смерти, болезням, возрасту, преступлениям, моральному разложению). Из оставшихся попало в заключение 6–8 тысяч, а около 13 тысяч было восстановлено в армии до 1 января 1941 года; от 1 до 4 тысяч (по разным данным) было расстреляно. Общее число офицеров РККА в середине 1941 года составляло 680 тысяч. Нелепо говорить о страшных потерях!

Полководческие достоинства Тухачевского проявились в походе 1920 года на Варшаву, закончившемся полным поражением руководимой им армии. Зато он успешно подавил бунт в Центральной России, когда погибло около миллиона русских крестьян. Находясь в тюрьме и признав свою вину, Тухачевский написал объемистую статью о возможной войне с Германией (считая ее маловероятной). По его мнению, немцы должны направить свой удар на Украину и

Кавказ, но не через Белоруссию на Москву и на Ленинград, как произошло в действительности.

До этого он, планируя наступательную войну, вооружал Красную Армию легкими танками, танкетками и тяжелыми бомбардировщиками. Сталин, узнав об этом, распорядился срочно наладить производство тяжелых танков, истребителей и пикирующих бомбардировщиков. Такое решение стало поистине судьбоносным в ходе войны, когда в 1942 году армия стала получать превосходные танки Т-34, штурмовики Ил-2 и т.д.

О том, что произошло с оборонным потенциалом СССР, можно судить, например, по фрагменту секретной записки германского Управления вооруженных сил от апреля–мая 1937 года:

«Действительные причины падения маршала Тухачевского пока неясны; следует предполагать, что его большое честолюбие привело к противоречию между ним и спокойным, рассудительным и четко мыслящим Ворошиловым, который целиком предан Сталину. Падение Тухачевского имеет решающее значение. Оно показывает со всей определенностью, что Сталин держит в руках Красную Армию».

Выходит, Тухачевский не был предан Сталину, а его падение имело для гитлеровцев решающее значение. Как это понимать? Слова «Сталин держит в руках РККА» показывают, что это обстоятельство имело решающее значение, ибо свергнуть вождя могли руководители армии и НКВД, среди которых были прогермански настроенные Уборевич и Тухачевский.

И среди германских военачальников была группа недовольных политикой Гитлера. Такое единство взглядов представителей вооруженных сил двух стран нетрудно понять. Ведь объединение германских и советских армий стало бы решающим фактором гегемонии не только в Европе, но также в Азии, Африке, на Ближнем Востоке. Мог бы осуществиться раздел мира (исключая Северную Америку) между Германией, отчасти Италией, Россией, Японией.

Есть сведения, что планы такого раздела существовали. Мешали его реализации непримиримые разногласия Гитлера со Сталиным.

На подступах к войне

Еще до прихода Гитлера к власти Марк Алданов дал ему верную характеристику: «Это очень неглупый человек, самоуверенный, злой, мстительный и беспредельно честолубивый. Думаю, что он искренен и бескорыстен... Гитлер в «Ильичи» мало годится, он по душевному складу гораздо ближе к Троцкому».

И еще одно точное замечание: «Какой социализм будет осуществлять Гитлер, если достигнет настоящей власти, я сказать не берусь. Думаю, что никакого социализма осуществлять не будет». (Вот почему его поддерживали капиталисты.)

Советский дипломат В.Н. Павлов вынес такие личные впечатления об этом деятеле: «Гитлер всегда говорил самостоятельно, без подсказки. Речь его была плавной, логичной. Видно было, что человек он способный. Сталин говорил, что Гитлер человек способный, но недалекий».

Немецкий дипломат барон фон Путлиц вспоминал, что его особенно поражала цепкая память Гитлера. Тот, бегло прочитав какой-нибудь документ, через час мог процитировать его с почти дословной точностью. А вот что писал о Гитлере начальник управления по шпионажу и диверсиям службы безопасности СД Вальтер Шелленберг:

«Наряду со знаниями, частично основательными, частично дилетантскими, ограниченными мелкобуржуазным кругозором, Гитлер обладал похожим на чутье политическим инстинктом... Важной чертой в характере Гитлера была его способность к внушению, и он умел пользоваться этой способностью... он использовал ее очень охотно для того, чтобы создать у своих собеседников впечатление о себе, как о человеке, обладающем незаурядным интеллектом и глубокими знаниями. Это впечатление он стремился

усилить благодаря умению дискутировать. Это удавалось ему мастерски. В споре он умел переубедить даже опытных специалистов. Контраргументы приходили им в голову в большинстве случаев только после того, как за ними захлопывалась дверь рейхсканцелярии и когда они, по здравом размышлении, обнаруживали, насколько неубедительными были доводы Гитлера».

В.М. Молотов, лично общавшийся с фюрером, вспоминал его чрезвычайную собранность, целеустремленность и последовательность. Гитлер был неплохим практическим психологом. Его энергия и работоспособность были огромны. К этому надо добавить умение быстро переходить от одной роли к другой. Ведь в молодости он брал уроки актерского мастерства.

Приход Гитлера к власти в 1933 году ознаменовал собой не только резкое сокращение до этого глубоких и разнообразных германо-советских связей во всех областях. Любой человек, прочитавший «Майн кампф», знал, что Гитлер считал своей главной целью уничтожение коммунизма и превращение СССР в германскую колонию — резервуар сырья и продовольствия.

Международное положение СССР резко ухудшилось. К дальневосточному центру милитаризма — Японии, — связанному с агрессией в Китае и острейшими японско-американскими противоречиями, добавился новый, гораздо более опасный очаг в Европе.

Особое беспокойство Сталина вызывал курс Гитлера на союз Германии с Польшей, имевший явную антисоветскую направленность. В январе 1934 года был заключен германско-польский договор. Традиционная немецкая нацеленность на восточные территории соединялась с давней польской русофобией. Переориентация советской внешней политики на Лондон и Париж была тогда совершенно правильным, единственно возможным разумным вариантом.

Англия и Франция не делали явную ставку на Гитлера по двум причинам. Первая — слабость нацистского режима

внутри Германии. Вторая — противоречия между Гитлером и Муссолини. И обе державы, особенно Франция, были встревожены намерением Гитлера, под прикрытием требований о равноправии Германии, уничтожить Версальскую систему европейской безопасности.

Рекламирование Гитлером своего режима как «бастиона против большевизма» в 1933–1934 годах не встретило поддержки у правящих кругов Франции, Англии и США. С последними Сталину удалось в 1933 году значительно улучшить свои отношения. Но в то же время он знал, что главными финансистами Гитлера были американские монополии и часть английских.

Сталин стремился сорвать планы по созданию единой антисоветской коалиции капиталистических стран. И этого ему удалось достичь в 1934 году, опираясь прежде всего на поддержку Франции, опасавшейся усиления Германии. Но в 1935 году ситуация резко изменилась.

Успехи Народных фронтов, созданных по инициативе коммунистов во Франции и Испании, заставили правящие круги первой все более склоняться к лозунгу «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». А укрепление нацистского режима в Германии и начало сближения Муссолини и Гитлера толкали Лондон все больше и больше навстречу фюреру.

Присоединение Саарской области к Германии послужило для Сталина грозным признаком возможности сговора Гитлера с Западом на антисоветской основе. В 1936 году произошли два события, утвердившие такие опасения: захват Германией Рейнской области и гитлеровское военное вмешательство в начавшуюся Гражданскую войну в Испании. То и другое произошло при поддержке Запада, готового пожертвовать Версальской системой в пользу Гитлера, лишь бы сделать его антисоветским тараном.

Сталин предпринял свой контрход. Фашисты были втянуты в активные военные действия вдаль от границ Советского Союза — в Испании. В 1936 и 1937 годах 3 тысячи советских военных советников, руководивших испанской республикан-

ской армией, сковали 25 тысяч немецких летчиков, танкистов, артиллеристов и прочих военных специалистов, руководивших войсками врага республики — генерала Франко.

СССР поддерживал правительство Испании, избранное демократическим путем, а западные «демократии» руками франкистов стремились его свергнуть. Поражение республиканцев в немалой степени определялось деструктивными действиями троцкистов, имевших немалую популярность в стране.

...В 1938 году Запад явно нацеливал гитлеровскую агрессию против Советского Союза. В марте этого года аншлюс Австрии вывел гитлеровский вермахт на дальние подступы к СССР. Предательство «демократическим» Западом Чехословакии в ноябре 1938 года и Литвы подвело агрессора на ближние подступы к Советскому Союзу.

Испанская республика терпела поражение. Дни ее были сочтены. У Гитлера появилась возможность сконцентрировать силы для дальнейших военных действий на Востоке... или на Западе.

У Сталина даже весной следующего года сохранялась надежда на то, что сотрудничество СССР с буржуазными демократиями может принести пользу. Советская разведывательная группа в Англии — «кембриджская четверка» — давала ему ценную информацию: Лондон, осуществивший мюнхенское предательство и спокойно воспринявший захват Гитлером оставшейся части Чехословакии в начале 1939 года, не намерен столь же покорно отдавать Гитлеру Польшу.

Сталин согласился на приезд военных делегаций Англии и Франции на переговоры в Москву с целью заключить соглашение против Германии. Но его ждало разочарование. Нашу делегацию возглавлял нарком К.Е. Ворошилов, а иностранные — незначительные военные и государственные деятели, не уполномоченные своими правительствами для заключения мирного договора. Единственная польза от этих переговоров: Сталин давал понять Гитлеру, что готов пойти на союз с Англией и Францией.

От своего тайного агента, работавшего в канцелярии французского премьер-министра Даладье, Сталин получил сведения о том, что Варшава, главный союзник Франции в Европе, может примкнуть к Берлину. А ведь защита Польши от гитлеровской агрессии была главной темой ведущихся в Москве переговоров. Сталину было ясно: его просто хотят втянуть в военный конфликт с Германией, создав для этого крайне неблагоприятные для СССР условия, когда он обязан оказывать военную помощь Англии и Франции, тогда как они могут этого не делать в случае нападения агрессора на СССР.

...Еще с «самиздатовских» времен были запущены для потребления определенной частью нашего общества две «утки». Первая: инициатива германо-советского пакта 1939 года исходила от Сталина, который сменой Литвинова на Молотова дал сигнал Гитлеру о своей готовности к сделке. Вторая: Сталин стремился к сотрудничеству с Гитлером и вел такую же, как он, агрессивную политику, стремясь «отхватить» себе часть европейских государств. Позже к этим «уткам» добавилась третья: Сталин вынашивал коварнейший план нападения на Германию.

Один из руководителей советской внешней разведки тех времен П.А. Судоплатов подчеркивал: «На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов». И еще: «Сейчас много говорят о советско-германских тайных переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так».

Соглашения с англичанами и французами Сталину заключить не удалось не по его вине. Договор с Германией не предполагал совместных военных действий, а лишь давал Советскому Союзу надежду на отсрочку войны. Запад должен был понять: дальнейшее поощрение гитлеровских аппе-

титов может привести к тому, что он двинется не на Восток, а в их сторону. У Сталина были основания надеяться на такой поворот событий, наиболее благоприятный для СССР.

Предвоенные маневры

Весной 1939 года по инициативе германской стороны в Стамбуле состоялись встречи двух послов: фон Папена и Терентьева. Фон Папен был вдобавок бывшим канцлером Германии. Перед отъездом в Стамбул он получил широкие полномочия от Гитлера (Сталин знал об этом от резидента своей разведки в Берлине).

Сталин и раньше старался улаживать отношения с соседними странами. Так, в апреле 1936 года он предлагал правительству Финляндии заключить пакт о ненападении. Однако не увенчались успехом попытки тайного подхода к маршалу Маннергейму через его бывшего однополчанина по Кавалергардскому полку и бывшего графа, автора мемуаров «50 лет в строю» генерала Красной Армии А.А. Игнатьева (кроме того, ветерана дореволюционной разведки).

Судоплатов свидетельствовал: «Маннергейм проинформировал Гитлера о наших предложениях, так что фюрер, посылая... Риббентропа в Москву, полагался не только на спонтанную реакцию... Сталина. Он был осведомлен о том, что мы готовы принять предложение подобного рода, поскольку сами уже пытались заключить аналогичный договор с соседней Финляндией».

Сообщение о предстоящем визите Риббентропа в Москву было передано средствами массовой информации заранее с указанием цели: заключить пакт о ненападении. ТАСС заявил, что эта акция не исключает продолжения «переговоров между СССР, Англией и Францией в целях организации отпора агрессии». О какой агрессии может идти речь? Только — о германской. Следовательно, Сталин убедил руководителей западных держав в необходимости совместных

усилий для того, чтобы противостоять гитлеровской политике захвата чужих территорий.

22 августа К.Е. Ворошилов принял главу французской военной миссии генерала Ж. Думенка и вновь подтвердил готовность советского руководства возобновить переговоры с Англией и Францией по «кардинальному вопросу», согласованному с правительствами Польши и Румынии. Эти переговоры не состоялись не по вине СССР.

После неудачи на переговорах с Западом Сталин пошел навстречу предложениям немцев. В результате 23 августа 1939 года Риббентроп прибыл в Москву.

Во время перелета шеф-пилот полковник Ганс Бауэр слышал, как министр говорил своим советникам: «Партия, которую нам придется сыграть, обещает быть трудной. Нужно усыпить недоверие советских руководителей — завтра, как и сегодня, они останутся нашими врагами. Придет время, и свастика заполощется здесь на месте серпа и молота».

Догадывался ли Сталин о таких настроениях в руководстве Третьего Рейха? Не только догадывался, но и был в этом уверен. Когда Риббентроп начал заготовленную речь и упомянул о «духе братства, который связывал русский и немецкий народы...», Молотов его перебил: «Между нами не может быть братства».

В кремлевском кабинете Молотова Риббентроп неожиданно для себя увидел Сталина. Стало ясно, что переговоры должны стать быстрыми и результативными. Как вспоминал участник встречи с немецкой стороны Г. Хильгер: «Сталин держался просто и без претензий. Эта манера была частью его тактики при переговорах, как и отеческая благожелательность, благодаря которой он умел пленять своих партнеров и усыплять их бдительность. Но интересно было наблюдать, с какой быстротой радушие Сталина в отношении Риббентропа сменялось ледяной холодностью, когда он отдавал краткие приказания или задавал какой-либо относящийся к делу вопрос».

Так, обращаясь к посланцу Гитлера, заговорившему о том, что Германия и Россия не должны обращать внимание на взаимные действия против третьих стран, Сталин отрезал: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас».

Сталин говорил столь откровенно, казалось бы, пренебрегая принципами дипломатии, предполагающими не выдавать своего подлинного отношения к происходящему, дезориентировать своего противника. А Гитлер, что странно, верил слову Сталина и почти не сомневался, что тот не нарушит пакт о ненападении. Очень желая заключить такой договор для гарантии нейтралитета СССР во время намечавшегося на ближайшее время нападения Германии на Польшу, фюрер опасался лишь провала миссии Риббентропа. Он написал Муссолини 25 августа, что «понятия не имел о возможной продолжительности переговоров с СССР и какой-либо гарантии их успеха».

Всего лишь через 13 часов после прибытия Риббентропа, в два часа ночи, был подписан Пакт о ненападении.

Гитлера должно было бы насторожить столь быстрое согласие советского руководителя заключить пакт, дающий возможность распространять германскую агрессию как на Восток (захват Польши), так и на Запад. Сталин, словно усыпляя бдительность фюрера и заверяя его в своем уважении, по окончании переговоров предложил тост:

— Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего вождя, поэтому я хотел бы выпить за его здоровье.

Как позже вспоминал Г. Хильгер: «Тон его разговоров о Гитлере и манера, с которой он провозглашал тост за него, позволяли сделать заключение, что некоторые черты и действия Гитлера, безусловно, производили на него впечатление... Это восхищение было, по-видимому, взаимным, с той только разницей, что Гитлер не переставал восхищаться Сталиным до последнего момента, в то время как отно-

шение Сталина к Гитлеру после нападения на Советский Союз перешло сначала в жгучую ненависть, а затем в презрение».

Насчет восхищения Сталина Гитлером — чересчур сильно сказано. Тост за здоровье фюрера, произнесенный спокойно и неожиданно, произвел сильное впечатление на немцев, что, по-видимому, и требовалось советскому руководителю. Прощаясь с Риббентропом, он сказал:

— Советское правительство очень серьезно относится к новому договору. Я могу дать мое честное слово, что Советский Союз не обманет своего партнера.

Гитлер был в восторге от своей удавшейся, как он полагал, крупной дипломатической хитрости: усыпив бдительность опасного восточного соседа, он получал возможность подчинить себе Западную Европу, после чего с новыми силами двинуться на Россию. В своем кабинете он радостно кричал:

— Теперь весь мир в моем кармане! Теперь Европа принадлежит мне!

А уже 28 августа Р. Гесс на совещании в имперской канцелярии дал указание разъяснять членам нацистской партии, что договор — временная мера, не меняющая враждебного отношения Германии к Советскому Союзу.

Понимал ли Сталин это важное обстоятельство? Безусловно. Ведь он отверг предложение Риббентропа ввести в официальное коммюнике о переговорах утверждение о «вновь обретенной германо-советской дружбе». По словам Сталина: «Годами мы выливали друг на друга целые ведра помоев, а теперь мы сразу хотим, чтобы наши народы повсрили, что все предано забвению и прощению. Так скоро не бывает».

Сталин не желал обманывать свой народ, и с немецким руководством он не хитрил. Ему надо было решить две стратегически важные задачи: обеспечить своей стране мир на год или два, а также отодвинуть границу СССР как можно дальше на запад, чтобы иметь дополнительную «зону безо-

пасности» на случай гитлеровской агрессии. И то, и другое ему удалось. Оставалось только спешно, с полным напряжением сил готовиться к неизбежной войне. Так он и сделал.

...Честная дипломатия была одинаково чужда и Берлину, и Лондону, и Парижу. А в начале войны потерпели дипломатическое поражение руководители Англии и Франции, а затем пришел черед и Германии. По справедливому мнению известного американского историка У. Ширера: «Одно было очевидно всем: англо-французская дипломатия полностью обанкротилась. Шаг за шагом западные дипломатии отступали перед Гитлером. С Советским Союзом на их стороне они все еще могли убедить германского диктатора не начинать войну или, если бы это не удалось, сравнительно быстро победить его в вооруженной схватке. Но они позволили этой последней возможности ускользнуть из рук».

Вспомним, как вели себя крупные английские политики незадолго до вторжения немцев в СССР. Перелет Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 года не был, конечно, спонтанным. Ведь речь шла о третьем лице в нацистской партии, близком друге Гитлера. Они провели 9 месяцев в одной тюремной камере после «пивного путча», и здесь будущий фюрер диктовал ему свой основополагающий труд «Моя борьба» («Майн кампф»).

За пять дней до перелета Гесс имел долгую беседу с Гитлером. О чем они говорили, неизвестно, однако прощались, по свидетельству телохранителя, трагично. Перед отлетом Гесса Альфред Розенберг передал ему дополнительные директивы фюрера (которому вскоре доложил о выполнении задания).

Таков был оригинальный, пожалуй, еще небывалый в истории дипломатический ход Гитлера: послать в страну, находящуюся в состоянии войны с Германией, своего ближайшего соратника с тайной миссией. Гесс был известным антикоммунистом; его появление в Англии ясно показывало, каким было задание: договориться с руководством Ан-

глии о совместных действиях против СССР или как минимум о нейтралитете этой страны.

Пожалуй, Гитлер совершил крупный просчет, направив в ночь с 10 на 11 мая тысячу немецких самолетов для бомбардировки английских городов. Он хотел продемонстрировать свою силу и с этих позиций провести тайный сговор с британским правительством. Однако и тут сила не смогла восторжествовать над правдой, которая была на стороне английского народа, защищавшего свою родину. Патриотический подъем был слишком велик, а дух сопротивления не сломен.

С Гессом три дня вел тайные переговоры опытный дипломат Айвор Киркпатрик. Позже он писал, что Гесс убеждал его в неотвратимости полного поражения Англии в войне с Германией. Ссылаясь на поручение фюрера, он уверял, что в случае заключения мирного соглашения с Германией Англии будет гарантирована гегемония в ее заморских территориях, а во владении Третьего Рейха останется вся континентальная Европа. На морях и океанах будет господствовать британский флот, а на суше — немецкая армия. Американцы останутся в изоляции.

В начале июня к тайным переговорам с Гессом (о которых было известно Сталину) подключился член кабинета Черчилля лорд-канцлер Джон Саймон (под псевдонимом «доктор Гатри»). Значит, британские правящие круги придавали большое значение миссии Гесса. Саймон поинтересовался, включает ли понятие «континентальная Европа», входящая в сферу интересов Германии, какую-либо часть Советского Союза? Гесс ответил утвердительно, уточнив, что речь не идет об азиатской части страны.

Полное содержание беседы Саймона с Гессом остается неизвестным до сих пор; предполагается, что член британского правительства получил послание Гитлера (оно тоже не рассекречено, если только сведения о нем верны). Повторим, что попытка Гитлера вести переговоры — через Гесса — с позиции силы была неразумна. После многочисленных авианалетов и жертв среди мирного населения антифашистские настроения в Англии глубоко укоренились.

Черчилль, взявший твердый курс на продолжение войны, пользовался широкой поддержкой своих граждан. Он был убежденным сторонником гегемонии Англии в Западной Европе, да и вряд ли верил обещаниям Гитлера сохранить колониальную Британскую империю. Гитлер доказал свое вероломство, захватив Чехословакию, Польшу, Бельгию, Францию. Не было никаких сомнений, что он в ближайшее время нападет на СССР вопреки мирному договору. Какой государственный деятель, находясь в здравом уме, доверится обещаниям такого «союзника», еще недавно бывшего врагом?!

Конечно же, Черчилль не был столь доверчивым человеком. Странно только, что Гитлер мог питать серьезные надежды на возможность мирного договора с Англией. Провал миссии Гесса был предопределен в первую очередь антифашистским общественным мнением в Англии. А вот правящие круги страны были, по-видимому, всерьез заинтересованы предложением Гитлера. Не случайно же до сих пор не обнародованы материалы о переговорах с Гессом. А его сын опубликовал книгу «Убийство Рудольфа Гесса», в которой привел доводы в пользу версии об умерщвлении его отца в тюрьме Шпандау агентами английской спецслужбы.

Гесс мог получить от английского правительства если не прямые, то косвенные заверения в том, что второй фронт в Западной Европе не будет открыт после вторжения гитлеровцев в Россию. Как мы знаем, английская политика предполагала уничтожение Советского Союза как главного врага буржуазной демократии, а в идеале — значительное ослабление Германии и СССР во взаимной борьбе.

Не исключено, что миссия Гесса задумывалась Гитлером с необычайно хитрой целью. В таком случае, твердо зная, что мирные переговоры с Англией на данном этапе не состоятся, особенно после крупного налета немецких бомбардировщиков, фюрер мог рассчитывать на возросшую уверенность Сталина в стремлении Гитлера расправиться в первую очередь с врагом на Западе, чтобы не воевать на два фронта.

Если таков был замысел, то цель была достигнута. Зная о провале миссии Гесса, Сталин укрепился в надежде, что гитлеровское вторжение откладывается на 1942 год. Предупреждение Черчилля о скором нападении Германии на СССР было разумно толковать как стремление англичан как можно скорее направить вермахт на Восток.

...Риббентроп оставил воспоминания, написанные во время Нюрнбергского процесса незадолго до своей казни. Вот как описал он свою встречу с советским вождем: «Один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоя ожидал Сталин... Шуленбург (посол Германии в СССР. — *Р. Б.*) даже не смог удержать возглас удивления; хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда...

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву.

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод... Я спросил Сталина, может ли сопровождать меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет».

Безусловно, этот жест доверия стал известен Гитлеру. Фюрер, уже тогда знавший, что с его стороны данный пакт — военная хитрость и в подходящий момент он его вероломно нарушит, потерпел пусть небольшое, но ощутимое моральное поражение. Вряд ли он верил в наивность Сталина, однако не имел никаких оснований упрекнуть его в хитрости, коварстве, нечестности.

Тогда же в Москве были подписаны и секретные протоколы. Их опубликование в горбачевское время сыграло важную роль в антисоветской пропаганде. Сошлемся еще раз на Судоплатова: «Вообще такого рода секретные протоколы самая обычная вещь в дипломатических отношениях, затрагивающих особо сложные вопросы... И сейчас, читая секретные протоколы Пакта Молотова–Риббентропа, я не нахожу в них ничего тайного. Директивы, основанные на подписанных соглашениях, были весьма четкими и определенными; о них знали не только руководители разведки, но и военное руководство и дипломаты. Фактически знаменитая карта раздела Польши, приложенная к протоколам 28 сентября 1939 года, появилась на страницах «Правды», конечно без подписей Сталина и Риббентропа, и ее мог видеть весь свет».

Германо-советское сотрудничество установилось во всех областях, в том числе военной. Но по словам западногерманского историка Себастиана Хаффнера: «Партнерство между Гитлером и Сталиным не было любовным союзом, в том числе и со стороны Сталина. Если можно было бы превратить своеправного и самовольного партнера — СССР в беззащитную и покорную, по крайней мере “уступчивую” Россию, то Гитлер всегда предпочел бы такой вариант”».

Война была неизбежной. Когда она грянет? Об этом Сталину оставалось только догадываться, прилагая все силы к усилению военной мощи своей страны и одновременно стараясь как можно дольше сохранять мир, ибо перевооружение Красной Армии только началось. Однако, как бывает всегда, даже ожидаемая большая беда обрушивается внезапно.

Хитрости фюрера

В ноябре 1940 года по приглашению германского правительства в Берлин прибыла советская миссия, руководимая наркомом иностранных дел, вторым лицом в государстве В.М. Молотовым.

О встрече советской делегации с Гитлером подробно рассказал ее участник В.М. Бережков в книге «Страницы

дипломатической истории» (1982). Он подчеркнул декоративную ритуальность обстановки, призванной психологически подавить приглашенных. Два высоких эсэсовца в черной форме с черепами на фуражках распахнули огромные двери, встав по обе стороны и вытянув правую руку в фашистском приветствии. Огромный кабинет, похожий на зал, громадный письменный стол, большой глобус и в сравнении с этим антуражем небольшая фигура фюрера.

Подчеркивая свое дружеское расположение и уважение к представителям СССР, Гитлер подошел к ним, поздоровался со всеми за руку и пригласил к беседе. Он произнес вступительную речь о том, что Англия фактически уже разбита и скоро капитулирует, Германия контролирует всю Западную Европу. Пора позаботиться о разделе Британской империи.

Странам оси — Германии, Италии и Японии — надо узнать соображения на этот счет Советского правительства.

В ответ Молотов, оставив без внимания заявление Гитлера, предложил обсудить конкретные практические вопросы. В частности, хотелось бы знать, почему германские войска направлены в Финляндию, а военная миссия — в Румынию без консультации с Советским правительством? Ведь этим нарушается пакт о ненападении, заключенный в 1939 году.

Фюрер старался направить переговоры в нужное ему русло, говоря о разделе мира, в котором предлагал участвовать и СССР. Так, по его словам, укрепятся дружеские отношения СССР с Германией. Сталин дал указание Молотову твердо проводить свою линию: выяснять причины концентрации немецких войск на восточном направлении, отмечая реакцию Гитлера на эти вопросы. А она оказалась неординарной.

Как писал В.М. Бережков: «Несмотря на актерские способности, фюреру не удалось скрыть растерянности...» Отвечал он сбивчиво и неубедительно. Молотов добавил, что сложившаяся ситуация вызывает озабоченность Москвы и желание получить от германского правительства четкий ответ по этому поводу.

Гитлер вынужден был сослаться на свою неосведомленность. Он вновь начал развивать идею раздела мира — дымовую завесу, призванную скрыть истинные намерения Германии. СССР предлагалось распространить свое влияние в южном направлении, вплоть до Индийского океана...

«Здесь Молотов перебил Гитлера, — отмечает Бережков, — заметив, что он не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. Советское правительство заинтересовано в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к границам Советского Союза».

Глава нашей делегации в соответствии с указаниями Сталина пресекал попытки Гитлера увести переговоры от проблем, актуальных для СССР. Надо было показать фюреру, что он имеет дело с противником, который не поступится своими идеологическими принципами. Гитлеру пришлось хитрить, изворачиваться, лгать, тогда как Сталин через Молотова давал ясно понять, что ведет честные переговоры, не скрывая своих интересов. Гитлер признавал свое отчасти даже унижительное положение. Он прервал встречу, сославшись на возможность воздушной тревоги.

Британская авиация осуществляла смелые налеты на Берлин, и, по-видимому, они были приурочены к моменту пребывания здесь советской делегации. Тем самым подчеркивалось, что с Англией еще не покончено и она не пойдет ни на капитуляцию, ни на сговор с Третьим Рейхом. Не исключен более хитрый ход британских руководителей: создать у русских впечатление, что Германия собирается и впредь воевать с Англией, а потому не следует обращать внимание на концентрацию немецких войск на восточном направлении; тем самым подкреплялись планы фюрера двинуться на СССР.

«На следующий день состоялась вторая встреча с Гитлером, — пишет Бережков. — К тому времени из Москвы уже поступила шифрованная депеша. Отчет о вчерашней беседе был рассмотрен, и делегация получила инструкции на дальнейшее. Советское правительство со всей категорич-

ностью отвергало германское предложение, отклонив попытку Гитлера втянуть нас в дискуссию по поводу раздела «британского имущества». При этом вновь подтверждалось указание настаивать на том, чтобы германское правительство дало разъяснение по вопросам, связанным с проблемой европейской безопасности».

По данному поводу вряд ли было заседание Советского правительства. Указание могло поступать или от Политбюро, или лично от Сталина. Второе наиболее вероятно; к этому времени он руководил и внутренней, и внешней политикой страны. Вообще в подобных случаях коллегиальность решений нецелесообразна.

Вторая встреча с Гитлером ничего, по существу, не изменила. Молотов продолжал четко проводить сталинскую линию, а фюрер и Риббентроп старались всячески завуалировать приготовления Германии к вторжению в СССР. Молотов сказал, что в Москве недовольны задержкой с поставками германского оборудования в Советский Союз; такая практика недопустима, поскольку советская сторона точно выполняет обязательства по экономическому сотрудничеству с Германией. Гитлер возразил: его страна ведет с Англией борьбу «не на жизнь, а на смерть» и вынуждена мобилизовать все свои ресурсы.

И тут Молотов, как свидетельствует Бережков, сделал резкий выпад:

— Но мы только что слышали, что Англия фактически уже разбита. Какая же из сторон ведет борьбу на смерть, а какая — на жизнь?

Гитлер был ошеломлен ответом, хотя и сдержался, проговорив невнятно, что Англия разбита еще не совсем, на этом направлении остается кое-что сделать, а вообще-то тема беседы исчерпана и переговоры продолжит Риббентроп.

На этот раз министр иностранных дел Третьего Рейха предложил СССР присоединиться к пакту трех (Германии, Италии, Японии). Начавшаяся воздушная тревога заставила их всех перейти в бункер. Молотов вновь отметил, что

уверения в скором разгроме Англии выглядят неубедительно, так же как разъяснения по поводу пребывания немецких войск в Финляндии и Румынии. Риббентроп заявил, что «несущественные вопросы» следует обсудить по обычным дипломатическим каналам. На этом завершился визит советской дипломатической делегации в Берлин.

Теперь известно, что тогда уже разрабатывали стратегию нападения на СССР, а Гитлер накануне встречи с Молотовым издал 12 ноября 1940 года секретное распоряжение, где говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начинаются. Независимо от того, каким будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

Этот «План Барбаросса» был утвержден 18 декабря. Директива начиналась так: «Германские вооруженные силы должны быть готовы еще до окончания войны против Англии разбить Советскую Россию в стремительном походе... Приготовления должны быть закончены до 15 мая 1941 года. Особое внимание надо уделить тому, чтобы подготовку этого нападения было невозможно обнаружить».

Итак, фюреру дали понять, что СССР обеспокоен восточной политикой Германии, не исключает подготовку войны, но в то же время не боится этого и не собирается поступиться принципами, идти на сговор с фашистами. Но не потерпел ли Сталин в этом поединке поражения? Ведь через полгода гитлеровцы вторглись в нашу страну, и началась война, которую вождь советского народа не предвидел, чем и объясняются первые страшные наши поражения.

Чтобы так думать всерьез, надо быть очень наивным, мягко говоря, человеком. Ход переговоров показывает: Сталин понимал, насколько опасно поведение Германии для СССР и что войны с ней не миновать. Более того, вскоре к

Сталину поступили разведданные о предполагаемом начале агрессии — 15 мая.

Что в такой ситуации мог предпринять СССР? С военной точки зрения самое логичное — опередить противника, первым нанеся ему удар. Политические результаты этого могли стать катастрофичными для Советского Союза. Он предстал бы как агрессор, вероломно нарушивший мирный договор с Германией. У нее появилась бы возможность, вступив в союз с Англией или добившись ее нейтралитета, завоевать симпатии мирового общественного мнения и дать достойный отпор врагу. Япония имела бы все основания объявить войну СССР.

Сталинская мирная политика была не пропагандой, а последовательной линией поведения в отношении других стран. К этому времени социалистическая система доказала свои преимущества перед капиталистической. Советский Союз превратился в сверхдержаву, с которой в Европе могла соперничать только Германская империя. Благодаря индустриализации быстро укреплялась оборонная мощь страны. Жестокий урок финской войны, хотя и победоносной, показал, насколько тяжело положение агрессора и как силен отпор тех, кто борется за свою свободу.

Сталин принял единственно верное решение: продолжать напряженную подготовку к войне, стараясь как можно дальше отодвинуть ее начало. Сказывались последствия военной доктрины Тухачевского, делавшего ставку на легкие танки, танкетки, тяжелые бомбардировщики. Если бы удалось отодвинуть начало войны до лета 1942 года, тогда СССР смог бы дать агрессору мощный отпор. К этому и стремился Сталин.

Но и Гитлер понимал это. Почему он не начал войну в мае 1941 года? Он упустил выгодное время начала лета, а потому его войска вышли к Москве лишь поздней осенью. Хотя, с другой стороны, Сталин знал о плане начала войны 15 мая и должен был подготовить отпор. Вторжения не произошло. Это создавало впечатление, что агрессия отклады-

вается. С начала июня были веские основания считать, что Германия нападет не раньше следующего года.

Если Гитлер продумал такой вариант, то это свидетельствует о его незаурядной проницательности. Усыпив бдительность противника, он получил возможность провести стремительную операцию.

А что мог предпринять Сталин, даже уверенный в неизбежности скорого нападения фашистов? Спешно подтянуть к западной границе как можно больше войск и объявить о всеобщей мобилизации? Это было бы расценено как свидетельство агрессивных намерений СССР. Гитлер тогда представил бы Сталина вероломным поджигателем войны.

В любом случае невозможно провести крупную передислокацию войск и мобилизацию за две-три недели. Кроме того, концентрация сил у границы в случае мощного удара фашистов грозила потерей наиболее боеспособных частей Красной Армии и быстрой оккупацией практически всей Европейской России, на что и рассчитывал Гитлер.

Сталину оставалось только надеяться, что Гитлер отложит вторжение, прежде обезопасив себя от Англии и договорившись с японцами о координации совместных действий. В данном случае фюрер «переиграл» Сталина (если, повторим, продуманно отодвинул время агрессии). В любом случае положение советского лидера исключало ведение активных действий.

Кстати, в январе 1941 года первым заместителем наркома обороны и начальником Генштаба был назначен Г.К. Жуков. Конкретные меры по подготовке отражения агрессии должен был предпринять прежде всего он. И если уже не Верховного Главнокомандующего, а его называют «творцом победы» (что несправедливо), то за недостаточную готовность Красной Армии к отражению агрессии отвечать должен был прежде всего Жуков. Хотя, конечно же, главная причина наших первых поражений объясняется просто: враг был сильнее.

Лето 1940 года было «медовым месяцем» в германо-советских отношениях. Но этот период вскоре закончился. После капитуляции Франции, когда британским войскам Гитлер позволил бежать отсюда на родину, части вермахта начали стягивать к советской границе. Ожидать нападения со стороны Англии им не приходилось.

Зная, что в Берлине приступили к разработке планов военного нападения на СССР, Сталин готовил страну к войне. В отношении Берлина проводился довольно жесткий курс. Бескомпромиссность в дипломатии сочеталась с периодическими «замораживаниями» сырьевых поставок Германии в качестве рычага политического давления на нее. Основными требованиями советского руководства были: выполнение ранее достигнутых германо-советских договоренностей и отказ Берлина от экспансии в те районы Восточной Европы, которые Советский Союз считал своей зоной безопасности.

Сталин добился двух крупных дипломатических успехов: в конце марта 1941 года Турция заявила о своем нейтралитете в случае нападения на СССР; тем самым укреплялась безопасность наших границ на юге. В апреле был подписан японо-советский пакт о нейтралитете, снижавший опасность войны на два фронта.

Надежды на то, что Германия завязнет в длительной войне с Югославией и Грецией, не оправдались. Нападение фашистов на Советский Союз могло произойти в самое ближайшее время. И Сталин в апреле–мае 1941 года перешел к другой тактике: поиска компромиссов одновременно с демонстрацией военной мощи.

Гитлер хотел обмануть Сталина, подбрасывая версию, будто скопление немецких войск у советской границы — отвлекающий маневр перед их высадкой в Англии. Но эта хитрость не удалась. Уже в марте 1941 года Сталин получил несколько сообщений о том, что Гитлер, не добившись

превосходства в воздухе и на море, отказался от высадки на Британские острова. В Лондоне не исключали сговора с ним. Полет Гесса в Великобританию еще больше усилил подозрения на этот счет. Не представлял секрета тот факт, что немало влиятельных государственных деятелей этой страны оставались сторонниками сближения с Германией.

Существует вполне правдоподобное предположение, что Гесс был уполномочен вести переговоры с Черчиллем. От имени фюрера он, по-видимому, предлагал британскому премьер-министру участие в совместном англо-германском нападении на СССР. Черчилль отказался от такой авантюры, но заверил Берлин в том, что займет позицию нейтралитета в германо-советской войне.

Давая такое обещание, Черчилль отвел угрозу вторжения немцев на Британские острова, натравливал Германию на Советский Союз и получал возможность в дальнейшем свободно маневрировать по мере дальнейшего хода военных действий.

На справедливость такого мнения указывает то, что протоколы допроса Гесса после его приземления в Англии до сих пор не опубликованы. Очень неубедительно звучит предположение, будто Рудольф Гесс был психически ненормален, а его акция — экстравагантная выходка одиночки: слишком высокое положение занимал этот человек в нацистском государстве.

Черчиллю было бы целесообразно провести подобные переговоры и занять на них позицию, выгодную для Англии. Не утруждая себя какими-либо официальными договоренностями, он имел возможность в любое время нарушать данное обещание, а оповестив Сталина о возможности скорого нападения фашистов на СССР, демонстрировал свою готовность к совместным действиям против общего врага. Такая «двойная игра» была вполне в его стиле.

Не исключался удар немцев по транспортной артерии Британской империи — Суэцкому каналу и вторжение на Ближний Восток. Из-за активности германских войск,

авиации, разведки и дипломатии в этом районе мира Сталин считал наиболее вероятным именно такое развитие событий. Тем более что Япония, отказавшись от притязаний на советскую территорию, направила свои усилия на завоевание колоний в Юго-Восточной Азии.

Логично было предположить, что и Гитлер нанесет удар «в подбрюшье» Британской империи, устанавливая свое господство в нефтеносном регионе. У Сталина были основания надеяться на выигрыш времени.

Гитлер начал в мае 1941 года дезинформационную акцию. Сталину подбрасывали сведения о том, что вермахт стянут к советской границе с целью оказать давление на СССР, чтобы он обеспечил германское участие в эксплуатации бакинской нефти, а также для прохода своих войск через южные районы СССР на Ближний Восток. Сообщалось также о том, что Черчилль согласен пойти на сговор с Гитлером. Это было правдоподобно. Такое союзничество могло сорвать возможность создания мощной англо-американо-советской коалиции, способной резко ограничить поползновения Гитлера.

Дезинформационные слухи заполнили страницы многих газет и широко распространялись в столицах европейских государств. Создавалось впечатление, будто концентрация немецких войск — блеф, а мирное урегулирование германо-советских противоречий неизбежно. Эти сведения передавались в Кремль.

Сталин оказался в очень сложном положении. Было ясно: Германия готова напасть на СССР. Однако поступали сведения о том, что нацистское руководство осуществляет «психологический нажим» для укрепления «позиции силы» к предстоящим мирным переговорам.

Сталин не сбрасывал со счетов ни ту, ни другую информацию. А наша разведка доносила о разногласиях в верхушке нацистов: мол, Гитлер стремится сохранять мир с СССР и продолжать войну с Англией, а руководство вермахта хочет спровоцировать германо-советский конфликт. Чтобы

не допустить такого столкновения, Сталин категорически требовал «не поддаваться на провокации».

Донсесения о возможных сроках начала войны, как мы уже упоминали, не подтверждались, и это несколько успокаивало Сталина. 22 июня вполне мог оказаться еще одним ложным прогнозом.

Но подготовка к войне продолжалась. В частности, отдельные части Красной Армии подтягивались к западной границе. Это некоторые нынешние авторы рассматривают как подтверждение того, что Сталин готовил нападение на Германию, а Гитлер лишь опередил его. Несостоятельность такой позиции доказывается и советскими, и германскими документами. В оперативном планировании немцев вариант наступательных действий советских войск в расчет не принимался.

«Неприведение частей РККА в состояние повышенной боевой готовности свидетельствовало о выжидательно-оборонительной, а не наступательной позиции советского руководства... — пишет историк О.В. Вишлев. — Напасть на Германию означало бы для СССР в этих условиях пуститься в опаснейшую авантюру. Сталин же не был авантюристом, он был очень осторожным и расчетливым политиком».

Сталин хотел начать переговоры с Гитлером, но не желал проявить инициативу, полагая, что тот воспримет это как знак слабости. Были подброшены в Берлин «свидетельства» о сближении позиций СССР, Англии и США, чего весьма опасался Гитлер.

Обмануть фюрера не удалось. Он устроил инсценировку о будто бы допущенной Геббельсом утечке совершенно секретной информации в статье, опубликованной в нацистской газете: сообщение о готовящемся немецком вторжении в Англию. Тираж был срочно конфискован. Сталин предположил, что Геббельс предупредил Лондон о вторжении, чтобы сорвать этот план, сделать войну с Англией бесперспективной и толкнуть Гитлера против СССР.

Сталин ответил заявлением ТАСС от 13 июня 1941 года, где содержался призыв к Германии о переговорах. Но Гитлер молчал.

Сталин продолжал надеяться на мирные переговоры. Он опирался на поступавшую к нему информацию, каналы которой работали на полную мощность в последние предвоенные дни и часы. Однако сообщения советских разведчиков и дипломатов были сумбурны и противоречивы.

За последние 20 лет из этого потока сведений отбирались те, которые предупреждали о возможном начале войны 22 июня. Это вроде бы демонстрировало глупость и болезненную недоверчивость Сталина. Но легко быть критиком «задним числом»! А в то время никто из авторитетных аналитиков в СССР не гарантировал верность подобных (немногих!) данных. Ведь предыдущие донесения о более ранних сроках вторжения не оправдались. Да и что можно предпринять за считанные дни до агрессии? В предыдущие два месяца части Красной Армии на Западе и без того находились в постоянной боевой готовности. Некоторые из них в июне уже приступили к перевооружению.

Сталин имел основания для надежды предотвратить войну даже в последние дни перед ней. Вспомним случай, рассказанный Судоплатовым. В московском отеле «Метрополь» советская контрразведка перехватила двух немецких дипкурьеров. Одного заперли будто случайно в кабине лифта, а другого — в ванной его номера.

«Вызволили» застрявшего в лифте контрразведчики, которые за пять минут, имевшихся в их распоряжении, вскрыли его «дипломат» и сфотографировали лежавшие там секретные документы. Среди них было письмо Риббентропу посла Германии в СССР графа Шуленбурга, сообщавшего, что может быть посредником в урегулировании германо-советских противоречий. Шуленбург был одним из инициаторов и составителей Пакта 1939 года. Старый дипломат кайзеровской школы, он оставался верен бисмарковской традиции не вступать в военный конфликт с Россией. И доказывал это на деле, чем заслужил определенное доверие в руководстве СССР, в частности у Сталина. (В 1944 году Шуленбург был казнен гестапо.)

Судоплатов писал: «Хотя признаки приближающейся войны были очевидны, этот документ, позиция Шуленбурга и его высокая репутация подтверждали, что дверь к мирному урегулированию все еще не закрыта».

Итак, поток противоречивых слухов, взаимоисключающих дипломатических и агентурных донсений, экспертных оценок возрастал вплоть до 22 июня. Инициатива была на стороне Гитлера, Сталину оставалось только выжидать, каким станет очередной ход противника. Такова была объективная ситуация на тот период.

Может показаться, что на данном этапе дипломатия Гитлера оказалась более эффективной, чем сталинская. С этим нельзя согласиться. Отказ от переговоров — дипломатическая акция примитивная, показывающая не силу, а слабость того, кто избегает поединка, или его коварство. Но главное даже не в этом. В любой схватке, а тем более в продолжительном противостоянии, отдельные неудачи вполне естественны. Без них в сложных ситуациях не обойтись. Главное здесь не частности, а общий результат. Как известно, результатом был триумф Сталина и трусливая злоба и зависть его недругов.

Сталинская дипломатия показала всему миру, что Советский Союз всегда готов к мирным переговорам, предпочитает сотрудничество с другими странами, не строит агрессивных планов и честно выполняет взятые на себя обязательства. Ничем подобным гитлеровцы похвастаться не могли.

Кстати, в январе 1941 года Гитлер заявил: «Сталин, властитель России — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии». И еще: «Пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и осторожен».

Может возникнуть вопрос, «модный» в период «перестройки» и расчленения СССР: а как же трактовать оккупацию советскими войсками Прибалтики, западных районов Белоруссии, Украины? Это ли не агрессивная политика!

Ответ подсказывает тот факт, что ввод советских войск в Литву, Латвию, Эстонию и присоединение этих стран к СССР не вызвали практически никакого сопротивления. Лишь в восточной Польше, куда вошла Красная Армия, погибло немногим более 1 тысячи наших военнослужащих. Народы этих стран и правительства восприняли акт присоединения к СССР более или менее лояльно.

Немецкая оккупация обернулась бы для значительной части местного населения трагедией или порабощением (что входило в планы нацистов). В то же время попытка отодвинуть границу от Ленинграда в глубь Финляндии обернулась войной, на которой за три с половиной месяца погибло почти 127 тысяч военнослужащих СССР. Победа досталась дорого, зато была достигнута цель, поставленная Сталиным. Поэтому во время Великой Отечественной войны удалось спасти Ленинград (финны воевали на стороне гитлеровцев).

Итак, попытка насильно оккупировать сравнительно небольшую часть Финляндии (с предложением компенсировать это передачей ей советских территорий) обернулась кровопролитной войной. А присоединение трех прибалтийских стран и значительных областей Польши произошло мирным путем. Вот принципиальная разница между оккупацией и вхождением в состав державы.

Отодвинув границу СССР на запад, Сталин создал дополнительный рубеж обороны. Как государственный деятель, он был абсолютно прав. Если бы эти территории достались гитлеровской Германии, победа в Великой Отечественной обошлась бы еще более дорогой ценой.

Полное поражение

Победоносное, хотя и с немалыми потерями, начало войны Германии, а по сути всей континентальной Европы, против СССР могло завершиться капитуляцией если не от имени Сталина, то по инициативе тех, кто мог бы его сменить. Таким был расчет гитлеровцев. Он не оправдался.

Несколько слов о «внезапности» войны для Сталина. На рассвете 22 июня, по воспоминаниям Г.К. Жукова, руководитель страны крепко спал. Однако, судя по всему, это вовсе не свидетельствовало о его беспечности и непонимании напряженности обстановки. Вот что сообщает досье «История и современность» (№ 6, 2003 год):

«День перед началом войны Жуков описывает удивительно кратко, с большими недомолвками. О том, что происходило 21 июня, в его книге нет ни слова. Рассказ о начале войны Жуков начинает сразу с ночи на 22 июня. По его словам, директива о приведении приграничных войск в боевую готовность была отправлена в 0.30 ночи 22 июня. Почему так поздно? Ведь Сталин дал указание об этом еще днем. У Жукова объяснения нет».

Возможно, это говорит о том, что Георгий Константинович, занимавший пост начальника Генштаба, или не слишком торопился, или его отвлекли какие-то другие дела. По линии войсковой разведки он мог бы, пожалуй, еще раньше оценить опасность нападения.

Позже со слов Хрущева стали обвинять Сталина в том, что он слишком доверился мирным обещаниям Гитлера. Но нет никакого сомнения в том, что фюрер не внушал никакого доверия Сталину. В тот момент советскому вождю (который еще не был Верховным Главнокомандующим) оставалось только ждать и надеяться, что вторжение гитлеровцев отложено на следующий год. Хотя уже тогда была дана команда подготовить к отправке на запад страны некоторые воинские части, находившиеся в Сибири.

О том, какая была обстановка за полтора месяца до начала Великой Отечественной, можно судить, в частности, по воспоминаниям тогдашнего выпускника одной из военных академий Энвера Муратова. Днем 5 мая он с группой товарищей пришел на торжественный прием в Кремль. При входе их не обыскивали (вспомним миф о страшной подозрительности Сталина). На банкете один из тостов произнес генерал:

«— Товарищи! Предлагаю выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сталин протестующе замахал рукой и взял слово, заметное волнуясь. Вот главное, что он сказал:

— Этот генерал ничего не понял... Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину... истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне!»

Правда, последняя фраза может навести кого-то на мысль, будто Сталин планировал начать войну, а Гитлер его опередил. Но любой мало-мальски разбирающийся в подобных вопросах человек понимает, что для развертывания широкого наступления требуется составить подробный план, объявить всеобщую мобилизацию и подтянуть к фронту огромное количество войск и т.п. Ничего подобного у нас не было. А гитлеровский генштаб заранее подготовил план вторжения («Барбаросса») и провел передислокацию своих армий. Слова Сталина на банкете свидетельствуют о том, что он серьезно и с большой тревогой относился к доносениям о готовящемся в середине мая фашистском наступлении.

О первых месяцах войны тоже приводят сильно искаженные, а то и явно лживые сведения. Например, называют цифры попавших тогда в немецкий плен бойцов и командиров Красной Армии: 2,5 миллиона или даже еще больше. Как выяснилось, немцы причисляли к пленным большое количество гражданских лиц. Один из их приказов предписывал: «При захвате отдельных населенных пунктов нужно немедленно и внезапно захватывать имеющихся мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если они могут быть причислены к

способным носить оружие... объявить, что они впредь будут считаться военнопленными».

Наконец, про общие наши потери. По уточненным данным, они составили 6,8 млн человек, а в оккупации погибло 13,6 млн. Советских воинов пало в сражениях больше, чем фашистов (не только немцев, но и представителей других народов Европы). Это объясняется главным образом их огромным численным и техническим перевесом в два первых года войны...

Крупные поражения в начале войны не деморализовали народ, Красную Армию, Сталина. Хотя тогда положение было критическим, и рассматривалась даже авантюрная идея о физической ликвидации Гитлера осенью 1941 года. В случае взятия Москвы немцами покушение должно было произойти во время предполагаемого их парада на Красной площади. В 1942-м предполагалось уничтожить Гитлера в его полевой ставке в Виннице.

Планировалось покушение на него и в Германии. Организатором был впоследствии известный советский боксер И. Миклашевский — племянник актера Блюменталь-Тамарина (персбежавшего к немцам), внедренный советской разведкой как «добровольно сдавшийся в плен». Используя расположение чемпиона мира Шмерлинга, он вошел в высшие круги Рейха. Миклашевский разработал план покушения в одном из берлинских театров. В этом ему могла помочь подруга любовницы Гитлера Евы Браун — известная тогда кинозвезда Ольга Чехова (племянница жены А.П. Чехова — знаменитой актрисы, а также бывшая жена известного актера, племянника Антона Павловича, Михаила Чехова).

Неожиданно из Москвы поступил приказ о прекращении подготовки этой акции. Его отдал лично Сталин, которому регулярно докладывали о ходе разработки этой операции. В мемуарах П.А. Судоплатова объяснено: «В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заклю-

чить сепаратный мир с союзниками без участия Советского Союза. Подобные страхи не были безосновательными».

Сталин знал, что на Западе есть значительный слой в верхних эшелонах власти, способный пойти на сговор с той частью нацистского руководства, которая готова была пожертвовать своим фюрером. Например, в начале 1945 года Ален Даллес вел сепаратные переговоры в Швейцарии с генералом СС Вольфом.

...У Сталина были все основания не доверять союзникам и затаить на них глубокую обиду. У него не было сомнений в том, что они, ведя войну с Германией, стараются максимально обескровить СССР. Обещая открыть второй фронт в 1942 году, они не только обнадежили советского Верховного Главнокомандующего, но и серьезно нарушили его стратегические планы. Не чувствуя никакой угрозы с Запада, немцы и их союзники смогли предпринять крупное наступление с угрозой захватить Ленинград и Сталинград.

Создается впечатление, что Черчилль и Рузвельт спокойно рассматривали такой вариант и даже — не исключено — надеялись на сильный подрыв позиций Советского Союза. После этого западные союзники могли бы диктовать ему свою волю. Однако летние немецкие успехи в 1942 году завершились зимой плачевно: сталинградской катастрофой.

Тут впервые, пожалуй, проявился военный стратегический талант Сталина. Под его руководством (без ведома Жукова) была разработана операция по дезинформации противника: наш агент, которому немцы полностью доверяли, сообщил им, что советское контрнаступление планируется с основным ударом под Ржевом. Туда был направлен маршал Жуков, не знавший, что ему предстоит провести отвлекающий маневр.

Немцы подтянули свои войска под Ржев, успешно отразив советские атаки; и тогда началось неожиданное для врага наше наступление под Сталинградом, завершившееся окружением и уничтожением крупной группировки противника (треть миллиона человек).

Нечто подобное повторилось и в следующем году. Сконцентрировав свои вооруженные силы на восточном направлении, Гитлер после некоторых сомнений перешел к решительным действиям. В его распоряжении было 257 дивизий (из них состоящих только из немцев — 207) вместо 240 — в 1942-м. Союзники Сталина, казалось бы, должны были отвлечь часть гитлеровских войск, высадившись во Франции. Однако союзники не торопились. 16 февраля 1942 года Сталин написал Рузвельту:

«Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции, то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август–сентябрь, мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока». А данное событие совершилось как раз, наоборот, значительно позже!

В начале июня 1943 года Гитлер подтянул свои силы на Курском направлении, когда сюда стали поступать новейшие мощные танки «Тигры» и «Пантеры», самоходки «Фердинанд» и сосредоточивались в невиданном количестве танковые армии (дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», а также «Великая Германия» и др.). В это время Рузвельт направил Сталину послание «лично и строго секретно». О чем? О борьбе с немецкими подводными лодками, о возможном участии Турции в войне на стороне союзников, о борьбе с Японией и поддержке Китая, о помощи французским войскам в Африке...

С каким чувством читал Сталин подобные сообщения перед решающей битвой, в которой Германия напрягла все свои силы, чтобы разгромить советскую армию? А Рузвельт в заключение довел до сведения адресата: «Совместная англо-американская штабная группа постоянно занималась и занимается пополнением необходимых планов самыми последними данными для того, чтобы немедленно использовать всякую слабость противника во Франции или в Норвегии».

Но ведь недавно три немецких танковых дивизии были переброшены из Франции на Восточный фронт! Словно Гитлер твердо знал: Англия и США не станут мешать ему нанести сокрушительный удар на востоке. А в заключение письма говорилось: «Согласно теперешним планам на Британских островах весной 1944 года должно быть сконцентрировано достаточно большое количество людей и материалов для того, чтобы предпринять всеобъемлющее вторжение на континент в это время».

Союзники, вновь отложив время открытия второго фронта в Европе, в очередной раз предали Сталина в наиболее острый, решающий момент военной кампании 1943 года.

11 июня Сталин ответил сдержанно, но сурово и кратко. Через 13 дней написал более подробно, напомнив Черчиллю: «Это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и Президентом без участия Советского Правительства». Слишком многое походило на сговор, направленный в данном случае не столько против Гитлера, сколько против Сталина.

Они по-прежнему выжидали удобный момент для активных действий в Европе, когда обессилеют в схватке один на один Германия и СССР. Сталин концентрировал вооруженные силы на Курском направлении. Зная об этом, Гитлер решил не отменять намеченную здесь операцию «Цитадель», а еще более укрепить свои прежде всего бронетанковые силы. Но и это знал Сталин, а потому позаботился о том, чтобы советская сторона имела численное превосходство в людях и технике.

В двух ударных немецких группировках насчитывалось около 1 миллиона человек, 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, 2050 самолетов. Им противостояли войска Центрального и Воронежского фронтов: 1,3 миллиона человек, 19 тысяч орудий и минометов, 3400 танков и самоходных орудий, 2170 самолетов.

На случай глубокого немецкого прорыва был организован резервный Степной округ, в составе которого имелось

около полумиллиона человек, 7400 орудий и минометов, 1550 танков. В отличие от Сталина, Гитлер не предусмотрел возможность того, что наступление вермахта захлебнется и русские нанесут ответный удар. «Цитадель» разрабатывалась как исключительно наступательная операция. Ради нее были оголены отдельные участки Восточного фронта.

С советской стороны сделано было то же самое. Но к этому времени страна сумела оправиться от предыдущих ударов врага. На фронт поступало все больше техники, а танкисты, летчики, артиллеристы стали значительно квалифицированнее, чем раньше. Тем, кто в наши дни не способен представить себе, насколько высок был моральный дух советских солдат и офицеров, полезно прочесть английского военного историка полковника Е. Лейдери о том, как подготавливались красноармейцы к отражению немецкого наступления:

«В период ожидания солдаты проходили физическую подготовку, совершали марш-броски. Экипажи танков соревновались в преодолении препятствий, скорости и стрельбе. На встречах с молодыми солдатами ветераны делились своим боевым опытом. В состав каждого танкового экипажа включались один-два коммуниста или комсомольца, призванных подавать пример... В свободное время демонстрировались кинофильмы, организовывались спортивные игры, опытные воины выступали с лекциями».

Дело, конечно, не только в этом. Шла подготовка минных полей и огневых точек с учетом того, что немцы пустят вперед мощнейших «Тигров», «Пантер» и «Фердинандов» и предпримут ряд других маневров, которые можно было предугадать. Предстояло выдержать удар чудовищной силы. Например, на южном фланге Курской дуги девять лучших дивизий вермахта сосредоточились на фронте шириной 45 км.

Немцам перед решающим броском на восток было зачитано патетическое воззвание фюрера:

«Солдаты Рейха!

Сегодня вы начинаете великое наступление, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепитя убеждение в тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам».

...На рассвете 5 июля, когда немецкие солдаты и офицеры слушали эти слова, готовясь к смертельной схватке, на них обрушился шквал советских снарядов, бомб, мин и ракет. Это было неожиданно и страшно. Ведь артподготовка обычно предшествует своей атаке, а тут все наоборот.

На нашей стороне командование находилось в напряженном ожидании: не произошла ли ошибка, не перенес ли враг дату наступления? Или вообще главные удары начнутся в других местах?

Но в 6.00 две тысячи немецких танков первой волны выползли из укрытий и двинулись вперед. К их встрече все уже было готово. «Вокруг нас от огня русской артиллерии, — писал радист «Тигра», — дыбом вставала земля. Иван, с присущей ему хитростью, не открывал огня в предшествующие недели... Весь фронт опоясали вспышки выстрелов. Казалось, что мы вползаем в огненное кольцо».

С большими потерями медленно продвигались вперед немецкие отборные части. У поселка Прохоровка сшиблись лоб в лоб две танковые армии — около 1200 машин с обеих сторон. Началось небывалое в мире сражение бронированных чудовищ, изрыгавших огонь, взрывающихся, горящих...

«Мы столкнулись, — писал немецкий танкист, — с казавшейся неистощимой массой русских танков — никогда раньше я не получал столь наглядного впечатления русской мощи и численности противника, как в этот день. Облака густой пыли делали невозможным получить поддержку от люфтваффе, и вскоре многочисленные «тридцатьчетверки» прорвали наш передовой заслон и, как хищные звери, рыскали по полю боя».

В этом сражении немцы потеряли 400 боевых машин, русские — на сто меньше. Ни о каком дальнейшем германском наступлении не могло быть и речи. Однако произошло нечто значительно худшее для них. «Мы надеялись, — писал командующий группой армий «Юг» фон Манштейн, — что нанесли противнику в ходе операции «Цитадель» столь ощутимый урон, что сможем теперь рассчитывать на передышку в этом секторе фронта».

Этого не произошло. Сильно потрепанные танковые дивизии немцев отошли назад для передислокации и ремонта. Наши потери тоже были немалыми, однако поле боя осталось за нами. Около тысячи поврежденных советских танков и САУ (самоходные артиллерийские установки) за полмесяца были вновь введены в строй. Подошли подкрепления.

Немцы совершили новый танковый прорыв на юге. Но это лишь ухудшило их положение. 3 августа советские войска перешли в наступление, нанося измотанному противнику сокрушительные удары. Он откатывался назад, не имея возможности закрепиться на каких-либо рубежах, ибо они не были заблаговременно подготовлены.

Как писал западногерманский историк Пауль Карелл: «Накопленные за многие месяцы настойчивыми и самоотверженными усилиями войсковые резервы, и особенно танковые и моторизованные дивизии, растаяли в огненном горниле Курской битвы... Наступательная мощь была подорвана на длительное время. С этого момента и впредь создание стратегических резервов окажется более невозможным...

В этом смысле Курская битва была решающим сражением Второй мировой войны».

Гитлеровское великое наступление обернулось величайшим поражением.

Надо отдать должное фюреру: он сомневался в целесообразности проведения столь грандиозной операции. И все-таки недооценил таланты русских генералов и маршалов, а главное — проницательности Сталина, утвердившего общий план операции. Риск был велик с обеих сторон, однако стра-

тегия Сталина оказалась более верной. К тому же он обезопасил свои армии от разгрома, подтянув дополнительные резервы. Даже если бы немцам удалось вклиниться далеко в наше расположение, они столкнулись бы с новыми, готовыми к бою частями.

«То, что Курская битва — гигантская схватка двух вцепившихся друг в друга колоссальных сил, — писал американский военный историк М. Кэйдин, — может стать поворотным пунктом войны в России, было совершенно очевидно обоим смертельным врагам. Если бы операция «Цитадель»... увенчалась успехом, сцена была бы подготовлена для широких новых наступательных операций против русских... Суть немецкого плана: разбить, перемолоть, рассеять, убить, захватить в плен... Позднее, если операция «Цитадель» пойдет так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву».

Фюрер предполагал оккупировать Швецию и, усилив южную группировку войск, выбить англо-американские части из Италии. Его планы полетели кувырком. Он был подавлен и растерян. Как настоящий хищник Гитлер умел великолепно нападать, а не держать оборону. Интеллектуально Сталин оказался значительно сильнее его, и это вызывало неуверенность в своих действиях, которые предугадывает противник. В боевом единоборстве такая растерянность вынуждает совершать дополнительные ошибки.

До этой битвы Гитлер мог убеждать себя в том, что русских спасла от разгрома под Москвой лютая зима. Сталинградскую катастрофу он тоже мог оправдывать суровыми климатическими условиями, тем более что летние кампании 1941, 1942 и частично 1943 годов проходили успешно. Оккупировав крупнейшие промышленные районы Европейской России, где находилось 40% населения СССР, Гитлер был уверен, что у Сталина осталось слишком мало людских и технических ресурсов.

Геббельсовская пропаганда, твердившая о слабости советской государственной системы, отсталости промышлен-

ности, устарелости и скудности техники, интеллектуальной недоразвитости русского человека, — такая идеологическая обработка воздействовала и на Гитлера, и на его стратегические планы. А в 1943 году СССР стал превосходить Германию и ее сателлитов по производству высококласной военной техники (сказалась, конечно, и помощь союзников, но и без них еще до войны были разработаны и запущены в производство превосходные танки, самолеты, орудия, «Катюши»).

Гитлер уважал Сталина и все-таки недооценивал его. Сказывалась и убежденность в своей гениальности (что подтверждали его замечательные успехи как политика, государственного деятеля, руководителя вооруженных сил). Влияла и вера фюрера в бредовую расовую теорию, согласно которой немцам предопределено изначально господствовать над славянами и побеждать их в сражениях, как положено более высокой расе...

Курская битва была прежде всего столкновением военной техники и тех, кто ею владел, а также стратегической и тактической мысли. Как писал американский военный журналист (бывший во Второй мировой танкистом) Дуглас Орджилл: «В конечном счете именно русские внесли наиболее ощутимый и долгосрочный вклад в теорию и практику танковой войны...

Помимо всего прочего, Т-34 дал русскому солдату от рядового до генерала уверенность, которая заложила основу для будущих блестящих успехов советских танковых армий. Трудно переоценить также значение последствий того обстоятельства, что превосходная конструкция Т-34 была разработана и запущена в серийное производство столь своевременно».

Дело, конечно, не в уникальном творении, которое командующий танковой армией вермахта генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст назвал «самым лучшим танком в мире». На Курской дуге произошло столкновение техники, которая была детищем научно-технологической мысли, индустрии, квалификации специалистов, всего промышленного и ин-

теллектуального потенциала страны. И Советский Союз (Великая Россия) по всем этим показателям не уступал ведущим капиталистическим державам.

...Мы уделили так много внимания Курской битве, потому что война, по замечанию остроумного американского писателя Амброза Бирса, — это «развязывание с помощью зубов политического узла, который не поддается языку». Сталин оказался значительно более умелым, предусмотрительным, хитроумным и мудрым, чем Гитлер. Поражения последнего во многом определялись тем, что он слишком поздно осознал, что имеет дело с противником, превосходящим его едва ли не во всех отношениях.

Финал

Рузвельт и Черчилль, писал Хаффнер, «не только опасались, что из-за затяжки с открытием второго фронта Сталин может пойти на мир, чтобы вырваться из войны, но и предполагали, что Гитлер, особенно после Сталинграда, навверняка ухватится двумя руками за такую возможность спасения... Они серьезно думали о том, как предупредить преждевременный распад большой военной коалиции. Результатом их размышлений явилось требование о безоговорочной капитуляции Германии, которое было провозглашено 23 января 1943 года на совещании в верхах западных держав в Касабланке, приглашение на которое Сталин отклонил.

Это требование исключало любое перемирие или переговоры о мире со стороны западных держав не только с Гитлером, но и с любым другим германским правительством. Благодаря ему союз между Востоком и Западом действительно продержался до полной победы над Германией...

Такой представляется картина прошлого в наши дни. Однако в 1943 году еще длительное время было сомнительным... предотвратили ли (Рузвельт и Черчилль. — *Р.Б.*) сепаратный мир между Германией и СССР. Правда, в своем приказе по случаю 1 мая 1943 года Сталин совершенно опре-

деленно поддержал требование западных держав. Однако в июле, после своей крупной победы в грандиозной битве под Курском, русские открыто и демонстративно вновь отмежевались от этой политики: они сделали это одновременно с созданием Национального комитета «Свободная Германия» из немецких военнопленных и коммунистов. Это предложение предусматривало ведение «нормальных» переговоров о мире, правда, теперь уже не с Гитлером, а с такой Германией, которая нашла бы в себе силы и разум освободиться от Гитлера... Одобренный русскими Манифест Национального комитета читается как сплошная полемика против политики «безоговорочной капитуляции».

В Манифесте речь шла о возможности мирного договора с Германией, но конечно же не нацистской: «Если германский народ по-прежнему безропотно и покорно допустит, чтобы его вели на гибель, тогда Гитлер будет свергнут лишь силой армий коалиции. Но это будет означать... расчленение нашего отечества. И пенять нам придется тогда только на самих себя. Если германский народ вовремя обретет в себе мужество и докажет делом, что он... преисполнен решимости освободить Германию от Гитлера, то он завоюет себе право самому решать свою судьбу и другие народы будут считаться с ним...

С Гитлером мира никто не заключит... никто с ним и переговоры не станет вести. Поэтому образование подлинно национального немецкого правительства является неотложнейшей задачей нашего народа... Верные родине и народу силы в армии должны при этом сыграть решающую роль. Это правительство тотчас же прекратит военные действия, отзовет германские войска на имперские границы и вступит в переговоры о мире, отказавшись от всяких завоеваний».

Предложение о переговорах было альтернативой требованию Запада о безоговорочной капитуляции. «Таким образом, — писал Хаффнер, — еще в 1943 году Советский Союз открыто говорил о мире с Германией, которая избавилась бы от Гитлера... Очевидно, что и в июле 1943 года,

когда военная победа русских, даже без «второго фронта», была лишь вопросом времени, скорый мир без Гитлера был для них приемлемее достигнутой в результате неисчислимых жертв полной победы. Между тем манифест Национального комитета не нашел отклика в Германии. И тогда в октябре, после трех месяцев напрасного ожидания, русские присоединились на конференции министров иностранных дел в Москве к требованию о безоговорочной капитуляции.

В 1944 году победоносные советские армии закончили освобождение территории СССР, освободили почти половину Восточной Европы и подошли к границам Германии. Западные союзники оставались на территории Бельгии. И вдруг именно там, в Арденнах, в декабре 1944 года Гитлер нанес контрудар, закончившийся для англо-американцев угрозой нового Дюнкерка. Эта угроза была устранена только верным союзническому долгу Сталиным, который приказал ускорить наступление на гитлеровцев на Восточном фронте».

По Хаффнеру, Гитлер хотел вовлечь в войну против СССР западные державы. Он надеялся, что они выберут партнерство с Германией как меньшее зло. Своим наступлением в Арденнах он хотел показать, что способен их даже отбросить, и тогда русские смогут дойти до Ла-Манша.

Но может быть, у Сталина, окрыленного победами, действительно возникло искушение продвигаться как можно дальше на Запад, распространяя свою власть на максимальное число стран Европы? Не возникла ли у него мысль реанимировать идею мировой революции?

Ответы на эти вопросы — только отрицательные. Никаких агрессивных планов создания своей «империи», которыми был обуюн Гитлер, у Сталина не было. Хаффнер писал: «Сталин сам остановил свои армии на Одере. Он, как и Гитлер, считал, что перед лицом быстро несущейся на Запад русской лавины западные державы впадут в панику и могут пойти на союз с немцами. Сталин был полон решимости не допустить этого.

В отличие от Гитлера Сталин был весьма трезвым, хладнокровным и осторожным политиком, который всегда знал меру. Он также видел опасность столкновения продвинувшихся вперед армий с Востока и Запада. Ее можно было избежать лишь в результате предварительно заключенных конкретных соглашений о демаркационной линии в оккупационных зонах. Такие соглашения были для него важнее сенсационных военных успехов, которые, чего доброго, могли напугать западных союзников... Это удалось ему сделать на Ялтинской конференции».

Яростное сопротивление, которое оказывали гитлеровские войска натиску Красной Армии, показывает, насколько сильна была идеологическая обработка немцев, как верили они своему фюреру. Он тоже не собирался капитулировать, до последних дней надеясь, что англичане и американцы поймут, как опасно для них распространение коммунизма и насколько выгодней сотрудничать с фашистской Германией, тоже капиталистической страной. Пожалуй, в подобных мечтах Гитлер слишком далеко отрывался от реальности. И в США, и в Англии очень влиятельные еврейские кланы не могли бы простить геноцид своего народа. Кроме того, общественное мнение в этих двух странах было совершенно явно настроено в пользу союзного СССР и против фашистов.

Правда, по мнению Хаффнера, «надежда Гитлера на столкновение Запада с Востоком была не такой уж необоснованной: весной и ранним летом 1945 года, действительно, была опасность, что война между победителями могла вспыхнуть сразу же. По крайней мере, один из ведущих деятелей коалиции — Черчилль был, по достоверным источникам, готов и даже стремился к этому». Хотя, пожалуй, если и была такая готовность, то лишь как один из вариантов действий, не более того.

Свои надежды Гитлер возлагал именно на Англию. На это у него были соображения сугубо умозрительные. Как писал Шелленберг, его расовая концепция предполагала единение с английским «братским германским народом».

Это единение предполагало противопоставить величайшему врагу Запада, «коммунистическому недочеловечеству». Он был убежден, что Сталин с 1924 года, в соответствии с тайной программой, осуществляет систематическое расовое смещение народов Советского Союза, стремясь к преобладанию монголоидных элементов. Сообщения о действительном положении дел в России не могли заставить его отказаться от этой навязчивой идеи.

Отметим, кстати, что расизм, пытавшийся опираться на научные данные, был популярен во многих западных странах. Американские антропологи Нотт и Глиддон опубликовали в 1854 году монографию «Типы человечества», где утверждали полное отсутствие родства между белыми и чернокожими, приближенными к человекообразным обезьянам. Французский аристократ Ж.А. де Гобино издал «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853), пытаясь доказать превосходство высшего расового типа — арийского. На такой основе вполне могли сойтись руководители крупнейших западных держав в своем давнем стремлении разрушить «азиатскую» — по их представлениям — Россию. Хотя, конечно же, сам Сталин *был не менее (если не более) арийским типом, чем Гитлер, Геринг, Геббельс и многие другие нацисты*. Так что гитлеровские расовые фантазии скорее всего имели более политический, чем антропологический характер.

Гитлер надеялся на соглашение с западными союзниками СССР еще и потому, что Черчилль с давних пор хранил ненависть к стране, где у власти находятся представители народа, а не ставленники богачей и знати. Резкое ослабление влияния стран капитала в Европе толкало их на сговор с ослабевшей Германией против усилившегося Советского Союза. Если учесть, что здоровье Рузвельта ухудшилось и он умер 12 апреля 1945 года и Черчилль стал самым влиятельным политиком Запада, его сговор с военным руководством фашистов был вполне возможен. Порой даже такие договоренности осуществлялись, а немцев, сдавшихся в

плен англо-американцам, оставляли для возможной совместной войны против Советского Союза.

Главной помехой в этих планах был страх потерпеть сокрушительное поражение от могучей армии, сумевшей разгромить самую мощную военную машину Западной Европы. Русские войска неудержимо двигались на запад, и единственно, что могло их остановить, это приказ Сталина. И такой приказ был дан. СССР не стремился завоевывать Европу. Есть версия, что некоторые советские маршалы хотели этого, но Сталин выступил против.

Секрет победы

Подчас в нашей стране за последние два десятилетия звучало и такое: лучше бы в войне победили страны Запада, пусть даже с германскими фашистами вместе, чем система «сталинизма», угнетавшая русский народ. Так говорили и некоторые представители русской нации, подлинные враги нашего народа и нашей культуры. В США разрабатывались планы нападения на нас с применением атомного оружия, однако никто не рискнул их претворить в жизнь.

Некоторые деятели утверждают, будто падение рождаемости в СССР и уменьшение прироста населения объясняется людскими потерями военного времени. Это, конечно, чепуха, ибо вымирание русских началось в ельцинский период и продолжается теперь, когда о последствиях войны, бывшей шесть десятилетий назад, говорить нелепо. Главный показатель неблагополучия в стране — рост смертности. А этот показатель резко пошел вверх после расчленения великой России—СССР.

Впрочем, сейчас речь идет о поединке Сталина и Гитлера, где дипломатия мира обернулась страшной войной. Кто в ней победил? Судя по целому ряду высказываний в СМРАП (средствах массовой рекламы, агитации, пропаганды), можно подумать, что восторжествовала Германия, ибо немецкий народ понес значительно меньшие потери,

чем советский. Например, в изданной массовым тиражом «Большой энциклопедии» («Хроника человечества», 1996) сказано, что перед войной в советских тюрьмах и лагерях находилось 10 млн человек. Потери в войне указаны в миллионах: «СССР— 13,6 военных и 7 гражданских, Германия — 4,75 военных и 0,5 гражданских».

В «Большом энциклопедическом словаре» (1998) даны другие цифры: «По различным данным, потери вермахта составили от 6 млн до 13,7 млн ч., СССР потерял ок. 27 млн ч., в т.ч. 11,3 млн ч. на фронте, 4–5 млн партизан... В фашистском плену оказалось ок. 6 млн ч.». Солженицын обнародовал совершенно чудовищный (и по масштабам лжи тоже) показатель числа погибших наших военных — 44 млн, хотя затем решил уменьшить до 31 млн. Поистине антисоветская злоба затуманивает умы. И это — в 1990-е годы, когда установилось господство в стране олигархов при невероятном расхищении национальных богатств и вымирании народа!

Заметим, что геббельсовская пропаганда во время войны, когда дезинформация становится стратегическим ресурсом, и то не достигала таких высот лжи. В газете «Клич», распространявшейся среди пленных красноармейцев, утверждалось, будто к началу 1942 года Красная Армия потеряла 20 млн человек при 5 млн пленных. Сходную цифру (22 млн) назвал антисоветский публицист Ю. Геллер. А вторящий ему М.П. Капустин назвал Отечественную войну поистине великой по масштабам потерь и подчеркнул, что в конце 30-х годов «массовыми репрессиями был замучен и погублен цвет нации во всех слоях партийной, государственной, военной, общественной, научной и культурной интеллигенции».

Подумать только: погубили наилучших людей, нарочно обрекли на голод «многие миллионы», а в результате... победили в самой жестокой за всю историю войне! Да это же чудо из чудес. Выходит, что победа далась вопреки невероятным потерям Красной Армии, вопреки ущербу советского

строая; вопреки миллионам заключенных в тюрьмах и лагерях; вопреки государственному террору и уничтожению лучших сынов отечества, включая самых талантливых военачальников, цвет офицерства и интеллигенции; вопреки бездарному руководству Сталина.

Обдумывая подобные «вопреки», приходишь в замешательство. Как такая страна и такой народ могли бы выстоять против самой мощной военной машины Запада, а фактически — против всей Западной континентальной Европы (около 300 млн человек!) с ее огромным экономическим потенциалом?

Тем не менее актер и кинорежиссер А. Смирнов, например, в одной из телепередач истерично кричал, что врага забросали горами трупов, десятками миллионов убитых советских солдат. 22 февраля 1999 года руководитель телеканала «Россия» (а затем и министр культуры РФ) М. Швыдкой сослался на анекдот о Сталине, который на вопрос о потерях Красной Армии якобы ответил: «А сколько было убито фашистов? Около семи миллионов? Вот и наших погибло примерно столько же». Михаил Ефимович уточнил, что в действительности советские потери были в три-четыре раза выше. Его собеседник журналист А. Симонов не усомнился в этом.

Итак, фашисты захватили территории, где находилось 40% населения СССР — 78 млн человек. В распоряжении Сталина осталось 115 млн, из которых 10 млн (если этому верить) пребывало в лагерях, а около 20 млн было убито или попало в плен. Учтем еще раненых и больных. Получается, что у Сталина фактически не осталось в 1943 году взрослых здоровых мужчин. А ведь до следующего года СССР сражался один против вермахта в Европе, да еще резко наращивал свой военный потенциал. Как же удалось нанести немцам и их союзникам сокрушительные удары?!

Понять И. Геббельса, втрое увеличившего потери Красной Армии, можно: шла война не на жизнь, а на смерть, в которой все средства хороши. Но как расценивать опусы А. Солженицына, заявления М. Швыдкого, Ю. Геллера,

Э. Генри, М. Капустина и прочих? Может быть, они ненавидят сталинскую систему, и это мешает им быть объективными? Но ведь речь идет о России, СССР, советском народе.

Перед войной СССР ускоренно проводил индустриализацию, усиливал свой экономический и оборонный потенциал. Это требовало огромного напряжения. Несмотря ни на что общая смертность в стране снижалась, а прирост населения составлял 1–2%. Следовательно, никаких массовых репрессий не было. В ГУЛАГе находилось в 1939 году 1 672 486 человек (из них 454 432 — за контрреволюционные преступления), а на следующий год соответственно 1 659 992 и 445 тыс. Шла жестокая борьба с уголовниками, расхитителями, врагами советской власти. И это позволило сплотить народ. Если бы советские люди не доверяли Сталину и ненавидели власть, этот режим рухнул бы сразу же после первых поражений от фашистских захватчиков. Гитлер на это и рассчитывал.

Перед войной армия, имевшая 680 тысяч командиров, потеряла, в основном арестованных, около 10 тыс. Были они лучшими из лучших? Вряд ли. Не они руководили частями Красной Армии, победившими в войне. Между прочим, 6 марта 1945 года Геббельс занес в свой дневник запись, приводя мнение Гитлера: Сталин своевременно провел военную реформу «и поэтому пользуется сейчас ее выгодами».

Советские маршалы и весь командный состав не уступали лучшим германским генералам и офицерам. Сталин достаточно быстро понял, кого следует назначить на руководящие посты. Дальнейшие события подтвердили его правоту и мудрость как Верховного Главнокомандующего. Бывали у него ошибки, и немалые (он и сам это позже признавал). Но в конечном итоге правда была на его стороне, и он, а не кто-то другой, привел СССР к победе.

За последние десятилетия стало модным всемерно восхвалять Г.К. Жукова как «творца Победы». Конечно, в его военном гении сомневаться не приходится. Ему Сталин до-

верил ряд ответственных операций. Но разве можно не воздать должное другим советским полководцам? Сражения шли на многих фронтах и в тылу врага. Требовалось руководить тылами не только армий, но и всей страны, снабжать войска всем необходимым, создавать новые образцы вооружения, спасать беженцев и пострадавших. А еще немалых трудов стоили дипломатические акции. Сталин вел и внутреннюю, и внешнюю политику, следил за состоянием стран союзников и противников... Короче говоря, много требовалось для победы.

Ну а как же с военными потерями?

В книге честного и умного исследователя В.В. Кожинова «Великое творчество. Великая победа» был произведен подсчет наших потерь. По данным Госкомстата середины 1990-х годов, общее число умерших за годы войны, не считая естественной смертности, — 26,3 млн человек, не считая оказавшихся за пределами страны, которых было около 5,6 млн. Значит, война унесла примерно 20 млн советских жизней.

Сколько же погибло наших военнослужащих? По результатам профессионального анализа В.В. Кожинова — 8,6 млн человек. Примерно такую же цифру получил американский демограф (русский эмигрант) С. Максудов, работавший в Гарвардском университете. Он уточнил, что с учетом естественной смертности в армии от рук врага погибло 7,8 млн советских военных.

В «Военно-историческом журнале» (№ 9, 1990) приведены выводы двух специальных комиссий, подсчитавших наши потери. Всего было убито, пропало без вести, погибло в плену, умерло от ран, болезней и несчастных случаев 8668 тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Из них на первые полгода войны приходится 1,5 млн. Учтем, что примерно столько погибло в фашистском плену. Обходись и мы так с вражескими пленными, немцы и их союзники недосчитались бы более 10 миллионов своих военных (их потери составили 7,6 млн человек, а более 8 млн сдалось в плен).

Обратим внимание и на потери гражданского населения. «Большая энциклопедия», преувеличив число наших павших воинов примерно в 2,5 раза (!), приуменьшила жертвы среди мирных жителей. Правда в том, что фашисты уничтожали наше гражданское население, а Красная Армия этого с немцами не делала. И все это — не пропаганда, а выводы, основанные на фактах.

Нередко говорят, что у нас главной ударной силой были штрафные батальоны. Мол, шли наши воины вперед от страха, ибо сзади стреляли им в спину заградительные отряды. Это — ложь и клевета. Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, — 354,6 тыс. человек. Из них 249,4 тысячи было передано в воинские части, 30,7 тыс. — в промышленность, а 18 382 человека направили в штурмовые батальоны. Следовательно, на каждую тысячу обычных военных приходилось 2 штрафника. Никакого решающего значения эти отчаянные, но малочисленные части иметь не могли. Герой Советского Союза писатель В. Карпов, прошедший огненное крещение в штрафбате, свидетельствовал: никто нас в бой не гнал пулеметами. Если б так было, мы пошли бы на них, а не на фашистов.

Почему же мы победили? На этот вопрос ответил Сталин, выступая на приеме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Он поднял тост: «За здоровье советского народа, и прежде всего русского народа». И пояснил:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... И народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим новое правительство, которое обеспечит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом».

Принимая участников Парада Победы, он вновь вернулся к этой мысли: «Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых мы все — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим».

Верные слова. Никто из руководителей нашей страны после него не говорил так просто, честно и справедливо.

Несмотря на огромные потери и разрушения, страна невероятно быстро поднялась, промышленность была восстановлена (еще в 1944 году Сталин провел совещание, посвященное переориентации народного хозяйства на мирные задачи). Рождаемость быстро пришла в норму, смертность уменьшилась, прирост населения вновь стал больше, чем в других развитых государствах.

Число осужденных за контрреволюционные преступления в 1950 году достигло абсолютного максимума: 578 912 заключенных в лагерях и колониях. Но это были почти исключительно власовцы, бандеровцы, бывшие полицаи и прочие враги советской власти. (Позже была пущена ложь, будто тогда сажали или расстреливали всех наших военнопленных.)

Сейчас, более шести десятилетий спустя, мы имеем возможность наблюдать демонстрации этих «бывших» в Латвии, Эстонии, на Украине. Теперь они празднуют свою победу. Им помогли победить, в частности, те, кто до сих пор клеветает на Сталина и советский народ. И чем чаще и громче раздаются эти вражьи голоса, тем хуже живет наш народ.

Все это свидетельствует о какой-то поистине раковой болезни интеллекта и совести, поразившей многих наших сограждан, мечтающих о буржуазном рае. Можно подумать, что не германские фашисты, а русские люди под руководством Сталина уничтожали евреев; не англо-американские,

а советские самолеты варварски бомбили немецкие города; не американцы, а мы превратили в атомное пекло мирные Хиросиму и Нагасаки. И когда нам твердят, что Россия должна равняться на западную цивилизацию и переиначивать ради этого свою сущность, свои традиционные ценности, свою культуру, то это — путь в небытие не только нашей страны и нашего народа, но и, возможно, всего человечества.

Итак, победа в мирное и военное время оставалась в конечном счете за Сталиным. И не потому, что враг его был слабым, глуповатым, наивным. Нет, вовсе не случайно Гитлер (так же, как Сталин) поднялся из социальных низов до наивысшего положения в государстве. Это был достойный противник.

Почему победа была за нами?

После начала войны в обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин отметил, что фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР, добилась временного военного преимущества, но крупно «проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора». Он назвал войну Отечественной.

Гитлер полагал, что решающей силой, которая сломит сопротивление любого противника, является мощь его вооруженных сил, оснащенных новейшей техникой, высокий боевой дух его солдат и офицеров, величие арийской расы, лучшая часть которой — немецкий народ.

Однако он не мог, не желал признаться даже самому себе, что со стороны Германии это была захватническая, несправедливая война, а значит, правда и справедливость были на стороне Сталина, советского народа.

...Несколько иначе подошел к этой проблеме крупнейший ученый XX века, создатель учения о биосфере В.И. Вернадский. Он не был горячим сторонником советской власти. Тем не менее он был убежден, что человечество движется к ноосфере, царству разума, и по этому пути идет

Советский Союз. По его словам: «Важно для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно поэтому смотреть на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим».

По его мнению, «борьба с Гитлером закончится победой»: «дикие идеи гитлеризма могут быть только эфемерны...» Но дело не только в общих идеях. В письме сыну он сообщил о своем выводе: «Мне хочется тебе написать несколько слов о том резком изменении, которое на каждом шагу наблюдаешь в этой войне в сравнении с прошлой (он имел в виду Первую мировую. — Р. Б.). Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезли рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Можно высказать немало серьезных сомнений в том, что человечество приближается к ноосфере. Но неопровержимая реальность доказала справедливость, оправданность оптимизма, веры и Вернадского, и Сталина в победу над фашистами в самые трудные периоды Отечественной войны. (Между прочим, во время нее Вернадский был удостоен Сталинской премии.)

Правда была на стороне русского (советского) народа, защищавшего свою Родину, на стороне Сталина как народного вождя. Это было главным оружием победы.

Глава 5

ВСТРЕЧИ С ЧЕРЧИЛЛЕМ

МОЦАРТ

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

Александр Пушкин

Личность наиболее полно раскрывается в делах и общении. Об интеллекте и характере Сталина есть смысл судить на основе его встреч, бесед, споров с таким незаурядным человеком и крупным политиком, как Уинстон Черчилль.

Они со Сталиным почти во всем стояли на диаметрально противоположных позициях. Их происхождение, убеждения и жизненные пути различались радикально. Тем интереснее выяснить, как проходило их общение в разных ситуациях, кому из них при этом удавалось одерживать верх и почему.

Удивительное признание сделал Черчилль: «Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Чем объяснить такое впечатление, производимое Сталиным на человека вовсе не робкого, привыкшего к общению — на равных! — с высшими лицами разных государств. Вновь перед нами загадочный феномен поистине магического воздействия Сталина на людей.

Если уж Черчилль чувствовал его неотразимое влияние, то вполне понятно, что в нашей стране многие из тех, кто встречался со Сталиным, признавались, что при этом ощущали необычайное волнение, трепет, но не от страха, а от какого-то религиозного восторга.

Заочно познакомился Сталин с Черчиллем еще в период Гражданской войны. Тогда они стояли, можно сказать, по разные стороны баррикад. Черчилль был одним из вдохновителей иностранной интервенции, пытавшейся задушить в колыбели новую общественно-политическую формацию, Советскую Россию (ставку делали на своих пособников, в частности на Колчака).

Познакомимся с этой колоритной фигурой для того, чтобы лучше понять, с кем имел дело Сталин в тот период, когда стремительное распространение фашизма могло существенно повлиять на судьбу всей глобальной цивилизации.

Антикоммунист

Уинстон Черчилль — потомок знаменитого английского полководца XVIII столетия герцога Мальборо (в XIX веке в России была популярна песенка «Мальбрук в поход собрался, когда-то он вернется»; другой вариант: «...наелся кислых щей») — происходил из аристократической семьи. По этой причине его подъем в верхние горизонты власти был отчасти предопределен и, во всяком случае, облегчен. Его сильный и своенравный характер затруднял такое выдвижение, но благодаря немалому честолюбию оно в конце концов произошло.

Для молодого английского аристократа дорога обучения была вскамы проторенной: воспитание в привилегированных школах Итона или Харроу, университеты Оксфорда или Кембриджа. Но в школе упрямого, буйного и плохо успевающего ученика порой секли розгами; пути в Кембридж и Оксфорд ему были заказаны: Уинстон ненавидел математику, хотя обладал отличной памятью. В общем, он умел учиться

только тому, что было ему интересно (характерное отличие творческих натур). Он поступил в военное училище. Да и то после двух неудачных попыток и только в кавалерийскую школу (где не было экзаменов по математике).

После полугодового обучения (главным образом — верховой езде и стрельбе) он получил назначение в гусарский полк. Его рано овдовевшая мать-американка весьма легкомысленно распоряжалась своим капиталом, зато это позволяло ей и сыну иметь влиятельных друзей и знакомых.

Добившись командировки на Кубу, где испанцы вели борьбу с местными повстанцами, Уинстон опубликовал об этом пять очерков в газете. Затем служил в Индии, где усердно занимался спортом и ловлей бабочек, а также увлекся чтением книг по истории и философии; участвовал в подавлении восстания одного из местных племен, проявив смелость и находчивость. Продолжая посылать в Лондон корреспонденции, он, кроме этого, написал книгу (издана в 1897 году).

Англичане проводили колониальную войну в Судане. Черчилль отправился туда как офицер и корреспондент (зарабатывая журналистикой в 20 раз больше, чем военной службой). Военные называли его «охотником за медалями» и «саморекламщиком».

Осенью 1899 года вышел его двухтомник «Речная война» — о завоевании англичанами Египта и Судана. Он честно написал о том, как его соотечественники глумились над могилой и прахом Махди, руководителя суданского восстания. Рассказал и о подлом приеме британской агитации: изображать своих противников отвратительными монстрами, которых надо убивать беспощадно. Но во втором издании книги подобные нелестные отзывы о колонизаторах-англичанах он изъясил. Уинстон подумывал о политической карьере, и честность тут могла повредить. Однако в парламент его не избрали.

Он отправился корреспондентом в Южную Африку, где англичане пытались покорить выходцев из Голландии —

буров. Ими-то и был пленен потомок «Мальбрука» не по трусости, а попав в окружение. Он бежал из-под стражи, спрятавшись в товарном вагоне; затем скрывался в старой шахте, благодаря помощи местного англичанина. За его поимку была назначена награда в 25 фунтов стерлингов. Она осталась не востребованной: Черчилль добрался до своих. Англичане терпели поражение за поражением, и побег его был воспринят как подвиг (он красочно описал свои приключения).

Черчилль приобрел популярность. Ему удалось пробиться в парламент. На некоторое время он вошел в дурную компанию молодого лорда Хью Лигана, пристрастился к сигарам и коньяку. Однако честолюбие, здравый смысл и сила воли помогали ему строить карьеру.

В 1898 году талантливый журналист Дж. У. Стивенс посвятил ему статью «Самый молодой мужчина в Европе» (Уинстону было тогда 24 года). Портрет получился пророческим: «Его самоуверенность непреодолима... Он честолюбив и расчетлив... Самоанализ говорит ему, что он обладает даром и характером, которые сделают его фигуру сенсационной. Он не учился, как стать демагогом. Он рожден демагогом... Его завтра лежит в XX веке».

С 1908 года Черчилль поочередно возглавлял министерство торговли, внутренних дел, а с 1915 года — морское, затем военное (до 1921), по делам колоний. Он предлагал отправить на подавление Советской России дополнительные контингенты английских войск. Однако его инициатива потерпела провал из-за массовых выступлений английских рабочих и солдат, поддержавших русский народ. В резолюции конференции машиностроителей и судостроителей Клайда (май 1919 года) говорилось: «Рабочие и солдатские комитеты — вот ответ поджигателю войны Черчиллю».

Осенью 1919 года в защиту Советской власти выступили английские железнодорожники. В стачке, парализовавшей потоки пассажиров и грузов, участвовало около 400 тысяч человек. Солдаты отказывались воевать против Советской

России. Бывший поверенный в делах царского и временно-го правительства Набоков телеграфировал Колчаку: «Политические препятствия в посылке крупных военных сил в Россию огромны, в особенности в Англии».

Чтобы оценить хотя бы схематично сложное переплетение интересов во время Гражданской войны, напомним некоторые факты. После отречения Николая Романова Англия отказалась принять его с семьей, хотя это были родственники царствующей английской династии (но получили их личные вещи). Поддерживая Корнилова, Деникина, Юденича, Колчака, Врангеля, главари Антанты имели в виду при их победе иметь экономическое, финансовое, а значит, и политическое господство над «демократической» Россией.

Белогвардейцы сражались именно за такую власть (ее представляло буржуазно-масонское Временное правительство), а не за восстановление Российской империи. Все лидеры Белого движения резко поднялись в должностях и званиях именно при этом Временном правительстве, выступали за отречение Николая II, а генерал Корнилов его арестовал.

С этой точки зрения, как ни парадоксально, расстрел царской семьи был наиболее выгоден не столько большевикам, сколько Антанте и ее «кондотьерам» (наемникам; так назвал себя в частном письме адмирал Колчак). С одной стороны, это гарантировало им установление «демократии» в России с последующим разделом ее на сферы своего влияния. С другой стороны, предоставило возможность для антисоветской пропаганды, выставляющей большевиков как чудовищных злодеев.

Такую версию следует иметь в виду, осмысливая ход и результаты Гражданской войны. Вот и Черчилль, вмешиваясь во внутренние дела России, отстаивал интересы крупной буржуазии, банкиров (английских и русских), а прежде всего — Британской империи.

В 1925 году Черчилля назначили министром финансов, вторым человеком в кабинете. Для этого ему пришлось пе-

ребороть свою ненависть к математике. Следующей ступенью было премьерство — его страсть и мечта. Но 1929 год поставил капитализм на грань катастрофы из-за великого кризиса. Черчилля не ввели в новое правительство. Так продолжалось 11 лет! Его выбросили на задворки политической жизни. К этому добавились семейные неурядицы, личные несчастья.

Улучив момент, он пересметнулся к недавним политическим противникам — либералам, получив прозвище «Бленхеймская Крыса». Корабль консерваторов потерпел крушение: в стране набирало силу профсоюзное движение, укреплялись позиции рабочих, и его бывшая партия потерпела на выборах сокрушительное поражение...

Уинстону Черчиллю смелости, решительности, упорства и хитрости было не занимать. Он успешно совмещал профессии журналиста и политика, был писателем, хотя и плодовитым, но не блестящим талантом, что не помешало ему получить после войны Нобелевскую премию по литературе (Льва Толстого и Антона Чехова такой награды не удостоили).

Его социально-политические убеждения, судя по всему, сводились к желанию сохранять Британскую империю, а также власть в стране людей богатых и знатных. Это вполне соответствовало его личным интересам и устремлениям к богатству и славе при ненависти к народовластию и коммунистическим идеалам. Он умножал свой капитал и поднимался по ступеням карьеры даже путем предательства интересов своей партии.

Впрочем, подобные «крысиные» перебежки из одного лагеря в другой не были слишком оригинальными. Правящие группы Англии стояли единым фронтом на тех же общих позициях, что и Черчилль. Менялась ситуация в стране и мире, а потому приходилось то давать поблажки трудящимся, то укреплять положение крупной буржуазии; то провозглашать свободу торговли, то регулировать рыночные отношения. В политических играх нередко побеждают

те, кто способен вовремя сжульничать. Вот и Черчилль был весьма ловким, сообразительным, а при случае и нечестным политическим игроком, что вполне отвечало традициям.

В отличие от Сталина, Черчилль не упускал возможности заявить о себе и подчеркнуть свои достоинства. При жизни было издано более сорока книг, посвященных его жизни и деятельности. В своей писательской карьере он опирался на большой штат помощников, а более всего на интеллект и художественный вкус своего секретаря и приятеля Эдварда Марша. Всю свою жизнь Уинстон отличался не только огромной работоспособностью, но и неизбывным честолюбием.

В своем романе «Саврола», изданном в 1940 году, он так отозвался о главном герое: «Борьба, труд, непрерывный поток событий, отказ от многих вещей, которые делают жизнь легкой и приятной, — во имя чего все это? Благо народа! Его оно мало интересовало... Он прекрасно понимал, что главной движущей силой всех его дел было честолюбие, но он был бессилен ему сопротивляться... Склад его ума был неистовым, сильным и дерзким».

Как многие начинающие писатели, он дал в этом образе собственную характеристику (ее подтверждали многие его биографы). Обратим внимание на то, что он сознает неблагородство, эгоистичность своих устремлений, которым «бессилен сопротивляться».

Черчиллю, как многим его коллегам, был присущ свособразный британский колониальный патриотизм. Ведь их небольшая страна господствовала в мире, расширяя свои владения. С 1880 по 1901 год они выросли с 20 до 33 млн кв. км, а население — с 200 до 370 млн человек. На каждого из 37 млн англичан приходилось 10 «рабов» в колониях. Этим поддерживалось благосостояние метрополии. Ненависть Черчилля к идеям освобождения трудящихся и порабощенных была вполне оправданна.

...Ему уже пошел седьмой десяток. Черчилль — отработанный продукт! Так решили все интересующиеся политикой в Англии и за ее пределами. То же считали лидеры раз-

личных государств; все, кроме одного. Беседуя с ним, леди Астор — жена лорда — обронила: «...С Черчиллем теперь покончено». На что услышала возражение: «Я не уверен. В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Такое неожиданное заключение сделал И.В. Сталин.

Союзник своего врага

Англия объявила войну Германии, напавшей на Польшу и заключившей договор с СССР. Немецкие бомбы посыпались на Лондон. Черчилля пригласил его политический и личный враг премьер Невилл Чемберлен, обанкротившийся в своей политике умиротворения Гитлера, и сказал: «Уинстон! Я предлагаю тебе адмиралтейство» (военно-морское министерство).

Английские войска на континенте отступали. В мае 1940 года, когда бронированный кулак вермахта прорвал фронт французских войск и прижал их союзников-англичан к морю у Дюнкерка, палата общин проголосовала за новое правительство Британии. Его возглавил бывший первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль. Исполнилась его заветная мечта: он стал премьер-министром, причем с чрезвычайно широкими полномочиями. Газета английских коммунистов писала в те дни: «Народ хотел драться. А он всегда любил драку».

Берлин был увешан плакатами, изображавшими Черчилля во весь рост. И под каждым стояла надпись: «Враг № 1». Гитлеровцы разрабатывали планы покушения на Черчилля, надеясь с помощью парашютного десанта взять его живым. Но он не собирался сдаваться. Перед переездом на Даунинг-стрит в дом № 10, резиденцию премьер-министра Великобритании, он проверил свой пистолет, чтобы тот не дал осечки...

Английская армия избежала гибели потому, что Гитлер, надеясь на приход к власти в Лондоне правительства капи-

тулянтов, остановил свои танки. Британские части спешно эвакуировались на родину — без техники и деморализованные. Сторонники мира с Германией (что означало признание своего поражения) оставались в меньшинстве.

В Англии началась запись в Национальную гвардию — аналог советского Народного ополчения. Добровольцев оказалось много. Но это были плохо обученные, а то и вовсе не обученные военному делу мирные люди, чаще всего вооруженные только охотничьими ружьями.

Шли ко дну торпедированные нацистами английские корабли. Стоявший на рейде Портсмута, казалось бы, в полной безопасности линкор «Роял ок» («Королевский дуб»), гордость британского флота, был потоплен соединенными усилиями разведки и подводников Германии. Английский город Ковентри был стерт с лица земли немецкими летчиками. Лондон горел — квартал за кварталом...

Черчилль накапливал войска, разворачивал военную промышленность, национализировал все английские авиационные заводы. Подымал дух народа патриотическими выступлениями. «Старину Уини» видели среди лондонских развалин, на позициях зенитчиков, на аэродромах и на боевых кораблях. Это был «звездный час» его жизни и деятельности.

Английские летчики, порой не раз сбитые немцами, вновь и вновь поднимали свои наспех отремонтированные самолеты навстречу неприятелю. Гитлер недоумевал: по данным разведки, у англичан не должно было оставаться военно-воздушных сил. Высадка немцев на Британские острова откладывалась.

Состоялся до сих пор до конца не разгаданный полет заместителя фюрера Рудольфа Гесса в Англию. Условия Берлина для заключения мира — раздел сфер влияния. За Германией остается захваченный ею Европейский континент. За Англией — ее мировая колониальная империя.

Черчилль мог встать на путь, избранный Ф. Петеном, маршалом Франции, одним из победоносных руководителей Первой мировой войны. Он сохранил за Францией ее

мировую колониальную империю, но в Европе стал покорным слугой Гитлера. Был и другой путь — продолжать борьбу, в перспективе вместе с Москвой. А если Сталин предпочтет стать союзником Германии? Это стало бы катастрофой для Великобритании.

Идеологически Гитлер был гораздо ближе к Черчиллю, чем Сталин. В 20-х годах Черчилль с симпатией наблюдал за деятельностью фюрера, призывавшего «задушить большевизм в его колыбели». Однако через несколько лет он изменил свою позицию. Перешел к атакам на лондонских друзей и покровителей Гитлера, став частым посетителем советского посольства в Великобритании.

Такая перемена была вызвана не резким «полевением» Уинстона Черчилля, а его стремлением сохранить Великую Британскую империю, которую фашисты готовились разорвать на куски, а также отстоять гегемонию Англии в Европе. Япония — союзник Гитлера — бряцала оружием у самых границ британских колоний в Юго-Восточной Азии. Гитлер расширял Третий Рейх, покончив с английским влиянием в Западной Европе. Муссолини — союзник Гитлера, — захватив ряд британских колоний в Восточной Африке, устремился к Суэцкому каналу, чтобы перекрыть главную морскую транспортную артерию Британской империи.

Черчилль перебросил войска и танки из английских азиатских колоний в Африку. Они остановили итальянцев, отбросили их и захватили большую часть итальянских колониальных владений в Африке. Тогда Гитлер направил в Африку корпус Роммеля, подкрепленный авиационными частями. Начались ожесточенные бои. Итальянский флот и авиация блокировали Мальту — главную базу Англии в Восточном Средиземноморье.

В общем, для Черчилля выбор был очень непрост: или сохранение Британской империи со всеми колониями, но при условии войны с фашистскими государствами; или попытаться пойти на соглашение с Гитлером под угрозой потери своего мирового господства и превращения его державы в

третьеразрядное государство, или маневрировать, пытаюсь сравнить Германию с СССР в надежде, что оба ненавистных ему государства обессилят друг друга во взаимной войне.

Третий вариант был, конечно, предпочтительней первых двух. Однако осуществить его было необычайно трудно: Гитлер и Сталин отличались немалой предусмотрительностью и государственной мудростью. Они понимали, что столкновение двух гигантских держав — СССР и Германии — приведет к кровопролитной войне, для победы в которой одной из сторон требуется иметь значительные преимущества.

Для Германии этот путь лежал через расширение зон влияния, покорение других стран и народов — агрессию вовне. Для СССР — через укрепление единства многонациональной страны, предельную активизацию оборонной промышленности, поиски потенциальных союзников в неизбежной войне с Третьим Рейхом. Такими союзниками могли стать Англия и США.

Сталин, сохраняя видимость дружеских отношений с Гитлером, старался давать понять Черчиллю, что СССР не помышляет об участии в разделе «Британского наследства». Но и вступать в войну с Германией в ближайшее время СССР не мог: требовалась более основательная подготовка. К тому же, как бы это ни звучало цинично, единственная в мире страна социализма была заинтересована в том, чтобы капиталистические хищники грызлись между собой.

...Франция капитулировала в июне 1940 года вслед за Бельгией и Голландией. Черчилль пытался сколотить фронт на Балканах из югославских, греческих и турецких дивизий. Но Белград и Афины пали, а Турция заняла позицию дружественного Германии нейтралитета.

Немцы захватили Крит, разбив там английские и греческие войска. США оказали помощь Англии, но за свои старые эсминцы получая ряд английских военных баз. Президент Рузвельт не вступал в войну, скованный сильной изоляционистской оппозицией в парламенте и в стране.

Американские монополии теснили своих английских конкурентов в Азии, Африке и Латинской Америке. Открывалась перспектива вытеснения Соединенными Штатами англичан из их колоний и доминионов. Черчилль старался сохранить независимость Англии и целостность ее империи. Ему нужен был союзник — противостоящий фашистам и не зависящий от США.

Утром 22 июня 1941 года ему, еще лежавшему в постели, сообщили, что Германия напала на СССР, Черчилль, по его словам, испытал огромное облегчение. Он тотчас позвонил на Би-Би-Си, сообщив, что вечером выступит по радио. В своей речи подчеркнул, что, полностью сохраняя свои антикоммунистические позиции, окажет всю возможную помощь Советскому Союзу и его армии.

Гитлер как-то сказал: «Во всем мире я боюсь только двоих — Сталина и Черчилля». Теперь эти двое объединились против него.

Речь британского премьера почти полностью опубликовала «Правда». 7 июля Черчилль послал Сталину письмо, а через три дня — еще одно с планом совместных действий.

Только 17 июля Сталин ответил Черчиллю. И это понятно. Красная Армия терпела поражение за поражением. На аэродромах уже 22 июня погибла значительная часть авиации. Под Ленинградом, на Лужском рубеже ополченские дивизии с огромными потерями остановили танки фон Лееба. В Белоруссии две советские армии гибли в Белорусском котле. В такой ситуации Сталин не хотел, чтобы британский премьер счел себя соломинкой, за которую хватается утопающий.

Гитлеровская пропаганда пустила слух о том, что Сталин находится в полной прострации, собирается бежать на Восток. Позже нечто подобное говорил Хрущев. О начале войны сообщил Молотов по радио. Выступление Сталина прозвучало лишь 3 июля. Почему? Ответ прост: ему было не до выступлений (хотя он подсказал окончание речи Молотова: «Наше дело правое, победа будет за нами»).

Надо еще иметь в виду, что в своем выступлении по радио Черчилль подтвердил свою враждебность общественному строю, установленному в СССР: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем». Ясно, что такому «заклятому другу» Сталин не торопился с ответом.

Только стабилизировав оборону, он начал контакты с Черчиллем на равных. Было заключено соглашение о совместных действиях. В окружении Черчилля считали, что гибель Советского Союза — дело ближайших недель. Однако он твердо заявил, что СССР должен продержаться год и даже больше. Англия, не ведя активных военных действий, была заинтересована в тяжелой затяжной войне на Востоке. Но для этого надо было оказывать материальную помощь СССР. Было налажено снабжение Красной Армии через Иран. Но основной поток шел северным морским путем, через Архангельск и Мурманск.

Поскольку немцы стремились поставить Иран под свой контроль, в эту страну осенью 1941 года одновременно вошли с севера советские, а с юга английские войска. В начале октября 1941 года в Москву прибыла англо-американская миссия. Лорд Бивербрук на встрече со Сталиным предложил, выполняя поручение Черчилля, осуществить более тесное сотрудничество с Красной Армией, введя британские войска... на Кавказ (давняя цель Британии — бакинская нефть). Сталин ответил:

— На Кавказе нет войны. Война идет на Украине.

Англичане не собирались воевать с немцами на Украине, и вопрос был снят. Сталин выразил недовольство малыми поставками союзниками военной техники. Представители США и Англии отказывались увеличить поставки. Об этом тотчас узнали в Берлине (не была ли обеспечена утечка информации с советской стороны?). Тотчас немцы сообщили: «Западные буржуазные страны никогда не смогут договориться с боль-

шевиками!» Вечером того же дня, когда состоялась очередная встреча Бивербрука и Гарримана со Сталиным, последний упомянул о сообщении нацистов и с улыбкой заметил:

— Теперь от нас троих зависит доказать, что Геббельс лгун.

Западные дипломаты согласились взять дополнительные обязательства. Поведение Сталина произвело большое впечатление на западных дипломатов. Он был спокоен, уверен в победе и давал понять, что является надежным союзником, ожидая того же от США и Англии.

Судьба войны решалась «в белоснежных полях под Москвой». Сталин подтягивал резервы для перехода в контрнаступление, которое началось в конце 1941 года.

О первом крупном поражении фашистских войск под Москвой Черчилль услышал, направляясь в США, на борту линкора «Герцог Йорк». Он телеграфировал Сталину: «Невозможно описать мое облегчение, с которым я узнаю о каждом новом дне удивительных побед на русском фронте. Я никогда не чувствовал себя более уверенным в итоге войны». Находившийся в Москве министр иностранных дел Великобритании, ученик и соратник Черчилля Антони Иден сообщил ему: «Сталин полностью с нами против Гитлера. Он очень доволен вашим посланием».

Позже в своих мемуарах Иден признался, что испытывал тревогу за последствия для «британских интересов» поражения гитлеровской Германии. Он получил разрешение в середине декабря 1941 года побывать в районе, освобожденном советскими войсками. Его поразили груды боевой немецкой техники. Он подробно описал свою доверительную беседу с тремя пленными фашистами, но ни словом не обмолвился о бедах местных жителей.

Большое впечатление произвела на Идена спокойная уверенность Сталина. Английский министр счел нужным заметить, что для оптимизма слишком мало оснований: «Ведь сейчас Гитлер все еще стоит под Москвой, а до Берлина далеко».

— Ничего, — ответил Сталин, — русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз.

О том, что возможная быстрая победа СССР обеспокоила руководителей Англии, в том числе Черчилля, свидетельствуют значительно меньшие, чем было договорено, британские и американские поставки, включавшие к тому же устаревшую технику.

Второй фронт

Вскоре после 22 июня 1941 года сенатор США Гарри Трумэн и английский министр авиации Мур-Барбозон заявили о том, что Западу выгодно взаимное истощение и ослабление Германии и Советского Союза и именно на этом должна быть построена западная политика в войне. Они высказали то, что и так было ясно.

Черчилль был умнее, хитрее, осторожнее и опытнее этих, в сущности, очень ограниченных политиков. Он ничего подобного не заявлял, по крайней мере до 1943 года. Но практические свои действия строил именно таким образом. Вопреки обещанию открыть в 1942 году второй фронт в Европе, он перенес все военные действия англичан и американцев в Средиземноморье. Для этого у него были разные причины, но одна из главных — оставить Красную Армию наедине с основными силами вермахта.

В конце 1941 года США вступили в войну. Черчилль и Рузвельт пообещали Сталину открыть второй фронт на следующий год. Но нарушили свое обещание главным образом благодаря усилиям Черчилля — в очень тяжелый для СССР момент.

Заманив советские войска в ловушку под Харьковом, немцы захватили там десятки тысяч пленных, оккупировали богатые многолюдные регионы Юга, вышли к порогу Кавказа и ворвались на улицы Сталинграда. А за несколько месяцев до этого Запад резко сократил военные поставки Советскому Союзу и перестал посылать конвои в Мурманск, объясняя это подготовкой к высадке в Европе.

Советско-английские отношения ухудшились. Посол Великобритании в Москве направил телеграмму министру иностранных дел, в которой говорилось о том, что это ухудшение англо-советских отношений чревато долгосрочными и негативными последствиями. Телеграмма обескуражила Черчилля. Страшным для него поворотом событий могло стать заключение мирного соглашения СССР и Германии. Эти два военных гиганта боролись с переменным успехом. Силы у них на данный момент были почти равными. Летнее немецкое наступление 1942 года разворачивалось успешно. Они захватили Крым, отчасти Северный Кавказ и вскоре могли форсировать Волгу. Судя по сообщениям геббельсовской пропаганды, Красная Армия была обескровлена.

Согласно первоначальным планам Гитлера, немцам достаточно было оккупировать Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, Кавказ, Поволжье, — наиболее плодородные и индустриально развитые регионы СССР. Почти вся эта программа была уже выполнена. Под угрозой полного разгрома советских войск Сталин, как полагал Черчилль, мог согласиться с притязаниями Гитлера, стремясь сохранить за собой оставшуюся часть страны. Установив мир с СССР, Германия могла перебросить основные свои силы на запад, и положение Британии стало бы катастрофичным.

Подобные рассуждения Черчилля показывают, насколько плохо понимал английский премьер склад личности советского руководителя. Для Сталина коммунистические идеалы были не камуфляжем в политической демагогии, а подлинными убеждениями. В этом отношении не только он, но и Гитлер были непонятны для западных лидеров, представителей буржуазных демократий. По той же причине народы Советского Союза и Германии сохраняли веру в своих вождей.

В мае 1942 года В.М. Молотов побывал в Лондоне и Вашингтоне, ведя переговоры о помощи западных союзников Советскому Союзу. Президент США подтвердил свое согласие открыть летом этого года второй фронт в Европе. Черчилль отвечал уклончиво, стараясь оттягивать столкно-

вание английских войск с крупными вооруженными силами вермахта. (В конце концов, это ему удалось, и Британии досталась победа во Второй мировой войне «малой кровью», — даже потери американцев были значительно больше.)

Черчилль вручил советскому наркому иностранных дел памятную записку, где, в частности, говорилось: «Мы ведем подготовку к высадке десанта на континенте в августе или сентябре 1942 г. ...Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении, но, если это окажется здоровым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

Получается, что англичане готовы испокон веку колебаться, выгадывая решения здравые и разумные для себя. О подготовке десанта — явная ложь. И не только потому, что данное событие не произошло. Черчилль знал об этом еще до того, как сочинил памятную записку.

Дело в том, что в апреле 1942 года открытие второго фронта обсуждали представители правительств США и Англии. Участник совещания американский генерал Ведемейер позже писал: «Англичане вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Я не утверждаю, что стремление обмануть было личной характерной чертой того или иного участника переговоров. Но когда дело шло о государственных интересах, совесть у наших английских партнеров по переговорам становилась эластичной... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое развивалось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью».

Итак, Черчилль избрал тактику хитрости, обмана, проволочек. Это объяснялось отчасти объективными обстоятельствами. Британская империя трещала по всем швам. В 1942 году она лишилась значительной части своих ко-

лоний. В Азии японские войска вторглись на территорию Индии. Японская авиация совершала налеты на Цейлон и крупнейшие города Австралии. Германские подводные лодки, применяя тактику «волчьих стай», в Атлантике пускали на дно один английский корабль за другим.

Черчилль высокопарно высказался, что он шагает по земле с большой смелостью, находясь «в дружеских и близких отношениях с великим человеком, слава которого просияла не только по всей России, но и по всему миру». Однако его слова решительно расходились с делами; особенно позиция, занятая им по вопросу высадки англо-американского контингента во Франции.

На германо-советском фронте Гитлер держал 75% своих войск. В Западной Европе находилось всего неполных 36 дивизий, на атлантическом побережье — 19. Имелись благоприятные условия для открытия второго фронта. Сталин отказывался считать таковым действия авиации и морских сил союзников. Он требовал от них десанта во Франции. На Черчилля нажимали и внутри Англии, прежде всего трудящиеся, требуя активных военных акций на территории Европы, для оказания действенной помощи Советскому Союзу.

И тогда Черчилль провел ограниченную высадку англичан и канадцев в районе Дьеппа, обрекая их на верное поражение с целью доказать невозможность десантных операций во Франции. Даже в случае успеха этого предприятия о втором фронте не могло быть и речи, ибо для этого требовалось заранее подготовить крупные воинские контингенты, обеспечив их тяжелой техникой. Такие действия не предпринимались. Значит, Черчилль имитировал активность, предлагая осуществить десант в Северной Норвегии. Подобные акции Черчилля были рассчитаны на обман не противника, а союзника. СССР в одиночку продолжал сражаться с фашистами.

Когда стало очевидно, что высадка союзников во Франции в 1942 году не состоится, Черчилль мог бы сообщить Сталину об этом по дипломатическим каналам. Однако, по-

нимая негативную реакцию, решил для этого лично встретиться с советским вождем. Вот как британский премьер-министр оценивал свою памятную встречу со Сталиным в Москве в августе 1942 года: «Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения».

Однако он летел в столицу СССР, прекрасно сознавая свою неблагоприятную роль обманщика, вынужденного и дальше лавировать и хитрить. Он написал о своем настроении так: «Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, злое, большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизации».

Почтенный джентльмен лукавил. При появлении фюрера, как известно, он не перестал считать СССР «врагом № 1 капитализма». Как справедливо отметил американский биограф Черчилля Эмрис Хьюз: «Весьма вероятно, что политическая амбиция была самым важным фактором, который привел к тому, что Черчилль превратился в одного из настойчивых противников Гитлера... Его антагонизм в отношении Гитлера был порожден страхом, что Германия при нацистах может стать слишком мощной и бросить вызов английской гегемонии в Западной Европе. Этот антагонизм объясняется убеждением Черчилля, что, поднимая Англию против Гитлера, он сможет опять завоевать какой-либо правительственный пост».

Можно согласиться и с другими суждениями Э. Хьюза: «Если бы Гитлер ограничился только пропагандой священной войны против России, Черчилль, вполне вероятно, не поссорился бы с ним. Ибо он был таким же злобным врагом большевиков, как Гитлер, или Геббельс, или любой другой из школы торговцев антирусской ненавистью и пропагандистов сс, которые эксплуатировали «красное пугало» в своей

политической борьбе. Уинстон задолго до того, как русские или другие народы Европы услышали что-либо о Геббельсе, был пионером и выдающимся мастером этой пропаганды».

В 1937 году Черчилль так отозвался о фюрере: «Некоторым может не нравиться система Гитлера, но они тем не менее все же восхищаются его патриотическими достижениями... Если бы моя страна потерпела поражение, я надеюсь, что мы должны были бы найти такого же великолепного лидера, который возродил бы нашу страну и возвратил нам наше место среди народов».

Первая встреча

В книге Валентина Бережкова «Как я стал переводчиком Сталина» (М., 1993) довольно подробно рассказано о беседах Черчилля со Сталиным в 1942 году.

К сожалению, после расчленения СССР данный автор ловко обернулся из советского патриота в антисоветчика. Включил в свой текст эпитеты и выражения, выставляющие Сталина в облике коварного кровавого диктатора, который насаждался в годы «перестройки». Такие кульбиты Бережкова выглядят скверно. Но некоторые факты он, являясь свидетелем событий, изложил, по-видимому, точно.

Мы расскажем о встрече Сталина и Черчилля со слов нескольких авторов. Еще раз подчеркнем: миссия Черчилля была ему неприятна. Тем более что он, более старший по возрасту, вынужден был прибыть к Сталину, который знал, что сказал три месяца назад Черчилль Молотову: «Британская нация и армия мечтают сразиться с врагом как можно скорее и таким образом оказать помощь доблестной борьбе Советской Армии и народа». А теперь — отказ.

12 августа 1942 года, прилетев днем в Москву, Черчилль уже вечером был в Кремле. С ним прибыли личный представитель Рузвельта Аверелл Гарриман и посол Великобритании в СССР. Перед встречей Сталин сказал Молотову:

— Ничего хорошего ждать не приходится.

Когда вошел Черчилль, обводя взглядом сравнительно небольшой кабинет, Сталин стоял у стола, не улыбаясь, затем подошел к гостю, подав ему руку, которую тот энергично потряс, и произнес негромко и сухо:

— Приветствую вас в Москве, господин премьер-министр.

Черчилль ответил, что рад возможности побывать в России, встретившись с ее руководителями. Когда они расположились за столом, Сталин спросил Черчилля о самочувствии после долгого перелета, хорошо ли он устроился. Затем кратко изложил положение на фронтах:

— Вести из действующей армии неутешительны. Немцы прилагают огромные усилия для продвижения к Баку и Сталинграду. Нельзя гарантировать, что удастся устоять перед их натиском. На юге их наступление продолжается...

Британскому премьеру давалось ясно понять, насколько необходим в ближайшее время второй фронт. Черчилль выразил уверенность, что немцы, не имея достаточно много авиации, вряд ли предпримут наступление в районе Воронежа или еще севернее.

— Это не так, — возразил Сталин. — Из-за большой протяженности фронта Гитлер вполне в состоянии выделить двадцать дивизий и создать сильный наступательный кулак. Для этого вполне достаточно двадцати пехотных и двух или трех бронетанковых дивизий. Учитывая то, чем располагает сейчас Гитлер, ему нетрудно выделить такие силы. Я вообще не предполагал, что немцы соберут так много войск и танков отовсюду из Европы...

Под контролем фашистов была почти вся Западная Европа, поставлявшая фронту технику, снаряжение. Болес трети населения СССР и множество индустриальных центров осталось на оккупированной территории. Сдерживать натиск врага было чрезвычайно трудно. Сталин говорил правду. Черчилль спросил:

— Полагаю, вы хотели бы, чтобы я перешел к вопросу о втором фронте?

— Это как пожелает премьер-министр.

— Я прибыл сюда говорить о реальных вещах самым откровенным образом (не означает ли это, что раньше он говорил о мнимых вещах и неоткровенно? — *Р. Б.*) Давайте беседовать как друзья...

Он принялся пространно излагать причины, по которым высадка во Франции в текущем году нецелесообразна. Сталин терпеливо слушал его, мрачняя, а затем прервал прямым вопросом:

— Правильно ли я понял, что второго фронта и в этом году не будет?

После некоторой заминки Черчилль стал объяснять, что к десанту на французское побережье требуется основательно подготовиться, чтобы провести его более масштабно и успешно в следующем, 1943 году. (Как известно, и это обещание оказалось ложным. — *Р.Б.*) В ближайшее время ничего подобного сделать невозможно, операция будет обречена на провал и не поможет русскому союзнику.

По просьбе Черчилля Гарриман высказал соображения американского президента, подтверждающие отказ от прежних обязательств, ибо высадка во Франции представляется слишком рискованной операцией.

— У меня другой взгляд на войну, — медленно сказал Сталин. — Тот, кто не хочет рисковать, не выигрывает сражений. Англичанам не следует бояться немцев. Они вовсе не сверхчеловеки. Почему вы их так боитесь? Чтобы сделать войска настоящими, им надо пройти через огонь и обстрелы. Пока войска не проверены на войне, никто не может сказать, чего они стоят. Открытие сейчас второго фронта представляет случай испытать войска огнем. Именно так я и поступил бы на месте англичан, не надо только бояться немцев...

Сталин был разочарован, раздражен. Было ясно: западные союзники уже выработали свое твердое решение. Но Сталин не удержался от того, чтобы поставить Черчилля в унижительное положение. Он имел на это право как верховный главнокомандующий армиями, которые в данный мо-

мент ведут тяжелейшие кровопролитные сражения, тогда как те, кто назвался союзниками, предпочитают наблюдать схватку со стороны, оберегая своих людей и экономя силы.

Оскорбленный Черчилль, дымя сигарой, стал говорить, что в 1940 году Англия одна стояла перед угрозой гитлеровского вторжения, тогда как Москва поддерживала с Берлином дружеские отношения. И англичане не дрогнули, выстояли, а Гитлер не решился вторгнуться в Англию, получив отпор от доблестной британской авиации.

В ответ Сталин напомнил, что хотя Англия действительно одна противостояла Германии, но предпочитала бездействовать, отдавая Гитлеру одну европейскую страну за другой. Лишь британская авиация проявляла активность.

Черчилль возразил: Гитлер испугался форсировать Ла-Манш. Эта операция не так проста, как может показаться. К ней надо серьезно подготовиться.

Сталин ответил, что аналогии здесь нет. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, а в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Черчилль возразил: при неудаче операции население подвергнется мести со стороны Гитлера и будут потеряны люди, которые понадобятся для большой операции в 1943 году.

Наступило долгое молчание. Сталин понимал, что не в его силах заставить союзников вступить в сражение с немцами. Он так и сказал, подчеркнув, что доводы премьер-министра его не убедили. Черчилль понял, что самая неприятная часть его миссии завершилась, и упомянул о продолжающихся авианалетах на Германию. Сталин выразил свое удовлетворение: очень важно наносить удары моральному состоянию немецкого населения, поэтому английские бомбардировки имеют огромное значение.

«Во время беседы, — вспоминал Черчилль, — господствовала обстановка вежливости и достоинства». И тогда он решил перейти к обсуждению операции «Торч» («Факел»)

в Северной Африке; именно она станет вторым фронтом. Черчилль особо подчеркнул, что сведения совершенно секретные, на что Сталин с улыбкой сказал:

— Надеюсь, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати.

Советский руководитель изменил тактику ведения переговоров. Убедившись, что союзники ни при каких условиях не откажутся от своих планов, он перестал демонстрировать свое недовольство, сдержал эмоции. Язвительные замечания в адрес англичан, которые слишком боятся немцев, были рассчитаны на то, чтобы вывести Черчилля из себя, вызвать его ответную резкую реакцию. В таком состоянии человек может наговорить много лишнего, высказать свои чувства, о которых предпочел бы молчать.

Сталин не счел нужным надавить на союзников, намекнув на возможность заключения сепаратного мира с Германией. Такая дипломатическая хитрость была бы уместной, поставив Черчилля в трудное положение. Иосиф Виссарионович предпочел действовать честно, открыто. Он доброжелательно выслушал сообщение об операции «Торч». По словам Черчилля, Сталин тотчас перечислил четыре основных довода в ее пользу.

«Это замечательное заявление, — искренне признался британский премьер, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».

Итак, первая четырехчасовая встреча Черчилля со Сталиным проходила неровно, а закончилась в доброжелательной атмосфере. Однако британский премьер не был уверен в том, что советский лидер, учитывая тяжелое положение на фронте, вновь не вернется к вопросу об открытии второго фронта в Европе. Поэтому на следующий день, встречаясь

с Молотовым в Кремле, он много говорил о достоинствах операции «Торч».

«Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, — писал Черчилль, — я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, — сказал он, — очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

Тем не менее вечером Сталин представил Черчиллю Меморандум, где высказывал недовольство позицией правительства Великобритании. В частности, говорилось: «Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году».

Да, успешное наступление немцев объяснялось еще и тем, что они имели возможность сосредоточить свои основные и самые боеспособные силы на Восточном фронте в расчете мощным ударом вынудить СССР к капитуляции. Сталин имел все основания утверждать:

«Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар по всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования. Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии... несомненно должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников».

В этих словах можно усмотреть намек на то, что в случае дальнейших успехов вермахта русские могут отступить до Урала, и тогда немецкие армии двинутся на Запад. В ответной Памятной записке Черчилль напомнил о своей оговорке весной: «...мы не можем дать никакого обещания». Мол, это снимает с него ответственность за то, что союзники не

пришли на обещанную помощь Красной Армии в труднейший период войны. Более того, он позволил себе спекулировать на этих трудностях, написав, что Британское Правительство может обнародовать свой отказ от высадки во Франции, после чего немцы переведут часть своих войск отсюда на Восточный фронт.

Судя по всему, британский премьер убедился: Сталин не пойдет на сделку с Гитлером. Теперь можно было вздохнуть спокойно и огрызнуться. Для Британии обстоятельства складывались неплохо: Германия и Россия ведут жестокую войну, а когда они окончательно обессилеют, победа и все связанные с ней преимущества будут на стороне Англии. Она вновь будет доминировать в Европе, к тому же с наименьшими потерями.

При встрече со Сталиным в Кремле 13 августа в 23 часа Черчиллю пришлось опять выслушивать упреки в нежелании Англии активно действовать на европейском фронте, а также в невыполнении обещанных поставок России. Сталин пытался пробудить в собеседнике чувство вины и окончательно успокоился лишь после того, как Черчилль в сильном возбуждении заговорил о необходимости установить хорошие деловые отношения между тремя великими державами, что обеспечит им победу над общим врагом.

После переговоров был официальный обед в Кремле. «Сталин и Молотов радушно принимали гостей, — вспоминал Черчилль. — Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае маленький глоток. Меня изрядно угощали».

После обеда они долго оживленно беседовали. Сталин припомнил, что когда-то на встрече с леди Астор и Бернардом Шоу он отказался пригласить в Москву Ллойд Джорджа, который в Гражданскую войну возглавлял интервен-

тов. Леди Астор сказала, что премьер ввел в заблуждение Черчилль. «Во всяком случае, — ответил Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям».

Бывший открытый враг большевиков Уинстон Черчилль неожиданно заглянул в глаза собеседнику и спросил:

— Вы простили меня?

— Это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу.

Загадочные слова. Поражает ссылка на Бога. Было ли это сказано в угоду гостю? Нет, конечно. Сталин, подобно каждому умному человеку, имел свои представления о высших силах и мировом разуме. Какие конкретно? Об этом остается только догадываться. Пожалуй, ему была близка русская поговорка: не в силе Бог, а в правде. Он избегал лжи, не терпел, когда ему лгали, презирал и ненавидел приспособленцев и лицемеров, резонно полагая, что они легко становятся предателями.

На вопрос Черчилля о прощении, прозвучавший искренне и неожиданно, можно было ответить утвердительно: мол, да, я прощаю. На Руси так не принято, ибо звучит высокомерно. Чаще всего выражались обиняком: «Бог простит». Сталин не позволил себе высокомерия, высказавшись в смысле — что было, то прошло, нечего ворошить прошлое, и не его, Сталина, право прощать бывшего открытого честного врага.

Черчилль убедился, что его нынешний союзник прост в общении, мудр и остроумен, быстро находит верное решение сложных проблем, обладает незаурядной волей и выдержкой, говорит правду и верит в победу над фашистами, не помышляя о возможности примирения с ними. Сталин показал, что умеет быть жестким и суровым, но не злопамятным; главное для него — интересы общего дела. С таким союзником нелегко иметь дело, однако на него можно положиться.

17 августа Сталин получил послание от покинувшего накануне Москву Черчилля: «По прибытии в Тегеран по-

сле быстрого и спокойного перелета я пользуюсь случаем поблагодарить Вас за Ваше товарищеское отношение и гостеприимство. Я очень доволен тем, что побывал в Москве: во-первых, потому, что моим долгом было высказаться, и, во-вторых, потому, что я уверен в том, что наша встреча принесет пользу нашему делу. Пожалуйста, передайте мой привет г-ну Молотову».

Кстати, во время одной из бесед Сталин, шутя, спросил Черчилля:

— Зачем вы тогда бомбили моего Вячеслава?

— Никогда не следует упускать счастливую возможность, — ответил премьер, возможно, давая понять, что налеты английской авиации были специально приурочены к визиту Молотова в Берлин.

Кто более надежный партнер?

Черчилль не раз убеждался: Сталин был верен своему слову. Увы, английский премьер не всегда выказывал такое качество. Так было, например, с обманным обещанием (на этот раз — без оговорок) открыть второй фронт в Европе весной 1943 года.

Рассказывая Сталину о плане операции «Торч», Черчилль выражал уверенность в том, что Гитлер перебросит в Северную Африку свои ВВС, стремясь спасти Италию. Эти прогнозы оказались ошибочными. Гитлера мало беспокоила в тот момент Италия, еще меньше — Северная Африка. Воздушные эскадры Геринга оставались на Восточном фронте, где решалась судьба войны. Но тогда Сталин, по-видимому, воспринял заверения Черчилля всерьез.

Памятуя о давнем устремлении Британской империи, Черчилль предложил ввести английские войска в Закавказье для защиты нефтяных месторождений. Сталин без труда разгадал его намерения, приказав принести макет Кавказских гор. Английскому гостю было показано, как прочна советская оборона в этом районе. Черчилль вер-

нулся из Москвы с убеждением, что Советский Союз выстоит.

Спокойная уверенность Сталина произвела впечатление на Черчилля. А советский вождь добавил:

— Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане. Если это верно, то я смогу расправиться с ними.

Британский премьер высказался твердо: такой опасности нет. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией. Сталин придерживался такого же мнения. Он пригласил Черчилля в свою кремлевскую квартиру из четырех комнат, которые были, как писал Черчилль, «среднего размера и обставлены просто и достойно». И хотя за обеденным столом им пришлось обсуждать важные дела, Сталин своим приглашением дал понять, что относится к гостю не только с уважением, но и симпатией. Не исключено, что уважение и симпатия были взаимными, хотя интеллект и знания Сталина заставляли Черчилля опасаться такого партнера.

Сталин понимал: в интересах Англии по-прежнему оставлять СССР один на один с Германией, поддержанной почти всеми континентальными европейскими странами. А наступила решающая фаза войны. Гитлеровцы могли нанести страшный удар Красной Армии. Захват Ленинграда и Сталинграда грозил подорвать моральный дух советского народа, ибо речь шла о городах-символах, прославляющих имена и деяния Ленина и Сталина. Поэтому хитрости Черчилля и его отказ от обещанной помощи возмущали советского лидера. Однако не оставалось ничего иного, как укреплять личные дружеские отношения с британским премьером. Важно было убедиться в том, что союз трех великих держав не распадется, и можно будет рассчитывать на более тесное сотрудничество с союзниками.

...30 ноября 1942 года Черчилль зачитал на заседании кабинета послание Сталина о необходимости открытия второго фронта. В тот день британскому премьеру исполнилось 68 лет. Своего рода подарком ко дню его рождения

были сообщения об окружении немцев под Сталинградом. Они вызвали в нем противоречивые чувства: радость смешивалась с тревогой. Мощь СССР и его авторитет в мире резко возрастали.

Чуть позже Черчилль праздновал крупную победу англичан над итальянцами и немцами в Египте у Эль-Аламейна. Английская пропаганда захлебывалась от восторга. Черчилль провозгласил «великую победу», которая якобы «фактически знаменовала поворот судьбы» и явилась «самым решающим сухопутным сражением с целью защиты интересов союзников».

Был в этом немалый элемент цинизма и даже подлости. Ведь в то же время Красной Армией была одержана действительно великая победа под Сталинградом, о которой британский премьер отзывался не столь восторженно. А до этого Черчилль разослал членам своего военного кабинета секретный меморандум, где было сказано:

«Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств...» Не напоминает ли это те лозунги Гитлера, с которыми он предпринял свой поход на Восток?!

Сравнивая Сталинградскую битву с Эль-Аламейнским сражением, В.В. Кожин писал:

«В сражении при Эль-Аламейне итало-германские войска насчитывали всего 80 тысяч человек (в большинстве — итальянцев), оборонявших фронт протяженностью 60 км, а под Сталинградом — более чем миллионное войско Германии и ее союзников действовало на фронте длиной около 400 км. Но наиболее показательно, что в Сталинградской битве потерпела полный разгром 1/6 часть — 16,3% — всех тогдашних вооруженных сил противника, а при Эль-Аламейне — всего лишь 1,3% (!) этих сил... Британцы имели при Эль-Аламейне почти трехкратное превосходство в людях — 230 тысяч против 80 тысяч... Гитлер, который обычно

сурово наказывал своих генералов за поражения, не только не сделал этого в отношении командовавшего «Африканским корпусом» Роммеля, но, наградив его 17 марта 1943 года «бриллиантами к Рыцарскому кресту», вскоре же — после того, как американско-английские войска 10 июля 1943 года высадились в Сицилии, — поручил ему командование группой армий в Италии».

Ощутимого урона вермахту Эль-Аламейн не принес; германские войска с Восточного фронта не отправлялись на Западный, который в Европе так и не был открыт. Судя по высказыванию Черчилля о русском варварстве, якобы угрожающем западным странам, он оставался врагом России даже после того, как «покаялся» перед Сталиным. Возможно, прося прощения, Черчилль был искренен. Но в своих уверениях дружбы по отношению к Сталину он покривил душой. Для него из двух врагов Гитлер представлялся наиболее опасным на тот момент.

Порой утверждается, что победа под Сталинградом не дала результатов из-за просчетов советского командования. Вроде бы поэтому весной 1943 года фельдмаршалу Манштейну удалось отбить у советских войск несколько уже освобожденных ими крупных городов. Но какой была главная причина неудач Красной Армии, можно узнать из послания Сталина Черчиллю от 15 марта 1943 года: «В самый напряженный период боев против гитлеровских войск, в период февраль—март, англо-американское наступление в Северной Африке не только не форсировалось, но и вообще не проводилось, а намеченные Вами же для него сроки уже отложены. Тем временем Германия уже успела перебросить с Запада против советских войск 36 дивизий, из них 6 дивизий танковых. Легко понять, какие затруднения это создало для Советской Армии и как это облегчило положение немцев на советско-германском фронте».

Возмущенный Сталин не терял самообладания, хотя понимал хитрость и коварство своих союзников. В послании Черчиллю от 29 марта 1943 года он написал: «Вчера я смо-

трел вместе с коллегами присланный Вами фильм «Победа в пустыне»... Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бок, и метко разоблачает тех подлецов — они имеются и в нашей стране, — которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны».

Конечно же, в послании нетрудно заметить и некоторые намеки. Ведь фильм «великолепно изображает» боевые действия, что вовсе не исключает более искусство пропаганды, чем характер военных действий.

От западных союзников СССР получал немалую помощь. Даже пассивное участие Англии в войне приносило некоторую пользу Красной Армии. Но обманные обещания открыть второй европейский фронт в 1942-м, а затем в 1943 году цутали планы советского командования и негативно сказывались на ходе военных действий советских войск.

В феврале 1943 года Сталин получил «Личное и секретное послание премьер-министра г-на Уинстона Черчилля»: «Цепь необыкновенных побед, звеном в которой является освобождение Ростова-на-Дону, известие о чем было получено сегодня ночью, лишает меня возможности найти слова, чтобы выразить Вам восхищение и признательность, которые мы чувствуем по отношению к русскому оружию. Моим наиболее искренним желанием является сделать как можно больше, чтобы помочь Вам. 14 февраля 1943 года».

В своем ответе Сталин, в частности, отметил: «Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции, то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август–сентябрь. Мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года...

По имеющимся у нас сведениям, немцы за период времени с конца декабря, когда действия англо-американских сил в Тунисе почему-то приостановились, перебросили из Франции,

Бельгии, Голландии и самой Германии на советско-германский фронт 27 дивизий, в том числе 5 танковых дивизий. Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера, который... получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских... Может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться. Для нас с Вами ясно, что не следовало бы допустить подобный нежелательный просчет...

Благодарю Вас за Ваши теплые поздравления по случаю освобождения Ростова. Наши войска сегодня овладели городом Харьковом. 16 февраля 1943 года». Сталин окончательно убедился, что союзники сознательно не торопятся вступать в серьезную схватку с гитлеровцами. 13 марта он откровенно писал Черчиллю: «Неопределенность Ваших заявлений относительно намеченного англо-американского наступления по ту сторону Канала вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать».

Весной 1943-го выяснилось, что западные союзники не собираются и в этом году ударить по гитлеровцам во Франции. Черчилль отправил Сталину обширное послание с оправданиями очередного обмана союзника, продолжавшего непрерывно сражаться с вермахтом один на один. Премьер уверял, будто «неожиданно быстрое поражение вооруженных сил держав оси в Северной Африке расстроило германскую стратегию и... угроза Южной Европе была важным фактором, заставившим Гитлера поколебаться и отложить свои планы крупного наступления против России этим летом».

Подобная версия отмены крупного наступления немцев на Восточном фронте была, как вскоре выяснилось, дезинформацией. Хотелось бы верить, что Черчилль и его военные советники всего лишь хотели успокоить союзника, которого в очередной раз в ответственный момент крупно подвели. Современный отпетый западник это даже одобрит: какой, мол, патриот Черчилль, как много жизней соотечественников он сохранил!

Да, именно так. Делал это Черчилль за счет огромных жертв со стороны советского народа. Сталин с полным основанием полагал, что летнее наступление фашистов неизбежно, и оказался прав. 24 июня в своем послании он откровенно и убедительно опроверг доводы Черчилля о невозможности открыть второй фронт в Европе. Завершается послание так:

«Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».

В своем ответе Черчилль не только хитрил, но и стал шантажировать: мол, я могу вынести наши разногласия на суд общественности. Понятно, что в таком случае Гитлер, пользуясь разногласиями между союзниками, смог бы совершенно спокойно дополнительно укрепить свои войска на Восточном фронте... Впрочем, он делал это и без этого, тогда как Черчилль вновь утверждал:

«Неуверенность противника насчет того, где будет нанесен удар и какова будет его сила, по мнению моих надежных советчиков, уже привела к отсрочке третьего наступления Гитлера на Россию, к которому, казалось, велись большие приготовления шесть недель тому назад. Может даже оказаться, что Ваша страна не подвергнется сильному наступлению этим летом».

Нет, вышло не так. Гитлер понимал увертливую позицию Черчилля, предоставляющую немцам и русским сотнями тысяч погибать на полях сражений. Английская авиация постоянно бомбила некоторые германские города, но не оборонные объекты на французском побережье. Гитлеру было ясно, что фронт на Западе не откроется.

5 июля 1943 года обновленные, получившие дополнительное подкрепление германские армии, оснащенные новейшей для того времени техникой, перешли в наступление на Орловско-Курской дуге. 11 июля Сталин в письме Черчиллю резко осудил позицию западных союзников, не выполнивших обещание открыть второй фронт в Европе, а теперь отложивших эту акцию до весны 1944 года: «Это решение создает большие сложности для Советского Союза, который ведет войну почти 2 года под величайшим давлением против главных сил Германии и ее союзников».

Поля в России на «огненной дуге» превратились в ад. Сражающиеся стороны несли большие потери. К этому времени Красная Армия стала получать все больше отечественных танков и самолетов. Она постоянно наращивала свою мощь. Советский, а прежде всего русский народ добился коренного перелома в ходе войны. Красная Армия, уничтожив половину немецких танков и добившись преимущества в воздухе, перешла в наступление.

Сталин выразил согласие на встречу трех министров иностранных дел в Москве, которую раньше отвергал из-за трудной ситуации на фронте. Более того, он предложил встретиться «большой тройке» в Иране в ноябре–декабре 1943 года. А у Черчилля наша победа на Курской дуге вызвала большую тревогу. Он сказал Идену о Германии: «Мы не должны ослаблять ее до крайней степени — мы можем нуждаться в ней против России». По записи одной из стенографисток, члены кабинета министров были «поражены до ужаса, услышав все это».

Сталину следовало заручиться более надежной поддержкой со стороны США. На конференции министров он сделал важный шаг, дав обещание выступить против Японии после победы над Германией. (По подсчетам Пентагона, их потери при разгроме Японии без участия в войне СССР составили бы более миллиона человек.)

У Сталина и раньше отношения с Вашингтоном складывались лучше, чем с Лондоном. Черчилль, конечно же, за-

метил это (не потому ли посылал пылкие послания Сталину, «не находя слов», чтобы выразить свои чувства в связи с победами Красной Армии?). Его беспокоила перспектива дальнейшего советско-американского сближения. Давая свое обещание на встречу «большой тройки», Сталин усиливал подобные опасения Черчилля, чем ограничивал его антисоветские происки.

Свои подлинные намерения Черчилль скрывал за цветистыми фразами. Так, подводя итоги 1943 года, он заявил с немалой долей преувеличения: «Устрашающая чудовищная машина германского могущества и тирании преодолена и разбита русской доблестью, военным искусством и наукой».

...Сейчас становится ясно всякому человеку с незамутненным сознанием, каким страшным ударом по великой русской культуре, да и по мировой тоже, стало расчленение СССР и превращение России в сырьевую колонию Запада. Антисоветизм влиятельных политиков Западной Европы привел к тому, что Англия стала прихвостнем США, которые превратились в мирового гегемона — злобного, хищного и очень опасного. Эту гегемонию, сам того не сознавая, подготавливал Черчилль. При этом он не крепил, а разрушал солидарность европейских стран, усугублял их раскол на государства буржуазной и народной демократии. Как геополитик он был слишком близоруким, в отличие от Сталина.

Тегеран

Тегеранская конференция состоялась с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Черчилль выступил с планом высадки союзных войск на Балканах. Сталин настаивал на открытии второго фронта во Франции. Он вновь заверил, что СССР после разгрома Германии выступит против Японии...

Рузвельт был этим удовлетворен и поддержал Сталина, отклонив план Черчилля. Высадка во Франции (операция «Оверлорд») была намечена на май 1944 года.

Такое краткое изложение итогов не отражает накал дипломатической борьбы и столкновения характеров советского и британского лидеров на Тегеранской конференции. К недовольству Черчилля, Рузвельт согласился остановиться на территории советского посольства. В личных беседах Сталин и президент США прониклись взаимной симпатией и некоторым доверием, что отразилось на дальнейшем ходе официальных встреч.

Согласия на открытие второго фронта на западе Европы удалось добиться далеко не сразу. Черчилль напрягал все свое красноречие, доказывая важность действий англо-американских войск в Средиземноморском регионе. Он стремился установить свой контроль над Балканами, а также в Австрии, Румынии, Венгрии, прежде чем сюда войдут части Красной Армии.

Сталин, высказался не так пространно и бурно, приводя веские аргументы в пользу высадки во Франции. После безрезультатного обмена мнениями Сталин спросил напрямик:

— Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?

— Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, — уклончиво ответил Черчилль, — то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнется операция «Оверлорд».

За его обиняками проскальзывала мысль: при определенных условиях мы не станем перебрасывать сколько-нибудь значительные силы для высадки десанта, а когда операция начнется, сделать это будет уже поздно, поэтому она не должна начаться вовсе. Сталин встал и обратился к Молотову и Ворошилову:

— Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте.

Черчилль был ошеломлен, пробормотав, что его не так поняли. Рузвельт, смягчая обстановку, предложил сделать

перерыв на обед, «которым нас сегодня угощает маршал Сталин».

За обедом Черчилль высоко оценил мужество и стойкость советских солдат в битве за Сталинград и высказал пожелание, чтобы руины города остались нетронутыми в назидание потомству. Рузвельт поддержал эту мысль. Но Сталин возразил:

-- Не думаю, чтобы развалины Сталинграда следовало оставить в виде музея. Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войне. Весь же город, подобно фениксу, возродится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победы жизни над смертью.

Во время подобных обедов обсуждались порой и более серьезные вопросы, но случались и комичные происшествия. Так, Сталин, желая поддеть Черчилля, сказал, что после победы надо будет как можно скорее казнить военных преступников, немецких генералов и офицеров, которых не менее 50 тысяч.

Черчилль, разгоряченный этими словами и армянским коньяком, подскочил от возмущения:

— Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят подобных массовых казней!

Сын Рузвельта, поняв иронию Сталина, поддержал его, чем вызвал взрыв негодования Черчилля. Тут вступил Рузвельт и с улыбкой произнес:

— Необходимо найти компромиссное решение. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы сойдемся на сорока девяти тысячах?

По воспоминаниям Черчилля, после этих слов он хотел уйти прочь, но, чтобы успокоиться, вышел в соседнюю темную комнату и встал у окна. Вдруг почувствовал, что его кто-то тронул за плечо. Обернувшись, увидел Сталина и рядом с ним Молотова. Улыбаясь, Сталин сказал, что по-

путил. Черчилль понял, что над ним беззлобно посмеялись. У них продолжилась доверительная беседа, во время которой Сталин дал понять, что сознательно обострил этот небольшой конфликт:

— Крепкая дружба начинается с недоразумений.

Черчилль отметил в своих воспоминаниях: «Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет».

Возможно, британский премьер захотел взять реванш за нелепое положение, в которое был поставлен. Когда отмечали его день рождения, начальник генерального штаба Англии Алан Брук произнес провокационный тост, в частности сказав:

— Наибольшие жертвы понесли англичане в этой войне, сражались больше других и больше сделали для победы...

Пожалуй, это было сказано по договоренности с Черчиллем, чтобы вывести Сталина из себя. Тот насупился, но, не изменив своей сдержанной манере, встал и произнес ответный спич. Можно предположить, в каком напряжении был Черчилль. Он прекрасно знал, что Брук нагло лжет.

— Я хочу сказать, — медленно произнес Сталин, — о том, что сделали для победы президент Рузвельт и Соединенные Штаты. В этой войне главное — машины. Они могут производить ежемесячно 8–10 тысяч самолетов, Англия — 3 тысячи. Следовательно, Соединенные Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну...

Сталин ни словом не обмолвился о наших потерях, словно не заметив подлости английского генерала, и показал, что считает ниже своего достоинства отвечать на столь грязные высказывания. Он дал понять, что в победе над фашистами первенство России постыдно оспаривать, а вот из двух союзников предпочтительней тот, кто предоставляет наибольшее количество техники, помогая «нам выиграть войну».

Подчеркивая роль США, Сталин определил на будущее первенство двух сверхдержав, индустриальная мощь которых значительно выше, чем у Великобритании. Это не мог про-

пустить мимо ушей Черчилль. Он получил наглядный урок дипломатии открытой и честной, а в то же время глубоко продуманной. В скупых словах Сталин сумел высказать многое.

Положение британского премьера на этой конференции было непростым. Мало того, что Рузвельт часто поддерживал Сталина и явно ему симпатизировал; в сравнении с двумя сверхдержавами Англия отходила на второй план. Он признавался своим коллегам, что тогда осознал, «какая малая страна Британия». По его словам: «С одной стороны от меня, скрестив лапы, сидел огромный русский медведь, с другой — огромный американский бизон. А между ними сидел бедный маленький английский осел... и только он, один из всех трех, знал верный путь домой».

Смешно, конечно, представлять стройного Сталина огромным медведем, а грузного Черчилля осликом, хотя понятно, что он представлял за аллегорическими фигурами лидеров их страны. Однако насчет верного пути домой он явно преувеличил. Ему пришлось довольствоваться своей скромной ролью на совещании вовсе не по причине малости Англии, а потому, что он уступал Сталину по всем статьям.

Кстати, когда зашел серьезный разговор о судьбе главных нацистских преступников, Черчилль предложил казнить их без суда и следствия. По его признанию (в письме Рузвельту), Сталин «неожиданно занял ультраприличную позицию. Не должно быть казней без суда: в противном случае мир скажет, что мы их боялись судить. Я указал на трудности, связанные с международным правом, но он ответил, что если не будет суда, они должны быть приговорены не к смертной казни, а к пожизненному заключению».

Вновь глава СССР дал предметный урок опытному и умному политику, какие решения следует принимать в непростой ситуации.

Очень болезненный вопрос касался послевоенного устройства Польши. Англия требовала, чтобы туда вернулось польское правительство, находящееся в Лондоне. Сталин согласился: эта страна должна быть самостоятельной, но

обязательно — дружественной по отношению к СССР (напомню: в фашистской армии сражалось больше поляков, чем в советской). И привел весомый аргумент: вынул листовку польского лондонского правительства с изображением двуликого бога Януса, с лицами Гитлера и Сталина. И позже лондонские поляки вели активную антисоветскую пропаганду, а потому Сталин делал все возможное для того, чтобы с Советским Союзом граничила дружественная Польша. Такое положение не устраивало Черчилля, включавшего эту страну — по старинке — в зону интересов Великобритании.

Был еще один спорный вопрос, связанный с Польшей: как провести ее восточную границу? По пакту Молотова—Риббентрона к СССР перешли западные районы Украины и Белоруссии. У «большой тройки» была договоренность: восстановить границу по так называемой «линии Керзона», утвержденной в 1919 году Верховным Советом Антанты (несколько позже ее рекомендовал принять английский министр иностранных дел Дж. Керзон).

Черчилль продемонстрировал карту, на которой была отмечена эта линия. Иден, водя пальцем по карте, показал, что она проходит восточнее Львова. Сталин покачал головой и сказал, что Молотов привез более точную карту, оригинал. Тут же был показан подлинник, по которому Львов отходил к СССР. «Но ведь этот город еще недавно был польским!» — возмутился Черчилль. «Еще раньше Варшава была русской», — заметил Сталин.

Чтобы окончательно завершить обсуждение, Молотов показал телефонограмму Керзона, в которой лорд перечислял города, отходящие к России. В числе их был и Львов. Подлог Черчилля не удался. Сталин, зная, с кем имеет дело, заранее распорядился взять в Тегеран данные документы.

...Участники совещания теперь были уверены в своей скорой победе. В разговоре со Сталиным Черчилль даже сослался на высшую силу:

— Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником.

— Ну, тогда наша победа обеспечена, — усмехнулся Сталин. — Ведь дьявол, разумеется, на моей стороне. Каждый знает, что дьявол — коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор.

Но все говорило о том, что Бог благоволил Сталину. Правда была на его стороне.

Вечером на юбилее британского премьер-министра Сталин поднял тост: «За моего боевого друга Черчилля!» В ответ именинник высказал уверенность, что советский руководитель, которого можно поставить в один ряд с крупнейшими фигурами русской истории, заслуживает звания Сталин Великий.

Реакция Сталина и на этот раз была неожиданной:

— Почести, которые воздаются мне, в действительности принадлежат русскому народу. Очень легко быть героем и великим лидером, если приходится иметь дело с такими людьми, как русские... Красная Армия сражается героически, но русский народ и не потерпел бы иного поведения со стороны своих вооруженных сил. Даже люди не особенно храбрые, даже трусы становятся героями в России.

О правдоподобной лжи

Одни и те же факты можно истолковать по-разному. Тут многое зависит от того, кто рассуждает и с какой целью. Порой невозможно уличить во лжи хитрого комментатора.

Вот, например, приведенные выше сталинские слова о русском народе. Как их понимать? Если вы человек честный и откровенный, то воспримете их как искреннее выражение признательности к людям, отдающим свои жизни за Родину. Тем, кто сохранил верность прежде всего Отечеству, присяге, но и своему руководителю тоже. Тем более что страшные тяготы войны пришлось выносить всему народу, а не только армии.

Но, даже соглашаясь со всем этим, критик волен отметить: почему речь идет только о русских? Получается великодержавный шовинизм, восхваление одной нации в ущерб другим! Не случайно же Сталина не раз, еще со времен Ленина, упрекали в этом пороке. Почему это он не сказал восторженные слова обо всем советском народе?

На подобные вопросы даже как-то неловко отвечать всерьез. Ведь Сталин-Джугашвили по национальности не был русским. Уже поэтому о русских он отзывался не как националист, любящий свой род потому, что он свой, и восхваляющий его, косвенно памятуя о себе любимом. С такой точки зрения сталинские слова отражают его личное мнение.

Учтем, что речь идет о народе, составляющем большинство в стране, испытавшем наибольший урон (в ту пору никто не разделял русских, белорусов и малороссов). А на Западе называли русскими всех советских людей. Сталин не раз и себя причислял к русским, порой уточняя, что он — человек русской культуры (это и есть — русский).

С позиций сугубо биологических (генетических), на которых стоят нацисты, самое главное — иметь генетические признаки, отличающие данное племя (род, народ). И не имеет значения, порядочный ты человек или подонок, культурный или пошлый, талантливый или бездарный. Естественно, что такой национализм наиболее привлекателен для разного рода подлецов, бездарностей, которые получают возможность приобщиться к тем, кого они недостойны. Именно так следует понимать высказывание «национализм — последнее прибежище негодяя».

Однако почему бы не предположить, что Сталин, восхваляя русский народ, вовсе не имел в виду приведенные выше подтексты, а лицемерил, демонстрируя показную скромность? Ведь сколько раз уже повторяли такие, как Радзинский, Волкогонов, Илизаров и пр., насколько хитрым и коварным был советский вождь, обладавший к тому же чудовищным честолюбием, манией величия и «раздувавший» культ самого себя.

Тут-то и следовало бы поинтересоваться: кто же так утверждает, по какой причине, на каких основаниях? Ведь известно, что незначительный и ущербный человек слишком часто испытывает завистливую злобу к незаурядной выдающейся личности.

Была ли правда в словах Сталина, восхвалявшего русский народ? (Непременно надо уточнить: русский народ того времени, поистине героический и великий, еще не испытывший духовного перерождения). Разве не этому народу по праву принадлежали почести, воздаваемые Сталину? Хотя, будем справедливы, и он сам тоже заслуживал почестей.

Он, конечно, выказал излишнюю скромность, когда сказал, будто «очень легко быть героем и великим лидером, если приходится иметь дело с такими людьми, как русские». Нет, очень нелегко быть достойным руководителем великого народа. В этом можно легко убедиться, вспомнив, какая судьба постигла Россию, возглавляли которую недостойные лидеры типа Хрущева и предатели русского народа и коммунистических идеалов Горбачев, Ельцин и их сообщники, продолжатели их гнусного дела.

Антисоветчики частенько повторяют, что Сталин лукавил, высоко отзываясь о русском народе, тогда как называл простых людей «винтиками», низводя их до мелких деталей государственного механизма, то есть и не считая, в сущности, за людей, используя их как средство в своей непомерной жажде власти.

Вроде бы и тут есть доля правды. Слово «винтик» по отношению к простым людям он употребил, хотя и не был оригинален: использовал выражение Ф.М. Достоевского в «Записках из подполья», где сказано о «штифтике» в таком контексте: «Ведь все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!» Речь идет о свободе воли, возможности пойти наперекор установленным механическим законам природы и общества.

У Сталина как раз и подчеркнуто именно то, что к человеку недопустимо относиться как к штифтику: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых мы все — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим».

Неужели и тут он напускал на себя фальшивую скромность? Ни в коем случае. Так можно было бы думать, произнеси он эти слова перед народными массами, в демагогическом порыве, как порой нечто подобное высказывают политики. Нет, он говорил это среди высокопоставленных военачальников, увешанных наградами. И себя он тоже причислял, естественно, к подобным руководителям («все мы»). Он говорил то, что думал, что глубоко пережил, во что верил.

Трудно возразить Анне Ахматовой, которая после нашей Великой Победы писала:

Пусть в мире этот день запомнится навеки,
Пусть будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас от страшной смерти спас.

Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости чистейшей нет преград, —
И древний Самарканд,
И Мурманск заполярный,
И дважды Сталиным спасенный Ленинград.

...Люди, привыкшие в своей жизни лгать, изворачиваться, менять ради выгоды «убеждения», не способны понять человека, который имел слишком высокое чувство собственного достоинства (не гордыню!), чтобы ловчить, унижать себя лицемерием и ложью. Эти люди постоянно готовы обливать грязью и опошлять память тех, кто не похож на них фактически ничем, а потому и не доступен их пониманию.

Глава 6

ВОЙНА И МИР ПО СТАЛИНУ

Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.

Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Александр Твардовский

В наше время появились политики и политологи, тележурналисты, историки, писатели, которые утверждают, будто Сталин был сторонником захвата чужих территорий, порабощения других народов, насильственного уничтожения капиталистических стран.

Подобные люди сознательно или по недоумию приписывают Сталину то, что было бы справедливо по отношению к Троцкому или Гитлеру, которые были его антиподами.

Однако нетрудно предугадать возражения. Разве не удостоили Сталина высшим чином генералиссимуса? Разве не под его руководством Советская армия освободила от фашизма Центральную Европу? Разве он не проводил индустриализацию и милитаризацию СССР, оснащение его атомным оружием? Разве не носил он после войны военный мундир? Разве не при нем был создан так на-

зываемый лагерь стран народной демократии, в котором оказались государства Восточной и частично Центральной Европы?

Отвечать на эти вопросы есть смысл, не только вспоминая события давних лет, но и обращаясь порой к современной ситуации в мире. Можно напомнить, что «поджигателем войны» еще в 1919 году назвали английские трудящиеся не кого иного, как Уинстона Черчилля. Если так и называл кто-то Сталина, то лишь в фашистской Германии, когда она вероломно напала на СССР. (В наше время есть еще некто Резун под фальшивым именем Суворов и его подписывал, резунщики, которые утверждают, будто Сталин собирался первым напасть на милого миролюбивого Гитлера.)

Вспомним справедливое высказывание Иосифа Виссарионовича: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь в войну».

Или это были слова, с которыми расходились его дела?

Вторая московская встреча двух лидеров

Как показывают документы и действия Советского правительства, Сталин старался укреплять сотрудничество стран капитализма и социализма. Он исходил из своего убеждения в преимуществах того строя, который, пусть и с огрехами, установился в России. Считал верным марксистское положение о неизбежном крушении империализма и переходе общественных формаций через социалистическую систему в коммунистическую.

В первой половине XX века в индустриально развитых странах рабочий класс играл еще значительную роль в жизни общества. Возможно, без поддержки трудящихся западных держав большевикам во главе с Лениным не удалось бы победить в Гражданской войне, где их противникам помо-

гали богачи. Поэтому такое убеждение Сталина имело под собой серьезное основание.

В своей непримиримой вражде к народной демократии и коммунистическим идеалам Черчилль готов был оставаться в роли младшего партнера «большого брата» США. Советскому послу он сделал резкое заявление: «Одно из двух, или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый союз будет противостоять советскому миру». Возникла необходимость в новой встрече «Большой тройки».

Прежде чем состоялась Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 года), Черчилль побывал в Москве, где его тепло встретил Сталин. Бывший переводчик вождя Березков, не без выгод ставший антисталинистом, высказал в связи с этим удивительное суждение: «При каждой встрече с Черчиллем Сталин не упускал случая выказать ему свое расположение. Возможно, он полагал, что лидер английских тори готов наконец строить отношения с Советским Союзом на основе взаимного доверия, готов относиться к нему, Сталину, как к равному».

Последняя догадка поистине гадка. Да, Черчилль был бы рад стать ровней со Сталиным, но только мечтать об этом пришлось бы ему разве в бреду. Они во всем находились в разных категориях. И если в весовой и возрастной британский премьер имел явное превосходство, то во всех остальных столь же очевидно уступал Сталину. Уже само положение лидера одной из партий и временного главы правительства несопоставимо с тем постом, который тот же Березков назвал диктаторским. А в 1944 году СССР веско заявил о себе как вторая в мире после США сверхдержава, чего тогда нельзя было отнести к Англии.

Сохранять хорошие отношения с Черчиллем Сталину требовалось прежде всего для того, чтобы избежать противостояния Советскому Союзу объединившихся США и Англии. А оно могло осуществиться уже потому, что Сталин совершенно определенно показал свое категорическое

несогласие с планами Черчилля посадить в Польше правительство, находящееся в эмиграции. В этом вопросе Рузвельт не мог не поддерживать британскую позицию: перед президентскими выборами ему необходимо было сохранять хорошие отношения с американскими поляками.

Сталин не собирался пересматривать свое решение: правительство новой Польши должно быть дружественным к СССР. Никаких уступок своему британскому гостю в этом вопросе он делать не собирался. Потому старался подсластить столь горькую для премьер-министра пилюлю.

При встрече со Сталиным Черчилль поставил вопрос о масштабах влияния СССР и Британии в Европе. Он настаивал на предоставлении решающего слова своей страны в Греции. При этом предложил использовать, как он выразился, дипломатические выражения, избегая говорить о разделе сфер влияния, чтобы не раздражать американцев.

Сталин охотно поддержал это предложение, которое давало намек на сотрудничество СССР и Англии, противостоящих притязаниям США на мировое господство. Сталин подчеркнул это обстоятельство:

— Мне кажется, что Соединенные Штаты претендуют на слишком большие права для себя, оставляя Советскому Союзу и Великобритании ограниченные возможности. А ведь у нас с вами есть договор о взаимопомощи.

— Здесь у меня имеется один грязный документ, — сказал Черчилль, извлекая из нагрудного кармана листок бумаги, — содержащий соображения некоторых лиц в Лондоне.

На листке перечислялись Румыния, Греция, Югославия, Венгрия, Болгария и поставлены проценты влияния СССР и США с Англией — с другой стороны. Цифры показывали, что Румынию, например, предполагают ввести в сферу влияния Советского Союза, тогда как Грецию желают оставить западным союзникам (Польша в списке не фигурировала). Иначе как вмешательством во внутренние дела суверенных государств подобное мероприятие не назовешь, хотя

Черчилль не уставал повторять по разным поводам о принципах демократии. Сталин прочел написанное, поставил в углу синим карандашом галочку и отодвинул листок.

После паузы Черчилль произнес:

— Не будет ли слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие судьбы миллионов людей? Давайте лучше сожжем эту бумагу...

— Нет, держите ее у себя.

«Грязная бумага» осталась у британского премьера. Сталин лишь отметил, что с ней ознакомился. Он, в общем, придерживался молчаливой договоренности. Например, не стал вмешиваться в острый конфликт английских оккупационных частей с греческими коммунистами и их союзниками, выступления которых жестоко подавлялись. Сталин признавал важное значение позиции Греции в Средиземноморском регионе для Британии.

В знак дружеского расположения Иосиф Виссарионович принял приглашение Черчилля поужинать в английском посольстве. За столом хозяин упоенно рассказывал Сталину о своем недавнем посещении Италии, где его восторженно приветствовал народ. И услышал в ответ: «Совсем недавно они так же восторженно славил Муссолини».

Британский премьер разглагольствовал, высказываясь о сотрудничестве «трех великих демократий» как на войне, так и в будущем мирное время. И перешел на тему о моральной ответственности Англии за духовные ценности польского народа. Мол, Польша — католическая страна, и нельзя допустить, чтобы ее развитие осложнило отношения с Ватиканом.

— А сколько дивизий у Папы Римского? — задумчиво спросил Сталин.

Черчилль осекся. Он явно зарапортовался. Ведь не швейцарская рота Папы Римского освобождала Польшу, а советские войска и воюющие вместе с ними поляки. Английская церковь давным-давно стала самостоятельной. Черчиллевская забота о мнении Папы Римского слишком явно отдавала политиканством.

Советский вождь пригласил гостя в Большой театр, где в первом отделении показывали балет «Жизель», а во втором выступал Ансамбль песни и пляски Красной Армии. Присутствующие бурно приветствовали Черчилля и Сталина, появившихся в ложе. Последний отступил в тень, чтобы аплодисменты достались премьеру, а тот, в свою очередь, пригласил хозяина выйти вперед.

Во время антракта за ужином в небольшой гостиной кто-то сравнил «Большую тройку» политиков со Святой Троицей. Сталин продолжил шутку:

— Господин Черчилль, конечно же, Святой дух, он летает повсюду.

Посмеявшись, Черчилль с Иденом попросили провести их в туалет помыть руки. Они не пришли даже с третьим звонком. Когда вернулись, Иден пояснил:

— У премьер-министра там возникли некоторые новые идеи касательно Польши. Мы заговорились и не услышали звонков.

На следующий день, когда эти два британских политика были на приеме у Сталина в кремлевской квартире, он, указав на одну из дверей, сказал:

— Здесь ванная комната, где вы можете помыть руки, когда вам захочется обсудить важные политические проблемы.

...Так Сталин подтрунивал над Черчиллем. Но как же отвечал будущий нобелевский лауреат по литературе? Сколько-нибудь вразумительных, а тем более остроумных реплик, как говорится, не запечатлено в анналах истории.

Несмотря на новые идеи, осенившие Черчилля в туалете, польский вопрос был решен так, как требовали интересы СССР. Сталин и на прощанье продемонстрировал британскому гостю дружеское расположение, приехав на аэродром раньше него. Шел дождь. Сталин не вошел в помещение, оставаясь на улице. Черчилль был приятно поражен таким знаком внимания, пригласив Сталина и Молотова осмотреть его апартаменты в самолете, которые были прекрасно

оборудованы. «Теперь мне понятно, — улыбнулся Сталин, — почему премьер-министр так любит летать по белу свету».

Можно было бы объяснить необычайную благожелательность советского вождя к руководителю буржуазного правительства хитростью или даже коварством и лицемерием. Но последнее было, пожалуй, свойственно именно Черчиллю, который два года спустя в знаменитой и злобной фултонской речи объявил о закрытии «железного занавеса» и начале «холодной войны» против Советского Союза.

А Сталин доказал свое искреннее стремление к сотрудничеству уже вскоре, в конце 1944 года. Тогда англо-американские войска, столкнувшись с боеспособными дивизиями вермахта, попали в очень трудное положение. Части, которыми командовал Эйзенхауэр, оказались под угрозой разгрома. Он послал для консультации в Москву главного маршала авиации Теддера, но его прибытие задержалось. Тем временем положение Эйзенхауэра ухудшилось.

6 января 1945 года Черчилль передал Сталину: «Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января».

Ответ: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Прошло 10 дней, и в своем послании Сталину Черчилль сообщил: «От имени Правительства его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на восточном фронте». К февралю

была взята Варшава и части Красной Армии вышли к Одеру. Положение Эйзенхауэра в Арденнах резко облегчилось.

20 декабря Черчилль поздравил «маршала Сталина» с днем рождения: «...Я убежден, что Ваша жизнь весьма ценна для будущности всего мира и для постоянного укрепления уз, соединяющих наши обе страны. Поэтому когда я выражаю Вам добрые пожелания в день рождения, то это не является риторической фразой».

...Нелишне вспомнить, что одним из любимых героев Черчилля был Наполеон, тогда как Сталину был близок Кутузов (и то и другое отвечало характерам и склонностям двух политических лидеров). И еще: все-таки британский премьер не был искренним и честным другом Сталина, а уж тем более — Советского Союза.

Раздел мира триумvirатом

Знаменательно, что встреча глав трех ведущих мировых держав состоялась в Крыму, на территории СССР, освобожденной от гитлеровцев. Победа была близка, и пора было позаботиться о будущем. Не было сомнений, что зоны влияния Советского Союза и США будут значительно расширены. Главным образом за счет британских владений. Задача Черчилля была очень трудна: воспрепятствовать, насколько это возможно, такому процессу.

Обширнейший Тихоокеанский регион, за исключением крайнего северо-запада, а также нефтеносный Ближний Восток отошли под эгиду США. Средиземноморье осталось областью интересов Англии, с чем был согласен Сталин. Однако Восточная Европа и Китай, по логике вещей, должны были войти в социалистическую систему.

Какая логика имеется в виду? Прежде всего, определяемая участием сторон во Второй мировой войне и связанными с этим потерями. Здесь Советский Союз оставался, что называется, вне конкуренции. Потери американцев были на втором месте (из трех великих держав). Английские летчи-

ки и моряки проявляли героизм в борьбе с врагами, а вот доблесть и успехи наземных сил были куда скромней.

Центральную и Восточную Европу освобождали от гитлеровцев в основном советские войска. Было бы очень странно, если бы после этого Сталин пошел на уступки Черчиллю в территориальных спорах. Антисоветская позиция, занятая польским правительством в изгнании, и убийства его сторонниками на освобожденной территории воинов Красной Армии могли только укрепить Сталина в решении содействовать установлению в Польше народной демократии. А на эту страну у Черчилля был особый расчет. Однако обстоятельства складывались так, что в послевоенном переустройстве мира первенство принадлежало США и СССР.

...Сталин не встречал Черчилля и Рузвельта в Ялте, хотя был там раньше их. Проволочки с открытием второго фронта, попытки сепаратного сговора с Германией наложили свой отпечаток на межсоюзнические отношения. Черчилль ставил своей основной задачей на Крымской конференции укрепление своего влияния в Европе, обеспечение «баланса сил», сохранение Британской империи.

В этом он надеялся на поддержку американской стороны. Но, как пишет современный автор А.И. Уткин: «С самого начала конференции Рузвельт пытался найти общий язык со Сталиным, в значительной мере выступая против Черчилля».

Выступая, Сталин затронул важную тему, остающуюся актуальной поныне: о праве не только высказываться по какому-либо поводу (в данном случае — касающемся международных вопросов). «Такое право дешево стоит», — отметил он. Главное, иметь возможность добиться нужного решения. А буржуазная демократия имеет в виду именно право высказываться, причем в ограниченных масштабах, скажем, на определенной «парковой» площадке. При мощных электронных и печатных средствах массовой пропаганды — это очевидный обман относительно «свободы слова». Ведь нужна еще и свобода дела!

Когда перешли к польской проблеме, Сталин напомнил, что линию Керзона придумали и предложили не русские, а Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Ленин не согласился с такой границей. «Что же, — риторически спросил Сталин, — вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора».

Черчилль отстаивал позицию лондонского эмигрантского правительства Польши. Сталин дал ироничный и сокрушительный ответ: «Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Я думаю, что господин Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют меня диктатором, недемократом, однако у меня достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия».

Он резко осудил подрывную деятельность польских подпольщиков, агентов лондонского правительства, которые, помимо всего прочего, убили 212 военнослужащих Красной Армии. «Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело».

Черчилль возражал: нынешнее временное правительство Польши представляет менее одной трети польского народа (понимая, что такое заявление голословное, он дважды оговаривался: мол, возможны ошибки). Однако никаких серьезных доводов против сталинских аргументов так и не привел.

Говоря о послевоенной Германии, Черчилль обронил: «Если у нее вообще будет какое-либо будущее».

— Германия будет иметь будущее, — ответил Сталин.

По поводу предстоящих выборов в Польше Рузвельт высказал пожелание:

— Мне хотелось бы, чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений.

— О жене Цезаря, — отозвался Сталин, — так только говорили. На самом деле у нее были кое-какие грешки.

Пожалуй, Сталин намекнул на так называемые демократические свободы в капиталистических странах, где многое остается на словах. Избирателям предлагается делать выбор между двумя (тремя) буржуазными партиями, выражающими интересы богатых, которые контролируют практически все финансовые и информационные ресурсы.

В Крыму на одном из обедов Черчилль произнес обстоятельный тост:

— Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей...

Прервем его монолог. Конечно, «завоеватель» — неподходящее определение для Сталина. Он отказался от политики захвата чужих территорий, концессии мировой революции. Здесь бы вполне подошло слово «полководец» (военачальник, главнокомандующий). Но Черчилль по привычке западных деятелей хотел бы употребить — «диктатор», но остерегся. Итак, продолжим:

— ...Но немногие из них были государственными деятелями... Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру!

Был ли британский премьер искренним, или пытался польстить советскому вождю, сыграть на его честолюбии? Во всяком случае, Черчиллю было важно добиться расположения Сталина в вопросе о разделе сфер влияния.

В ответном слове глава СССР, в частности, сказал:

— В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: «А почему бы мне не обмануть моего союзника?» Но я как наивный человек считаю, что лучше не обманывать

своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга?

Судя по всему, это высказывание было обращено преимущественно к Черчиллю, который не раз пытался обмануть Сталина. И даже был намек на то, что главная ошибка британского «опытного дипломата» состояла в недооценке интеллекта Сталина, его памяти и сообразительности. В любом единоборстве ложное представление о своем превосходстве грозит поражением.

Сталинская политика была ориентирована не только на текущий успех, но и на будущее своей страны, советского народа. Только этим можно объяснить, например, принятое им решение о мирном использовании атомной энергии и грандиозный план преобразования (восстановления) природы, рассчитанный на многие десятки лет.

В Ялте он сказал своим немолодым союзникам: «Пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир по крайней мере на 50 лет вперед. Или, может быть, я думаю так по своей наивности?»

Может показаться странным такое навязчивое повторение слов о его наивности. Однако в данном случае они подразумевают откровенность позиции советского лидера, в отличие от его союзников. У Сталина были сведения о том, что гитлеровцы готовы пойти на сговор с англо-американским руководством для сдачи им Германии или даже совместных военных действий против русских.

Сейчас мы имеем все основания считать верными сталинские подозрения относительно будущего мирного сосуществования трех великих держав. Военные столкновения ему удалось предотвратить прежде всего благодаря мощи советской армии и всей страны. Но было бы наивно наде-

яться на то, что буржуазные правительства будут равнодушно взирать на успехи Советского Союза, на укрепление власти коммунистов в странах народной демократии. Началась острая пропагандистская кампания против СССР и коммунистических идеалов. Удалось использовать при этом антисоветские силы внутри этих стран.

В пропагандистской войне выигрывает наиболее хитрый, циничный, беспринципный, умеющий использовать правдоподобную ложь. Тем более что мечта о буржуазных материальных ценностях чрезвычайно заманчива для слишком многих служащих, не говоря уже о торговцах или руководителях, регулирующих огромные финансовые потоки...

Черчилль писал в военных мемуарах, что его политическая стратегия в марте 1945 года (после Ялтинской конференции) состояла в следующем:

«Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо незамедлительно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важное значение; в-шестых, Вена и по существу вся Австрия должна управляться западными державами...; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито... Наконец, — и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут».

Двуличность британского премьера выясняется со всей очевидностью. Да, слишком наивным оказался Сталин, который уговаривал прожженного политика не хитрить, не обманывать, не подличать.

«Разумеется, официальная позиция Черчилля оставалась прежней, — писал его советский биограф В.Г. Трухановский, — от ялтинских решений он тогда еще не отказался, но

в действительности, как он сам свидетельствует в мемуарах, его политика находилась в прямом противоречии с этими решениями».

Можно посчитать подобное лицемерие ловким дипломатическим маневром. Мол, что еще мог предпринять «маленький британский ослик» против громадного и свирепого «русского медведя»? Но ведь Сталин вовсе не использовал ни силу, ни обман в отношениях с союзниками. Он оставался верным своим обещаниям, не нарушал договоренностей, не предпринимал подленьких маневров за спиной своих партнеров. Так или иначе, его правда одержала победу.

Быть может, кому-то такое заключение покажется слишком предвзятым. В конце концов дипломатия вовсе не предполагает безупречной искренности и честности, а уж тем более наивности. Амброз Бирс назвал дипломатию «искусством лгать для блага родины».

Увы, слишком часто такое искусство направлено на вред одной или многим странам и на благо не столько своей родине, сколько определенным группам и социальным слоям. Это очень важное уточнение. Но дело еще и в другом. Вспомним, что Сталин не только на деле доказал свою верность союзническому долгу, но и добивался гарантий мирного сотрудничества на следующие десятилетия.

Но почему бы не предположить, что Сталин лицемерил, ведя двойную политику: на словах говорил одно, а исподтишка делал нечто прямо противоположное? Спору нет: предполагать можно многое. Обвинители Сталина и не то утверждают. Однако есть ли соответствующие факты? Нет.

А то, какие послания адресовал Черчилль Сталину в то самое время, когда писал, что «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира», демонстрирует следующий документ от 18 февраля 1945 года:

«От имени Правительства Его Величества выражаю Вам горячую благодарность за гостеприимство и дружеский прием, оказанные британской делегации на Крымской

конференции... К этому я должен добавить личное выражение моей благодарности и признательности... Я исполнен решимости, так же как Президент и Вы, как я уверен, не допустить после победы ослабления столь прочно установившихся уз дружбы и сотрудничества. Я молюсь о даровании Вам долгой жизни, чтобы Вы могли направить судьбы Вашей страны, которая под Вашим руководством показала все свое величие, и шлю Вам свои наилучшие пожелания и искреннюю благодарность».

Конечно, политика — дело тонкое. Но есть же еще и простая порядочность.

Да, мы оцениваем ситуацию с русских позиций, а также — объективно, по нравственным критериям (что, признаться, весьма наивно). Ну а почему бы не защищать позицию британского премьера? Хотя, конечно же, нет никакого смысла защищать или обвинять давно почивших государственных деятелей. Слишком многие их поступки были вынужденными.

Черчилль, например, был обуюн идеей сохранения Британской империи и защиты буржуазно-капиталистической системы. А если не для Рузвельта, то для сменившего его Трумена главной целью было воспользоваться тем, что война нанесла громадный урон СССР, Японии, Китаю и некоторым европейским странам, для установления мировой гегемонии США.

И все-таки приходится помнить о честности, о правде. А еще о том, что Сталин даже в неслегких политических ситуациях умел сохранять порядочность и чувство собственного достоинства. Правда была на его стороне.

Начало психологической войны

«Черчилль должен уйти». Под таким заголовком вышла в декабре 1944 года статья Герберта Уэллса. А 10 лет назад этот писатель и мыслитель беседовал со Сталиным. Тогда он говорил:

«В настоящее время во всем мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт... Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл только вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный».

(Сталин ответил: «Можно было бы сделать поумнее...»)

Итак, Уэллс писал: «Уинстон Черчилль, ныне являющийся будущим английским фюрером, представляет собой личность с набором авантюристических идей, ограниченных возможностями английской политической жизни. Он никогда не обнаруживал широты мышления или способности к научному подходу, равно как и данных в области литературного творчества.

Сейчас он, кажется, совсем потерял голову. Когда английский народ был сыт унижением в связи с неумной политикой находившейся у власти старой консервативной шайки, задиристость Уинстона выдвинула его на первый план. Страна хотела бороться, а он любил драку. Из-за отсутствия лучших оснований он стал символом нашей воли к борьбе. Эта роль уже изжила себя... Черчилль выполнил свою задачу, и уже давно пришло время для того, чтобы он ушел в отставку и почил на лаврах, пока мы не забыли, чем ему обязаны».

Это был очень тревожный звонок, к которому Черчилль не пожелал прислушаться. Да и не до этого ему было. Требовалось вести труднейшую борьбу за ускользающее ведущее место Англии в мировой политике, а значит, и за упрочение собственного авторитета. Но сохранить ни то, ни другое ему не удавалось.

Великая победа Красной Армии, советского народа показала всему миру колоссальную силу коллективизма, коммунистической идеологии, народовластия, политического курса Сталина. Хотя западные пропагандисты не уставали повторять о диктатуре советского вождя, здравый смысл подсказывал, что шла смертельная война с фашизмом, в которой восторжествовала правда, справедливость.

В предвыборную кампанию Черчилль обрушился на лейбористов, обвиняя их в стремлении к тирании, подавлению свобод, установлению социалистического строя. Договорился до полной чепухи, запугивая обывателя: «Если лейбористы победят на выборах, в Англии будет гестапо». Один из умных консерваторов дал верный прогноз: «Если он будет продолжать в том же духе, можно считать, что выборы проиграны».

15 июля он прибыл в Берлин на Потсдамскую конференцию глав держав-победительниц. Сталин предложил обсудить вопрос о разделе германского флота. СССР готовился стать великой морской державой, и Черчилль усматривал в этом угрозу британским интересам. Сталин спросил прямо:

— Почему господин Черчилль отказывает русским в получении германского флота?

— Я не против, — был ответ, — ...этот флот должен быть потоплен или разделен.

— Вы за потопление или раздел?

— Все средства войны — ужасные вещи, — попытался схитрить Черчилль.

— Флот нужно разделить. Если господин Черчилль предпочитает потопить флот, — спокойно сказал Сталин, — он может потопить свою долю...

Попытки союзников разделить Германию на самостоятельные провинции вызвали возражение Сталина:

— Это предложение мы отвергаем, оно противостоит естеству: надо не расчленять Германию, а сделать ее демократическим, миролюбивым государством.

В стане западных союзников сохранялись немалые противоречия. Англия пыталась преумножить свои заморские владения за счет колоний побежденных стран, в частности итальянских. Трумэн хотел обсудить этот вопрос, а Черчилль категорически был против (мол, что мы захватили — все наше). Высказался и Сталин:

— Из печати, например, известно, что господин Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия по-

теряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? (*Смех в зале.*) Это очень интересный вопрос.

— Я могу на это ответить, — отозвался Черчилль. — Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии!

Да, вместо того, чтобы сражаться с немцами в Европе, англичане предпочли несравненно более легкие, не сопряженные с большими потерями операции по захвату итальянских колоний. Сталин ответил:

— А Берлин взяла Красная Армия. (*Смех в зале.*)

...Во время Потсдамской конференции далеко отсюда, в американской пустыне Нью-Мексико, произошло событие, внесшее коренные изменения в мировую политику. 17 июля Трумэн получил загадочную радиogramму: «Младенцы благополучно родились». Это означало, что прошли успешные испытания атомной бомбы.

Лишь через неделю об этом решено было сообщить Сталину. В перерыве между заседаниями Трумэн, как было заранее условлено с Черчиллем, отвел советского руководителя в сторону и ввел его в курс дела. Черчилль буквально впился взглядом в лицо Сталина, чтобы уловить его реакцию на неприятную для него новость. Обладание «сверхоружием» делало США военным гегемоном в мире.

«Важно было узнать, — писал Черчилль, — какое впечатление это произведет на Сталина... Казалось, что он был в восторге... Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая свершилась, то это сразу было бы заметно... Но на его лице сохранялось веселое и благодушное выражение».

Закончив разговор, Трумэн подошел к Черчиллю и произнес: «Он не задал мне ни одного вопроса».

«Таким образом я убедился, — писал Черчилль, — что в тот момент Сталин не был осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали 400 млн фунтов стерлингов».

Вот уж поистине — на всякого хитреца довольно простоты. Убеденный в своей проницательности, Черчилль и на этот раз осрамился. Возможно, Сталин заметил его пристальное внимание к своей особе и нарочито сохранял видимость полнейшего благодушия.

По свидетельству Г.К. Жукова, сразу же после заседания Сталин в его присутствии рассказал Молотову о разговоре с Трумэном.

— Цену себе набивают, — сказал Вячеслав Михайлович.

— Пусть набивают, — усмехнулся Иосиф Виссарионович. — Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым, чтобы они ускорили работу.

Сталин не только знал, кто возглавляет советский атомный проект, но и был достаточно хорошо осведомлен о сути этих исследований (в отличие от Черчилля, которому, как известно, не давались точные науки). В СССР изучение урана и радия началось по инициативе академика В.И. Вернадского. Были открыты месторождения радиоактивного сырья и начата их разработка. Без этого, конечно же, никакие достижения физиков, химиков и технологов не помогли бы создать атомную бомбу.

Еще в 1940 году в СССР начались исследования, имеющие целью практическое использование атомной энергии прежде всего в мирных целях (именно поэтому в нашей стране была сооружена первая в мире АЭС). А осенью того же года В.И. Вернадский получил из США от сына Георгия, известного специалиста по русской истории, письмо со статьей журналиста У. Лоуренса, в которой говорилось, что в Германии ведутся работы по созданию «сверхбомбы».

Весной 1942 года Сталину о соответствующих работах, которые ведутся за рубежом, доложил Л.П. Берия, а раньше сообщил молодой физик Г.Н. Флеров. В Государственном Комитете Обороны тогда же был обсужден вопрос об организации научного коллектива с целью создания атомного оружия. Сталин выслушал выступающих, походил по кабинету в раздумье (положение на фронте было тревожное) и произнес:

— Надо делать.

...25 января 1946 года Сталин час обсуждал с И.В. Курчатовым не только работы над атомной бомбой, но и развитие науки в нашей стране. Но это уже — другая тема.

«Атомный шантаж», на который очень рассчитывал Черчилль в Потсдаме, не удался. Сталин сделал вид, что не понял, какой грозный козырь получили в свои руки американцы. Когда в августе 1945 года они испепелили два японских мирных города, в считаные минуты уничтожив более 200 тысяч человек, это уже было косвенным предупреждением для Советского Союза.

К тому времени у Черчилля настали черные дни. Прошло голосование в Англии, 26 июля должны были объявить его результаты, и к этому дню он вылетел из Потсдама в Лондон, уверенный в своей победе и в скором возвращении на конференцию. Он распорядился, чтобы в день триумфа в его лондонской квартире был устроен праздничный обед.

Обед состоялся, но настроение присутствующих было похоронное: консерваторы с треском провалились на выборах, и даже большинство солдат не поддержало своего премьера, считавшего себя выдающимся военным лидером. За праздничным столом он сидел подавленный, не в состоянии говорить (а уж он-то любил и умел произносить многословные речи), а его дочери не скрывали слез.

Правительству лейбористов досталось незавидное наследство: послевоенная разруха, начало распада Британской империи (целый ряд входивших в нее стран добились независимости), необходимость предоставить работу огромному числу демобилизованных военных... В то же время многие

влиятельные круги, связанные с производством вооружения, были заинтересованы в сохранении напряженности, запугивании своих граждан мнимой советской угрозой.

Зиму 1945/46 годов Черчилль провел в США, где встречался с Трумэном и другими деятелями, вырабатывая единую политику двух стран. Вместе с президентом он прибыл в город Фултон (штат Миссури), где 5 марта произнес программную речь. Она была вызвана объективными причинами: значительным укреплением авторитета СССР в мире, всемирной славой Сталина, увеличением числа социалистических государств и освобождением колониальных стран.

Низведенный с высокого поста Черчилль получил страшный удар по своему честолюбию. Не исключено, что он, любящий почести и стремившийся к вершинам власти, завидовал Сталину. Бывший премьер захотел выйти на ведущее место в мировой политике за счет резкого обострения отношений США и Англии с Советским Союзом. Провозглашая такой курс, он становился неофициальным лидером «западного мира», капиталистических англоязычных держав.

Кто опустил железный занавес?

В своей фултонской речи Черчилль реанимировал нацистскую идею, предложив создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», но вовсе не для культурного сотрудничества, а для создания объединенных англо-американских вооруженных сил. Он указал и общего врага — СССР. «Наша старая доктрина равновесия сил, — сказал он, — является несостоятельной. Мы не можем позволить себе полагаться на незначительный перевес в силах».

Каждому, кто знаком с военной стратегией, прекрасно известно, что небольшой перевес в силах гарантирует успешную оборону, тогда как для наступательных действий требуется значительное преимущество. Следовательно, именно такие действия он имел в виду.

Взаимопонимание с Россией, по его словам, должно «поддерживаться всей силой стран, говорящих на английском языке, и всеми их связями». Причем этого надо достичь незамедлительно, в 1946 году. А для полной ясности Черчилль добавил: «Судя по моим встречам с русскими, я уверен, что они больше всего восхищаются силой».

Переводя такие немудреные иносказания на простой язык, получится: пришла пора говорить со Сталиным с позиции силы; он вынужден будет пойти на уступки, в противном случае получит убийственные удары атомными бомбами. (Подобные удары по СССР наши «союзники» планировали.) И это после того, как еще недавно он возносил здравницы в честь Сталина и называл себя его верным другом!

Черчилль провозгласил полный разрыв со странами, входящими в социалистическую систему: «От Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатике, через всю Европу опустился железный занавес».

(За последнюю четверть века антисоветчики, рассчитывая — небезосновательно — на слабую память или неосведомленность граждан стран социализма, вели свою пропаганду так, чтобы создать впечатление, будто железный занавес — злодейское творение Сталина, стремившегося разорвать связи между европейскими странами и не допустить своих «темных рабов» в благословенный «буржуазный рай».)

Образное выражение «железный занавес» Черчилль не изобрел, а «позаимствовал» или, грубо говоря, украл у известного журналиста и политического деятеля... Йозефа Геббельса. Почти ровно за год до фултонской речи бывшего британского премьера тогда еще действующий министр пропаганды Третьего Рейха в статье «За железным занавесом» дважды упомянул о такой преграде, отделяющей Германию от России.

Впрочем, и Геббельс был не оригинален. Хотя он, возможно, и не знал, что еще в 1914 году бельгийская королева

Елизавета употребила тот же образ, говоря о наступающих на ее страну немецких войсках. Но и через несколько лет после этого британский посол в Берлине тоже упомянул о железном занавесе. (А вообще термин пришел в публицистику из театральной сферы: в прямом смысле железный занавес отделяет в противоположных целях сцену от зрительного зала; впервые был применен во Франции в конце XVIII в.)

С 1946 года понятие «железный занавес» прочно вошло в политический лексикон и крепко было вбито в головы обывателей, хотя непробиваемой преграды между капиталистическими и социалистическими странами не существовало. Если бы Черчилль полагал, что инициатором изоляционной политики будет Сталин, надо было бы подождать, пока это не произойдет, и обвинить его в разжигании вражды между народами.

Черчилль торопился обострить отношения с Советским Союзом, рассчитывая на значительное военное превосходство англо-американских войск, обладающих атомным оружием. Он думал, что Россия в ближайшее десятилетие наверняка не создаст «сверхбомбу». В разговоре со своим врачом Мораном он высказал предположение, что новая война может начаться в ближайшие годы или даже в начале 1947 года.

Ответ Сталина на фултонский вызов последовал не сразу. 13 марта 1946 года в газете «Правда» было опубликовано интервью с ним. Он отметил, что цель фултонской речи — «посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество».

У Черчилля был свой личный интерес: стать во главе антикоммунизма, сплотить вокруг себя влиятельных деятелей ведущих капиталистических держав, выступить как мировой лидер, вновь взлететь к вершинам политической власти. Им во многом руководило уязвленное самолюбие. Но замыслы его шли дальше, о чем и сказал Сталин:

«По сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателя войны. И г. Черчилль здесь не одинок, — у него

имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки» (намек, в частности, на Трумэна).

Возникает вопрос: почему честолюбивый Черчилль решился на такой отчаянный шаг — призывать к новой войне? Откуда вдруг теперь, после того, как выказывал свое расположение к Сталину и восхищался русским народом, словно вернувшись в далекое прошлое, проникся столь злобной ненавистью к СССР? Словно еще недавно не называл себя другом этой державы! Нагнетание военной истерии — преступление, побуждение к массовым убийствам, а применение атомных бомб — это уничтожение миллионов мирных жителей. Почему человек, называющий себя защитником демократии, решился на такое?

Прежде всего потому, что в его понимании «демократия» — это власть богатых, знатных, «избранных», а не народных масс и их защитников. Кроме того, он стремился вернуть Британии утрачиваемый ею статус сверхдержавы путем уничтожения главного конкурента — Советского Союза (США уже были недостижимыми, да и нужна была их поддержка).

Наконец, что особенно важно подчеркнуть: он убедился в растущем могуществе СССР и привлекательности для большинства трудящихся, особенно в слаборазвитых странах, идей социализма и коммунизма. Огромная духовная сила советской идеологии, подтвержденная невиданными победами в труде и войне, внушала страшные опасения маститому представителю буржуазного мира.

Кому-то из нынешних российских идеологов антисоветизма подобное заключение может показаться странным или даже нелепым: ведь в конце XX века рухнул СССР, а вовсе не США, например. Разве это не показатель его слабости?

Да, отчасти так оно и есть. Когда предатели народа способны пролезть (точнее — проползти) к вершинам власти в стране и совершить государственный переворот, оболванивая значительную часть населения, это свидетельствует

о каких-то серьезных дефектах политико-государственного устройства. Тем более что со времен хрущевизма восторжествовало единовластие номенклатуры КПСС, было опорочено имя Сталина и совершено немало других акций, подрывающих основы государственности и духовного единства советского народа.

Пора бы осознать, что «холодная война» была развернута Западом, чтобы подавить и уничтожить сильного конкурента на мировой арене. Иначе зачем бы вести нацеленную, полувековую непримиримую идеологическую войну, затрачивая на нее сотни миллиардов долларов? Почему бы не согласиться на мирное соревнование двух систем? Зачем вести войну на уничтожение, с немалыми потерями для себя, если противник и без того обречен на скорое вымирание, ослабнет, безнадежно отстанет и сам по себе зачахнет?

Ни Черчилль, ни другие солидные политики, так же как серьезные западные экономисты, не верили в такое развитие событий. Им было ясно: социалистический строй имеет решающие преимущества перед капиталистическим по многим параметрам; что он предпочтителен для народа, хотя и очень плох для тех, кто стремится к максимальному личному обогащению, к изобилию материальных благ для себя.

(В 1975 году авторитетнейшие эксперты ООН дали прогноз хода мировой экономики до 2000 года, в котором предвиделось ускоренное развитие именно стран социализма, что, пожалуй, заставило западных политиков напрячь все силы для подавления и расчленения этих стран. Нынешние колоссальные успехи Народного Китая доказывают верность давних прогнозов, а страшный упадок и деградация капиталистической России — гибельность для нее отречения от идеалов коммунизма.)

В открытом ответе Черчиллю Сталин подчеркнул глубокую безнравственность основных положений фултонской речи:

«Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, гово-

рящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы мира...

По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия г. Черчилля состоит в том, что он, как закоренелый тори, не понимает этой простой и очевидной истины».

Иосиф Виссарионович прав. Он вскрыл слабое звено в рассуждениях Черчилля. Попытка противопоставить англо-американцев всему остальному миру могла, конечно, возбудить в определенных кругах этих стран сильные националистические чувства. Но у большинства населения не только мира, но и США с Англией ничего подобного не могло быть уже потому, что только что завершилась победой война против нацистской Германии и такой же хищной и по-своему нацистской Японии. Идея расового превосходства была дискредитирована. При этом проявилось прежде всего духовное превосходство именно России—СССР.

«Г-н Черчилль, — продолжал Сталин, — утверждает, что Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Мо-

сквы. Г-н Черчилль квалифицирует все это, как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что г. Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства». И Сталин приводит такие доказательства, подчеркивая вопиющую нелепость ссылок британца на Берлин и Вену, где в Союзных Контрольных Советах из представителей четырех государств западные партнеры СССР имеют $\frac{3}{4}$ голосов.

«Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые, — напомнил Сталин. — Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза, как экспансионистские тенденции нашего государства?»

Может показаться, что ссылка на безумие оппонента — грубость и бестактность. Однако надо признать, что с Черчиллем после поражения на выборах консерваторов, которых он возглавлял, произошли какие-то серьезные психические перемены (да и возраст сказывался). Он позволил себе выпады и обвинения в адрес СССР, который после победоносной войны добился лишь незначительных территориальных приобретений (напомним, что царская Россия владела Финляндией и Польшей). Цинизм и низость таких обвинений особенно очевидны, ибо обвинял СССР полномочный представитель одной из наиболее хищных держав, поработившей многие народы, имеющей колонии — самой настоящей имперской страны, экспансия которой распространилась на все обитаемые континенты!

Был ли сталинский СССР империей?

Из-за личных непомерных амбиций и ради сохранения величия Британской империи Черчилль развязал «холодную войну» против СССР и стран социализма. Сталин ответил ему резко, воздав по справедливости. Былые личные симпатии двух политиков испарились при изменении международной обстановки. Предательская роль при этом выпала на долю британского лидера. А Сталин органически не терпел изменников, двурушников, нарушителей соглашений.

19 сентября 1946 года, после отдыха на берегу Женевского озера в Швейцарии, Черчилль выступил в Цюрихском университете. Ему пришлось продумать новую стратегию в «политических играх». Судя по всему, он учел замечания Сталина, потому завел речь не об англо-американском, а о европейском единстве. Задал риторический вопрос:

— Почему не должна существовать европейская группа, которая дала бы чувство повышенного патриотизма и общего гражданства обезумевшим народам этого бурлящего и мощного континента?

Докладчик вроде бы основательно подзабыл географию. Не учел, что помимо Западной существует еще и Восточная Европа, и обе они — часть света, тогда как континентом является Евразия. Но не это главное. Публике предлагалась новая геополитическая идея. Разочаровавшись в американском партнере, «Большом брате» с атомной дубинкой, Черчилль решил доказать центральное место Англии в новом послевоенном мире.

По его идее, существуют три сферы: Британская империя со всеми входящими в нее странами; англоязычные страны; объединенная Европа. Единственное государство, входящее во все эти сферы, — Англия, она же имеет возможность объединить их.

Ради чего создавать это объединение? Для экономического, торгового, культурного, научно-технического сотруд-

ничества самых разных государств не было никаких серьезных преград. Сталин не раз высказывал желание крепить сотрудничество социалистических и капиталистических стран. Не он предложил опустить между ними железный занавес.

Следовательно, у Черчилля речь шла о военном противостоянии. Возникает вопрос: неужели бывший враг Советской России, по необходимости ставший другом Сталина, действительно повредился рассудком из-за поражения партии консерваторов настолько, что возжаждал новой, еще более разрушительной войны, когда еще не зажили раны от недавней?

Такое предположение, конечно же, слишком наивно. Народы Англии и США не пошли бы на подобную авантюру. Да и Черчиллю для его целей достаточно было подогревать и будоражить общественное мнение угрозой войны. Никаких явных призывов к «крестовому походу» против советской власти он не допускал. Даже враждебную к ней фултонскую свою речь начал словами: «Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина».

Какие же цели преследовал Черчилль, нагнетая военную истерию? Прежде всего он заручался поддержкой влиятельных милитаристских кругов, заинтересованных в гонке вооружения, приносящей им огромные выгоды. Впрочем, на эту тему исчерпывающее объяснение дал Сталин 17 сентября 1946 года, отвечая на вопросы корреспондента английской газеты «Санди Таймс»:

«О «новой войне» шумят теперь главным образом военно-политические разведчики и их немногочисленные сторонники из рядов гражданских чинов. Им нужен этот шум хотя бы для того, чтобы: а) запугать призраком войны некоторых наивных политиков из рядов их контрагентов и помочь таким образом своим правительствам вырвать у контрагентов побольше уступок; б) затруднить на некоторое время сокращение военных бюджетов в своих странах;

в) затормозить демобилизацию войск и предотвратить таким образом быстрый рост безработицы в своих странах.

Нужно строго различать шумиху о «новой войне», которая ведется теперь, и реальную опасность «новой войны», которая не существует в настоящее время».

Он сказал, что безусловно верит в возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных буржуазных демократий, несмотря на существование идеологических разногласий, и в «дружественное соревнование» между двумя системами (к этому призывал крупный политический деятель США Генри Уоллес).

На вопрос об угрозе атомного нападения Сталин ответил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны считать ее некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны... Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существует, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено».

Советский вождь не счел нужным упоминать имя Черчилля, но отвечал, судя по всему, с учетом выступлений этого деятеля, временно вынужденного освободить кресло премьер-министра. Когда Черчилль через 6 лет вновь вернулся на Даунинг стрит, 10, многое в мире изменилось. Англия стала зависеть от США намного больше, чем в годы войны.

С первых же дней своего нового премьерства Черчилль заставил Вашингтон беспокоиться. На английского таксиста напал пьяный военнослужащий с одной из американских баз в Англии. Таксист оказался бывшим фронтовиком. Он скрутил своего англоязычного собрата и доставил его в полицию. По настоянию Черчилля этого шофера наградили за такие небоевые заслуги военной медалью.

Белый Дом ждали еще большие неприятности от беспокойного старика. Черчилль полагал, что независимость и мировой авторитет Англии могут быть обеспечены только

при условии обладания ею атомным оружием, доступ к которому для нее был перекрыт американцами. В конце концов Англия успешно испытала это оружие, хотя это мало сказалось на ее положении в мировой «табели о рангах», где доминировали США и СССР.

Англо-американские противоречия не прошли незамеченными Сталиным. Он постарался наладить хорошие отношения с США, о чем можно заключить по его высказываниям в ряде интервью и бесед. Зачем он это делал? Может быть, Советский Союз был хищником, ожидавшим удобного момента для того, чтобы наброситься на мирные западные государства? Может быть, Сталин лелеял маниакальную идею мирового господства?

Да, такая идея вдохновляла немалое число правителей великих держав. Достаточно вспомнить империю Александра Македонского, Великий Рим, империи монголов, Британии, фашистской Германии. Есть ли какие-то основания присовокупить сюда империю Сталина?

Для этого нет никаких оснований.

Многие, если не все, антисоветчики называли и продолжают называть СССР «империей» (наиболее подлые подпевалы Рейгана и Тэтчер — еще и «империей зла»). Это — ложь, рассчитанная на непритязательную публику.

Империя предполагает существование метрополии, гегемона и полностью подчиненных ее правлению колоний. Так было испокон веков. Причем метрополия, «имперская нация», имели во всем преимущества перед покоренными странами и народами.

Имела Российская Федерация какие-то привилегии в сравнении, скажем, с Эстонией или Грузией? Разве вели себя русские как оккупанты в республиках СССР? Разве эстонцы, украинцы или грузины не были полноправными гражданами в пределах огромной державы — от Балтийского и Черного морей до Тихого океана? Не секрет, что те же грузины, эстонцы, латыши, евреи, украинцы в большинстве своем жили богаче русских.

«Привилегии» у русских были — больше других — на фронте, — отдать свою жизнь за Родину. Да еще одно совершенно бесспорно: приоритет русской культуры, одной из величайших в мире. В отличие от настоящих имперских народов Запада, русские не подавляли, а тем более не уничтожали «инородцев»; национальная политика в СССР, руководимая Сталиным еще со времен Ленина, была наиболее человеческой для той эпохи.

Нынешние лукавые «гуманисты» любят ссылаться на «репрессированные народы», умалчивая, за что их подвергли наказанию и чем это для них обернулось. Многие (!) представители этих народов с приходом фашистов убивали десятки тысяч русских, евреев, коммунистов, партизан. Отыскать среди них преступников было невозможно из-за круговой поруки, а ссылать и расстреливать большинство мужчин — как поступили бы в подобных случаях немцы, англичане, американцы — было равносильно геноциду.

Переселенные народы за время войны и после нес значительно, порой втрое увеличились в числе (воевавшие с фашистами белорусы понесли колоссальный урон). Во время переселения, несмотря на суровые, тяжелейшие условия, потери среди высланных народов, как свидетельствуют документы, были небольшими.

Нет, Сталинская держава не была империей. Это был настоящий союз государств. Отчасти они были независимыми, а отчасти подчинены центральной власти (в которую входили представители всех республик). Иначе быть не могло. Даже интернациональные США устроены так.

В отличие от Англии, США, Италии, Франции, СССР никогда не выступал как агрессор. Даже военный конфликт с Финляндией, несмотря на полную нашу победу, не привел к оккупации этого государства, ставшего вскоре союзником фашистской Германии. Ввод наших войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии был необходим для того, чтобы отодвинуть нашу границу на запад. Если бы этого не произошло, то мы могли бы во время войны с фашистами потерять и Ленинград, и, возможно, Москву.

Почему страны бывают агрессивными? Не имея возможности развиваться на собственном субстрате — природном и народном — они стремятся захватить чужие территории, поработить другие народы. Для стран капитализма, ориентированных на материальные ценности, это необходимо. Но зачем захват чужих территорий и эксплуатация других народов для СССР? Неужели у нас и без того недостаточно «жизненного пространства» и мало народов, входящих в державу?!

Сознавая это, враги СССР утверждают, будто Сталин был обуян идеей мировой революции, мирового господства. Однако эти господа беспардонно лгут: пожар мировой революции, так же как Гражданской войны в России, разжигал Троцкий, идейный враг Сталина.

Послевоенная ситуация для нашей страны чрезвычайно осложнялась политикой Соединенных Штатов, готовых сбросить атомные бомбы на крупнейшие города СССР. Вскоре после окончания Второй мировой войны в Объединенном комитете начальников штабов США такая чудовищная акция предполагалась «не только в случае предстоящего советского нападения, но и тогда, когда уровень промышленного и научного развития страны противника даст возможность напасть на США либо защищаться от нашего нападения». Для этих целей они имели в 1948 году 56, а в 1950-м — 298 бомб.

Подумать только: подвергнуть страну атомной бомбардировке только потому, что возрос ее промышленный и научный потенциал, да еще прежде, чем она сможет предотвратить такой удар! Советское Правительство вынуждено было затрачивать колоссальные средства для создания атомной и водородной бомб и межконтинентальных ракет. И если США обогатились за счет войны, то нам приходилось восстанавливать разрушенное.

Сталин взял курс на строительство социализма в отдельно взятой стране. Он был искренним сторонником мира и сде-

лал так, чтобы в странах Восточной Европы «существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу». Так он писал, подчеркивая, что в этом нет ничего удивительного: страна должна «обезопасить себя на будущее время».

Даже ставший недругом Сталина югославский партийный деятель, а позже антикоммунист Милован Джилас свидетельствовал, что Иосиф Виссарионович был категорическим противником развязывания какой-либо войны. В феврале 1948 года на обсуждении в Москве текста югославско-болгарского договора Сталин резко выступил против обязанности сторон «поддерживать всякую инициативу, направленную... против всех очагов агрессии». Он возразил: «Нет, эта превентивная война — самый обыкновенный комсомольский выпад! Крикливая фраза».

Почему Иосиф Виссарионович осуществлял политику мирного существования, в отличие от правителей ведущих стран буржуазной демократии? По самой простой и очевидной причине: он был убежден в экономических, социальных, моральных преимуществах народной демократии, социализма. И эти великие достоинства сталинской системы Россия-СССР доказала на практике!

И тогда кто-то не без злорадства напомним: а какой ценой? Сколько страданий выпало на долю советского народа!

Да, страданий было немало. Но и победы были грандиозными! Великие успехи не даются легко. А после Великой Отечественной войны наша страна необычайно быстро не только возродила, но и значительно превзошла свой довоенный потенциал. Наш народ возрастал в числе (снижение смертности, увеличение рождаемости). От года к году советские люди жили все лучше и лучше. Таковы факты. Приведем некоторые.

Национальный доход СССР в 1950 году по сравнению с довоенным 1940-м увеличился в сопоставимых ценах на 64%. На личные нужды граждан пошло 74% национального дохода; остальное осталось в распоряжении государства, колхозных и кооперативных организаций.

Рост производства средств производства и продукции сельского хозяйства создал в стране надежную базу для развития промышленности, производящей предметы потребления. Общий объем продукции этой промышленности в 1952 г. больше, чем в 1940 г., примерно на 60%. В частности, кожаной обуви было произведено 250 млн пар, в 30 раз больше, чем в 1913 году. Объем промышленного производства в 1951 году по сравнению с 1929 годом увеличился почти в 13 раз.

А промышленность США в 1929–1939 годы топталась на месте и поднялась лишь за счет резкого увеличения военного производства в период Второй мировой войны; потом последовал спад и новый рост в связи с развертыванием войны в Корее, достигнувший увеличения объема в два раза в 1951-м по сравнению с 1929 годом.

В СССР валовой урожай пшеницы возрос в 1952 году на 48% по сравнению с 1940 годом. Достигнутый результат прочно закрепил за нашей страной первое место в мире по производству этой ценной продовольственной культуры, опередив США, Аргентину и Канаду.

За годы четвертой пятилетки было введено в строй свыше 100 млн кв. м жилой площади в городах и рабочих поселках. Кроме того, восстановлено и построено 2 млн 700 тысяч жилых домов в сельской местности.

По материалам, приведенным в газете «Правда», общее число учащихся в СССР на ноябрь 1952 года составило 57 млн человек (в 1914 г. в царской России едва превышало 8 млн), а в высших учебных заведениях ныне училось 1 млн 400 тысяч человек — в полтора раза больше, чем в вузах всех капиталистических стран Европы.

В 1938 году в СССР уже имелось кинотеатров в 1,3 раза больше, чем во всех крупных капиталистических странах, и в 1,5 раза больше, чем в США.

Подобные сведения кому-то могут показаться приемом сталинской пропаганды, «фокусами» советской статистики. Но следует знать, что Сталин жестоко карал за приписки и подтасовки фактов. Советская экономика вскоре после вой-

ны действительно достигла замечательных успехов и превысила довоенные показатели. Об этом свидетельствовали не только цифры отчетов, но и реалии нашей жизни.

Благосостояние советских людей улучшалось год от года, и цены, как известно, снижались. Есть объективный показатель нормального физического и морального состояния общества — прирост населения при снижении смертности. После войны в нашей стране прирост населения был выше, чем во всех развитых странах, а смертность неуклонно снижалась.

Приходится напоминать вновь и вновь: ныне русский народ вымирает физически и деградирует морально. Таков результат антисталинской и антисоветской политики.

Можно ли было предвидеть то, что произойдет при переходе от социализма к капитализму? Не стану приводить теоретические доводы. Сошлюсь на собственную статью, опубликованную в 1990 году в журнале «Слово». Это был фрагмент большой работы о путях развития России, которую я предлагал сначала в журналы «Коммунист» и «Новый мир», получив отказ от Е. Гайдара, а затем уклончивое «ни да, ни нет» от С. Залыгина. Вот что писал я:

«Пора бы отказаться от не оправдавшей себя гипотезы, будто экономика является базисом общества. Не лучше ли прислушаться к мнению мудрого русского философа Н.А. Бердяева: «Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу». Трудно с ним не согласиться.

Без честной взаимопомощи нет экономики, а есть воровство и расхищение богатств природы и культуры, без дисциплины нет производительного труда. Без труда нет прироста общественного достояния. Без духовного единства нет сплоченного общества. Без доверия народа к руководителям нет прочного государства. Без свободы меньшинства нет справедливости. Без приоритета народа над партией нет демократии. Духовное здоровье народа, культурные ценности и природная среда — залог и фундамент общественной жизни.

...Кто у нас выгадает от введения капиталистических отношений? Те, у кого крупные капиталы. Не имеющие капиталов (то есть те, кто имел наивность честно работать при так называемом социализме) — пролетарии физического и умственного труда — вынуждены будут продавать свои таланты и работоспособность. А у кого в нашем многострадальном обществе максимально весомые капиталы и возможности наилучшей жизни при капитализме? У партаппарата и крупных, а то и мелких хозяйственных деятелей. Преимущества именно у тех, кто сулил народу златые горы в будущем, предпочитая их для себя в настоящем.

...Цены продолжают расти, хотя и теперь они непомерно велики. Богатые продолжают воровски обогащаться, а бедные — беднеть. Внедрение в общественное сознание идеалов самого низкого, подлого и бессмысленного бытия, продажности, воровства и обмана разрушает социальные связи, плодит преступления, разжигает зависть и алчность.

...Наша система за десятилетия сформировала мощный многомиллионный класс “подпольных капиталистов”, обычно именующих себя пламенными коммунистами. (Они подлинные антикоммунисты уже потому, что не делятся с окружающими своими богатствами, а напротив — накапливают личные блага за счет трудящихся.) Среди них есть, конечно, и беспартийные, но и они намертво связаны с госхозпартаппаратом. Их всех панически страшит сталинизм. Это понятно. Репрессивный режим перемелет их в первую очередь. Но и народовластие их не устраивает: придется либо таить, либо отдавать свои несправедно нажитые богатства.

...Революционеры после победного переворота поднялись из подполья к вершинам власти. Ныне их преемники после перестройки готовы радостно стать из подпольных откровенными капиталистами. Они и сейчас ворочают миллиардами рублей, в личном владении имея сотни тысяч, а то и миллионы. Для них капитализм куда приманчивее персонального коммунизма. Главное — безопаснее.

...Стремительно развалилась социалистическая система. В стадии распада находится сам Советский Союз... Пока что мы идем к убогому капитализму с характерными для него массами пролетариев, группами экстремистов, явными правителями-демагогами и тайными правителями-дельцами, владетелями воровски нажитых капиталов».

Таким был мой прогноз. И он, увы, оправдался. А теперь нас превращают в точности по навету М. Тэтчер в Нижнюю Вольту с атомным оружием (а когда она это говорила, СССР был мощной сверхдержавой, превосходящей по своему экономическому и научно-техническому потенциалу и Верхнюю Вольту, и Великобританию, вместе взятые).

Перестраивать гигантскую систему при ускорении означает полное ее разрушение. А гласность предоставляли только врагам Сталина, а значит, и СССР. Скажем, журнал, в котором напечатали эту мою статью, имел тираж 32,8 тысяч экземпляров и выходил один раз в месяц, тогда как вещали «прорабы перестройки» на десятки миллионов людей десятки раз ежедневно.

Там, где СМРАП принадлежат имущим капиталы и власть, где господствуют выгода и продажность, где правят бал подлейшие, здравая и честная мысль вытесняется из массового сознания.

Мне припоминаются кадры кинокартины, увиденной два десятилетия назад в Западном Крыму: огромное стадо серых баранов следовало за крупным черным козлом, гордо несущим свои рога.

Конечно, не один я понимал, что происходит и к чему это приведет. Но что можно было противопоставить напору «строителей капитализма»? Они во главе с Горбачевым провозглашали «ускорение, перестройку, гласность!»

...В конце 1992 года, находясь в командировке на Белоярской АЭС, я познакомился с Владимиром Гетмановым, инженером, членом Совета Новосибирского общества «Память». Он подарил мне «Вестник» этого движения. Книжница интересная и поучительная, хотя с чрезмерным акцентом

на проблему еврейской нации в России XX века. Отчасти это было оправданно. Ведь по статистике в 1970-е годы в СССР на 10 тысяч человек приходилось научных сотрудников: 308 евреев и 51 русский. Странное соотношение.

Там же приведены статистические данные выпуска в СССР времен «перестройки» продукции промышленности и сельского хозяйства. Оказывается, и того, и другого было в достатке, но все в огромном количестве уходило за рубеж. «Граждане и кооперативы вывезли из страны в 1990 г. товаров народного потребления на сумму около 51 млрд долл. (в том числе в ПНР по 867 долларов на каждого поляка). В 1991 г. этот вывоз составил 180 млрд долл.

Вывезли, продали, а где же результат для страны? Где деньги?! И если постоянно нищает основная масса населения, то кто же тогда богатеет?»

Дело в том, что тогда у нас на внутреннем рынке цены были значительно ниже, чем вне страны. Это давало возможность для спекулятивных операций. Когда их стали осуществлять в государственных масштабах, но ради личного обогащения, в стране началась острая нехватка товаров народного потребления, зато появились в немалом количестве подпольные миллионеры.

В «Вестнике» была напечатана датированная 1990 годом эпиграмма В. Гетманова на Б.Н. Ельцина (писали, будто Ельцин был племянником члена коллегии НКВД в 1918–1920 годах Б.М. Эльцина):

Все преграды осилю
И упорным трудом
Перестрою Россию –
Как Ипатьевский дом.

(Напомню, Ипатьевский дом, в котором была расстреляна семья бывшего императора, а на то время гражданина Романова, был взорван распоряжением Ельцина по команде «сверху».)

И тогда вспомнилась мне объемистая книга некоего Михаила Капустина «Конец утопии?» («Новости», 1990), с посвящением: «Борису Ельцину, сокрушителю Утопии, с надеждой на возрождение России». Книга вобрала в себя всю «перестроечную» нечисть, приправленную множеством цитат, повыдерганных из сочинений авторов самых разных стран и времен.

В ней написано об организованном властью голоде 1933 года; о Сталине, великом злодее и параноике, убившем Кирова, уничтожившем цвет нации, «генералитет и едва ли не всех офицеров», совершившем чудовищные преступления против своего народа (хуже Гитлера!), загнавшем в лагеря десятки миллионов человек. В войне «вопреки ошибкам своего врага № 1 — Иосифа Сталина — народ наш победил». Только при Горбачеве и Ельцине «мы начинаем обретать себя среди человечества»...

Этот М.П. Капустин стал при советской власти профессором марксизма-ленинизма, защитил соответствующие диссертации, пролез в Союз кинематографистов. Стремясь влиться в руководящие ряды «прорабов перестройки», этот выходец из народа (выродок?) разом превратился в оборотня, в могильного червя советского общества. Его писания распространялись в многотиражных журналах, а упомянутая книга вышла тиражом 100 000 экз.

Сравним: тираж «Вестника» со статьями и эпиграммой В. Гетманова 999 экз. Вот она, гласность! (В те годы написал я сатиру «Торобоан», т. е. «Наоборот», где была строфа «И в демократии провал: / Госхозпартаппарат / Задерьмократизировал / Общественный уклад».)

Глава 7

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.

Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!

Тот же взгляд. Те же речи простые,
Так же скупы и мудры слова...
Над военной картой России
Поседела его голова.

Александр Вертинский

20 июня 1950 года в газете «Правда», выходявшей много-миллионным тиражом, появилась статья И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». С января по сентябрь 1952-го там же были опубликованы четыре его статьи, вышедшие затем под общим названием «Экономические проблемы социализма в СССР».

Официальная пропаганда, естественно, восприняла новые труды вождя с восторгом, хотя и без сколько-нибудь серьезного анализа. Позже, после смерти Сталина, стали раздаваться ехидные голоса по поводу этих сочинений.

Как тут не вспомнить начало стихотворения Юза Алешковского:

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознании постигший смысл и толк,
А я простой советский заключенный
И мне товарищ серый брянский волк.

Шутки шутками, а мне, закончившему 9-й класс, воспитанному на русской классической литературе, не разделявшему культ личности вождя, его статья о языкознании показалась какой-то странной прихотью. Я понимал: он руководит страной, несмотря на преклонный возраст, после страшного перенапряжения военных лет. И вдруг озаботился темой, которую не мог знать профессионально.

Затем на страницах «Правды» он ответил на письма читателей, высказавших недоумение по поводу некоторых положений его работы или даже возражавших ему. Выходило, что Сталин без тени сомнения представил свои заметки на всеобщее обсуждение.

Два базиса общества

Считалось, что великими теоретиками были Маркс, Энгельс, Ленин; Сталина называли продолжателями их дела. Но даже первые трое не писали трудов по языкознанию. Неужели Сталин уверовал в свою гениальность во всех науках? Неужели мало ему было почестей как главе государства?

Легко ему было участвовать в «свободной дискуссии», не имея серьезных оппонентов. Ведь главный из них — академик Н.Я. Марр — давно уже умер. Или в своем интересе к языкознанию Иосиф Виссарионович решил превзойти Екатерину II?

Она в 1784 году прочла солидный труд французского филолога и антрополога Кур де Жебелена и увлеклась идеей единого праязыка (как много позже и Н.Я. Марр).

Императрица даже принялась составлять сравнительный словарь всех языков. Собранные материалы она передала академику Палласу, который подготовил первый том под заглавием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Императрица никого не критиковала, философией марксизма не владела за неимением таковой, а потому ее изыскания в языкознании прошли бесследно, не представляя сколько-нибудь значительного интереса.

Впрочем, Сталин сразу же оговорился: «Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение».

Первый вопрос, на который пожелал он ответить: «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?»

Ответ был отрицательным.

Получалось вроде бы несоответствие с основным утверждением материализма. Если есть единый фундамент общества — экономический базис, то все прочее следует относить к надстройке. Это соответствует постулату: материя первична, сознание вторично. Одно из проявлений сознания — язык. Значит, он определяется материальным бытием и должен считаться надстройкой. Неужели Сталин с этим не согласен? Он что же — идеалист?

Сталин пояснял: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения».

Где в такой системе место языка? Стараясь перейти на позиции марксизма, академик Н.Я. Марр пришел к выводу, что язык следует отнести к категории надстройки. Его уче-

ники и последовали попытались возвести эту идею в ранг научной теории. Сталин возразил:

«Язык... коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, усилиями сотен поколений...

Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества».

Да, происходят революции, надстройки меняются, экономический базис тоже, а язык сохраняется. «Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична». Так писал Сталин.

Он напомнил, что Н.Я. Марр причислял язык и к надстройке над базисом, и к орудиям производства. Но орудия производства производят материальные блага, тогда как язык «ничего не производит или “производит” только слова». Сталин отделался шуткой: мол, «если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире».

Однако вопрос затронут серьезный, и вряд ли вождь случайно не стал продолжать свои рассуждения. Ведь выходит, что есть нечто более фундаментальное, менее изменчивое в своей сути, чем базис и надстройки! А разве язык как средство общения и развития людей не производит блага? Он их производит: косвенно — материальные, непосредственно — духовные.

Значит, наряду с материальным базисом общества существует и духовный, воплощенный, в частности, в языке. Возникают новые вопросы. Можно ли вообще проявления духовной культуры причислять к «надстройке»? Разве ре-

лигиозные верования меняются с изменением экономического базиса? Или радикально преобразуются философские учения, научные теории, формы искусства?

Нет, конечно. Меняются государственное устройство, социальная структура общества, политика, господствующая идеология. Изменчива и материальная база, техника. Но есть духовная культура, живущая по своим законам. А еще есть изменчивая природа — еще одна важнейшая категория, оставшаяся вне схемы.

Уклончивый ответ Сталина порождает массу вопросов. И это хорошо. Самое безнадежное, когда вынесены решения окончательные, не предполагающие дальнейших исследований, не имеющие развития.

Сталину приходилось не раз пренебрегать догмами марксизма-ленинизма. Жизнь невозможно уложить в прокрустово ложе любой теоретической конструкции. Развивая его мысли, можно творчески не только осмыслить, но и перевести на новый уровень концепцию базиса и надстройки — с более общей точки зрения, а не только с позиций политэкономии.

Глобальная цивилизация существует в лоне земной природы. Значит, единый первичный базис общества — биосфера. Есть и вторичные два базиса, определяющие суть цивилизации: материальный (техника, труд, экономика) и духовный (знания, вера, искусство, литература).

Правда, в таком случае мы достаточно далеко отходим от канонов марксизма. Но преодоление его окаменевших догм и есть путь развития научно-философских идей. Однако некому было вступить на этот путь, хотя уже существовало учение В.И. Вернадского о биосфере, А.Е. Ферсмана — о техногенезе (глобальной геологической деятельности человека).

В этом отчасти была вина Сталина. Как государственный деятель он вынужден был крепить господствующую идеологию, содействовать ее широкой пропаганде, что неизбежно сопряжено с упрощением, а то и вульгариза-

цией. Как мыслитель он сознавал, что требуется ее дальнейшее развитие, пересмотр устаревших догм, борьба мнений.

Но у него на это уже не оставалось времени.

О революции в науке

Октябрьский революционный переворот 1917 года вызвал бурное брожение в российском обществе, особенно среди деятелей культуры. Многих из них обуяла жажда ломать традиционные каноны, изобретать новые средства в изобразительном искусстве, в музыке, театре. Были попытки создать новый язык.

Иные ученые под впечатлением социального переворота были готовы, говоря словами С. Есенина, «здрав штапы, бежать за комсомолом», вносить революционные идеи, почерпнутые из трудов классиков марксизма-ленинизма, в науку. Но бывший пламенный революционер, а ныне государственный деятель Сталин не потворствовал таким поползновениям. На примере языкознания он предлагал каждому специалисту заниматься своим делом без оглядки на политическую конъюнктуру.

Вряд ли академик Марр желал приобрести какие-то выгоды из своего стремления осмыслить языкознание с позиций марксизма. Судя по всему, он искренно поверил в то, что такое победоносное учение, логически выстроенное и подтверждаемое победой социализма, открывает новые перспективы и в науке. Он шел, можно сказать, по следам классиков языкознания.

Например, Вильгельм фон Гумбольдт в мае 1802 года писал Фридриху Шиллеру, что для него «общая энциклопедия языкознания» связана с «философией и народовсдением». Но одно дело — связывать с философскими учениями (это происходит вольно или невольно во всех науках при переходе от частных проблем к обобщениям), а совсем другое — подчинять им научную мысль.

Сталин постарался доказать, что Марр и его сторонники неправильно поняли высказывания классиков марксизма. У Маркса в статье «Святой Макс» сказано, что у буржуа есть «свой язык», который «есть продукт буржуазии». Словно обучая ученых корректности в цитировании, Сталин привел им выдержку из той же статьи, где говорится о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией». И пояснил: «Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеют свой торгашеский жаргон».

Другой пример. Ф. Энгельс написал: «Английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия», а «рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия».

Это утверждение весьма сомнительное. Социальная группа не может быть «особым народом», кроме тех случаев, когда используются рабы-иноплеменники или господствуют иноземные захватчики. Энгельс допустил явное преувеличение. И это не такая уж безобидная оплошность. Ведь рабочий класс может «заразиться» буржуазным духом, стремясь к тем же идеалам комфорта, максимального материального благополучия, что и буржуа. Духовная жизнь общества и его отдельных социальных слоев не столь однозначно зависит от «экономического базиса». Об этом Сталин писал, отвечая на предыдущий вопрос.

Иосиф Виссарионович постарался поддержать авторитет классика марксизма: «Совершенно правильно, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны». И добавил: «Но при чем здесь национальный язык или «классовость» языка? Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в поль-

зу «классовости» языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия».

Он упростил проблему, не обмолвившись о возможности духовного перерождения пролетариев, рабочих, а то и самих коммунистов. А ведь для него это важное обстоятельство не было секретом. Он не стал касаться данной проблемы.

Проявилась характерная черта официальной идеологии: она стала подобием религиозного учения со своими непрекаемыми пророками и догмами, со своими «священными писаниями», мучениками и героями. Хорошо это или плохо? Вопрос некорректный. Так сложилось объективно, хотя и не без активной работы пропагандистов и агитаторов. Иначе нельзя сплотить общество. А религиозный метод, основанный на вере в авторитеты, пользуется немалой популярностью даже в науках, что объясняется особенностями психологии людей, склонных к догматизму и приспособлению к окружающей духовной среде.

Критикуя своих оппонентов, Сталин избегал грубого нажима и безапелляционных утверждений. Доказывал свое мнение, а не вещал неопровержимые истины. Вот характерный пример его рассуждений.

«Ссылаются на то, что одно время в Англии английские феодалы “в течение столетий” говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу “классовости” языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то.

Во-первых, на французском языке говорили тогда не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах. Во-вторых, они говорили не на каком-то «классовом» языке, а на обыкновенном общенародном французском языке. В-третьих, как

известно, это баловство французским языком исчезло потом бесследно, уступив место общенародному английскому языку. Думают ли эти товарищи, что английские феодалы и английский народ... объяснялись друг с другом через переводчиков, что английские феодалы не пользовались английским языком, что общенародного английского языка не существовало тогда, что французский язык представлял тогда в Англии что-то большее, чем салонный язык, имеющий хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии?»

Невольно подумаешь: как все просто! Почему же некоторые языковеды не додумались до этого?

Труднее пришлось ему с объяснением высказывания Ленина о существовании двух культур при капитализме: буржуазной и пролетарской. Защищая авторитет Владимира Ильича (прием, характерный для идеологии, религии, но не для философии, науки), Сталин утверждал: «Ленин здесь абсолютно прав... Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру».

Проблема слишком упрощена. Язык — одна из основ духовной культуры. Если им пользуются все социальные группы данного общества, то это означает, что у них есть общность в культуре. Писатель, публицист, композитор, художник вовсе не обязательно должны иметь четкие политические взгляды, пристрастия.

Кстати, сам Иосиф Виссарионович, защищая в 1929 году Михаила Булгакова от клеветников, доносчиков и завистников, ссылаясь на отсутствие у этого писателя и драматурга «партийности» (стало быть, о его непричастности к течению социалистического реализма). И не без скрытой иронии совествовал попытаться писать лучше, чем Булгаков. Когда писателя обвинили в правом уклоне, резонно заметил, что такие упреки применимы только к партийцам: «Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой

непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и прочее».

Как государственный деятель, Сталин считал своей первой обязанностью укреплять идейные устои Советского Союза, системы социализма. Этого же он требовал от мастеров (а более того — от подмастерьев) культуры. Могло ли быть иначе? Допустимо ли ставить интересы отдельных «творческих работников» выше национальных интересов?

Итак, основой любого общества служит материальная и духовная культура. Ее старается использовать в своих целях правящий класс. Идеология буржуа, озабоченного личным материальным благополучием, враждебна высоким идеалам культуры. Буржуазия охотно пользуется для своего удовольствия и воздействует на народные массы низшими ее формами. Хотя и среди буржуа не так уж мало ценителей шедевров искусства, литературы, философии.

Для Сталина сохранялся приоритет государственных интересов. После завершения двадцатилетнего революционного периода в России (1917–1937) он боролся с проявлениями междоусобицы и деструктивной анархии. Даже высказался против неизбежности революционных переворотов при капитализме. Это может показаться странным, но, как мне кажется, такой вывод следует из следующего его пассажа:

«Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам. Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение всякого производства... Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества».

...В XX веке Россия испытала колоссальные социальные потрясения, пережила три анархические революции и ряд «начальственных» переворотов. Подтвердилась точка зрения Сталина на устойчивость языка, в отличие от сравнительно быстрых и радикальных перестроек «надстроек» общества. За последние столетия русский язык, несмотря ни на что, не претерпел коренных изменений...

Впрочем, не прошло и двух десятилетий со времени буржуазной «перестройки» в нашей стране и установления капиталистических отношений, как явно проявился процесс деградации русского языка. Он замусорился иностранными словечками и выражениями, разговорная речь стала не только выхолощенной, упрощенной, что можно объяснить ослаблением интеллекта, но и непристойной, изгаженной матерщиной. Это относится и к обыденным разговорам (в частности, среди женщин и при них), и к печатным изданиям, и к театральным подмосткам.

Но все-таки русский язык остается в потенции все тем же. У части русских он не изменился. Вопрос лишь в том, как им пользуются. С развалом социалистического содружества государств и расчленением СССР престиж русского языка упал. Однако сам он сохраняется и будет жить, пока останутся люди, для которых русская культура родная.

Вот и Сталин на вопрос, каковы характерные признаки языка, ответил: «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Вне общества нет языка...

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе».

Сталин писал: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обзонасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать».

Эти слова могут вызвать недоумение или усмешку. Разве Сталин не знал, что господствует в общественных науках и философии учение марксизма? Да и в любых науках существует не только свободная борьба мнений специалистов, искателей истины, но и острое соперничество различных школ и направлений, возглавляемых одним или несколькими авторитетными учеными.

У Сталина нашлись оппоненты.

Завершает его работу ответ «товарищу А. Холопову». Начинается уважительно: «Ваше письмо получил. Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой». И называет два его предположения глубоко ошибочными. В их суть он не стал вдаваться, предпочитая, как поучал Козьма Прутков, смотреть в корень.

Вопрос: Маркс и Энгельс пришли к мысли о невозможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране, а создание СССР доказало обратное; значит, основоположники марксизма ошибались?

Нет, отвечает Сталин. Они были правы, но с позиций своего времени. Изменилась ситуация в мире, преобразился капитализм, а потому потребовалось пересмотреть их выводы с учетом новых реалий. По той же схеме он комментировал и положение Энгельса об отмирании государства после победы социалистической революции. Эта идея верна для своего времени и требует корректировки для конкретной обстановки XX века.

А. Холопов «поддел» вождя, сопоставив два его высказывания. В докладе на съезде партии в 1930 году Сталин гово-

рил, что после победы социализма в мировом масштабе национальные языки сольются в один какой-то новый язык. А в статье «Относительно марксизма в языкознании» утверждал, что в результате скрещивания двух языков один выходит победителем, а другой отмирает, без появления нового языка.

Сталин с издевкой пишет: обнаружив такое вопиющее противоречие, «т. Холопов приходит в отчаяние». Намекнув на его принадлежность к числу начетчиков и талмудистов, вождь пояснил, что в одном случае речь идет об эпохе до окончательной победы социализма, а в другом — после оной. Обе формулы справедливы, — каждая для своего времени.

Расправившись с оппонентом, Сталин завершает:

«Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решить любые вопросы в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни».

Что тут возразишь?

«Марксизм, — поясняет Сталин, — есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества».

Вот тут-то возразить хочется. Получается, будто марксизм поистине наука всех наук. Но такого быть не может. Есть сотни наук о природе. Разве может марксизм претендовать на решение проблем географии, геоморфологии, геофизики и геохимии, тектоники и стратиграфии, палеонтологии, экологии, микробиологии... Нет, конечно. Конкретным наукам марксизм не указ. Это одно из философских учений. Его претензии на познание законов природы и общества не имеют серьезного основания.

Став опорой официальной идеологии, это учение превратилось в религиозное, окаменело в догматизме. Наукой в общепринятом смысле его называть некорректно из-за неопределенности объекта исследования, распространяемого на всю природу и на общество.

Впрочем, обратим внимание на завершение сталинской работы: «Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма».

Складывается впечатление, что дискуссия по вопросам языкознания при целом ряде более или менее конкретных тем имела некоторую сверхзадачу. Появление этой работы Сталина большинство советских ученых, в первую очередь гуманитариев, восприняло со вздохом облегчения. Высказанные в ней суждения Сталина избавляли ученых от постоянной оглядки на догмы господствующей идеологии, приспособления к ним в любых случаях.

Например, в 1932 году в «Известиях Академии наук СССР» была напечатана статья В.И. Вернадского «Проблема времени в современной науке». Тотчас последовало резкое опровержение ее основных положений с позиций марксизма А.М. Дебориным. Он обвинил Вернадского в «ползучем эмпиризме», открывающем «двери мистицизму» (сослался, хотя и некстати, на некоторые высказывания Сталина о темпах развития народного хозяйства). И сделал вывод, что «оздоровление научной атмосферы, невиданный настоящий подъем научной мысли возможны лишь сознательным поворотом к философии диалектического материализма».

В ответ Вернадский откровенно заявил: «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система... не может достигнуть той общезначимости, которую достигает (только в некоторых определенных частях) наука». «Я как философский скептик могу спокойно отбросить без вреда и с пользой для дела в ходе моей научной работы все философские системы, которые сейчас живы».

Последовали какие-нибудь «организационные выводы» в отношении Вернадского? Нет. А ведь тогда начались репрессии не только в связи с коллективизацией и ее противниками. Прокатилась чекистская операция «Весна», когда арестовали тысячи царских офицеров и генералов, прежде сотрудничавших с большевиками, а теперь обвиненных в стремлении свергнуть существующую власть. Набирала силу кампания против «русских националистов» и «пособников буржуазии». Продолжались репрессии все теми же революционными методами. (Почти все, кто их осуществлял, понесли суровое наказание в 1937–1938 годах.)

Некоторые ученые, в частности из окружения В.И. Вернадского, подверглись репрессиям. Судя по всему, его судьба решалась на самом высоком уровне, и Сталин не дал его в обиду, так же как М.А. Булгакова. Конечно, можно обвинить вождя в том, что он создал репрессивную систему. Но в действительности она возникла — по объективным причинам — значительно раньше, чем он обрел едва ли не самодержавную власть. С середины 1930-х годов он стал все более активно бороться против революционных методов в управлении обществом.

Недрузи Советского Союза утверждают, будто Сталин допускал свободу мысли, суждений только для себя и не терпел возражений. Это неправда. По свидетельству многих, кто с ним общался в разные годы и подчас в экстремальных ситуациях (во время Отечественной войны или, как в его дискуссии с Михаилом Шолоховым, в период коллективизации), со Сталиным можно было спорить и он умел учитывать мнения, расходящиеся с его собственным.

Иосиф Виссарионович на старости лет с глубоким огорчением убедился, что научная и философская мысль в СССР находятся под тяжким гнетом окаменевших догм марксизма. Он запретил устраивать дискуссию по вопросам физики, на которой настаивали некоторые марксисты, в частности занимавшийся философией физики А.К. Тимирязев.

Часто говорят, что в СССР были запрещены генетика и кибернетика, готовились запреты на квантовую теорию, специальную и общую теорию относительности. Но следует отличать конкретные научные данные от их толкования. Другими словами — теоретическую и техническую науку от философии науки.

Некоторые фанатики, такие как Т.Д. Лысенко, стремились всеми правдами и неправдами утверждать свои взгляды. Но к генетике в те годы марксисты предъявляли претензии главным образом в связи с философскими обобщениями на их основе, а также из-за распространения идей евгеники — выведения гениев, лучших представителей рода человеческого, путем искусственного отбора, подобно породистым животным. После «разгромного» 1948 года многие отечественные генетики продолжали свои исследования.

Техническая кибернетика у нас всячески поощрялась. Иначе не были бы созданы отечественные ЭВМ, не удалось бы запускать космические ракеты, АЭС, создавать современное вооружение.

Другое дело — попытки некоторых зарубежных ученых и философов (например, Н. Винера или К. Поппера) с позиций кибернетики анализировать общественные явления. Они переходили от науки к политической демагогии, восхваляя «открытое» капиталистическое общество и клеймя «закрытое» социалистическое. Винер, между прочим, воспользовавшись новаторскими идеями А.А. Богданова, основателя теоретической кибернетики и теории систем (по его терминологии — тектологии), не ссылаясь на них. Вот тебе и представитель «открытого общества»!

Творческий марксизм

Был ли Сталин «твердокаменным марксистом» и убежденным материалистом? Вряд ли. Скажем, в 1934 году он критически отзывался о некоторых высказываниях Ф. Энгель-

са, огульно охаивавшего политику царского правительства. У него часто проскальзывали ссылки на бога (с маленькой буквы, но это вряд ли имеет принципиальное значение). Он сдерживал активность воинствующих безбожников.

Пожалуй, он был склонен к пантеизму и философии монизма. Он писал: «Единая и неделимая природа, выраженная в двух формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни».

Согласно его убеждениям: «Сознание и бытие, идея и материя — это две разные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом».

На мой взгляд, работа «Марксизм и вопросы языкознания» показала, что Сталина совершенно не удовлетворяла идеологическая работа, которую проводили партийные органы и многочисленные «начетчики и талмудисты» марксистского учения. Сталин попытался оживить его, вывести из состояния застоя. Опоздал!

Он покусился на обширные угодья, где безбедно паслись, жуя идеологическую жвачку и не утруждая себя излишними заботами, сотни тысяч преподавателей марксизма, партийных деятелей и пропагандистов. Он потребовал творческого подхода к марксизму у тех, кто утратил творческие способности в философии, став интеллектуальными импотентами. Были и талантливые марксисты, но в данном случае имеются в виду «массы идеологических работников», из которых выделились в виде мутного и дурно пахнущего осадка «прорабы перестройки» и «реформаторы».

Предвидел ли Сталин перерождение и вырождение мнимых коммунистов, представителей партийной элиты? Возможно, предвидел. Хотя кто бы мог ожидать такого масштаба, такой степени нравственного вырождения, который продемонстрировали бывшие члены КПСС, отрекшиеся к немалой своей выгоде от своих прежних убеждений.

Сталин повидал на своем веку немало предателей и перерожденцев. Он боролся с ними порой жесточайшими методами. Но искоренить их было невозможно. Сорняки, как известно, значительно более живучи и легче приспосабливаются к изменчивым условиям, чем культурные растения. Нечто подобное наблюдается и в общественной жизни, среди людей.

Даже при жизни Иосифа Виссарионовича партийные идеологи — огромная армия, руководимая многими членами ЦК КПСС, действовала так, как было ей привычно и выгодно.

Академик П.Л. Капица, будущий лауреат Нобелевской премии по физике, летом 1952 года писал Сталину:

«Вы исключительно верно указали на два основных все растущих недостатка нашей организации научной работы — это отсутствие научной дискуссии и аракчеевщина... После вашей статьи о языкознании, аракчеевщина у нас не прекращается, но продолжает проявляться в самых различных формах; я лично самую вредную форму аракчеевщины нахожу тогда, когда, чтобы исключить возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль... Аракчеевская система организации науки начинает применяться там, где большая научная жизнь уже заглохла, а такая система окончательно губит ее остатки».

В то время, если я не ошибаюсь, у Петра Капицы продолжался конфликт с Лаврентием Берия, который не утвердил его руководителем атомного проекта. Отсюда и слово «фельдфебельский». Как известно, проект был блестяще осуществлен под руководством Игоря Курчатова. Берия как куратор проекта и поставщик американских секретов, добытых нашими разведчиками, был в данном конкретном случае чрезвычайно важной и полезной фигурой.

Кстати, в отличие от П.Л. Капицы, соображения которого Сталин принимал к сведению заочно, И.В. Курчатов вечером 25 января 1946 года встречался с вождем и тогда

же занес в записную книжку свои впечатления. Беседа продолжалась примерно час. «Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране», — записал Курчатов.

Благодаря Сталину эти надежды полностью оправдались. У нас за кратчайшие сроки были созданы тысячи научно-исследовательских институтов, лабораторий, КБ. (Одним из крупнейших организаторов советской науки был В.И. Вернадский.)

Еще одна запись: «Т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом» В данном конкретном случае имелись в виду, по-видимому, проекты АЭС и атомной бомбы. Не обошел вождь и проблемы быта: «По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, имели свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина».

Как видим, Сталин вовсе не предлагал все богатства страны разделить поровну. Напротив, старался материально поощрять наиболее квалифицированных специалистов.

Но вот парадокс: именно из среды наиболее обеспеченных материально деятелей науки, литературы, искусств, идеологии вышли те, кто активнейшим образом содействовал буржуазной революции в СССР, свержению советского социалистического строя. Значит, у них были сугубо идейные соображения? Значит, они радели не за свои личные или групповые, а за общественные интересы?

С таким мнением трудно согласиться. Конечно, академик А.Д. Сахаров выдвигал свои политические идеи. Они были нелепы по той причине, что он плохо знал реальную

жизнь общества вообще и советского в частности, не имел опыта практической работы и товарищеского общения с «простыми людьми», был узким специалистом и находился под чрезмерным влиянием своей второй жены агрессивной антисоветчицы Е.Г. Боннэр. Он даже отказался от собственных детей; в США неплохо пристроились ее дети под его фамилией и в качестве его наследников.

Ум человека наиболее определенно проявляется в способности осознавать собственное незнание. А.Д. Сахаров в этом отношении оказался, как говорится, не на высоте. Но в любом случае он — трижды Герой Социалистического (!) Труда, лауреат разных премий — не правило, а исключение. Почти все другие антисоветчики были и остаются людьми корыстными, жаждущими славы и власти прежде всего над умами сограждан.

Ученые, которые ратовали за свержение социалистической системы, ссылаясь на подавление научной мысли в СССР, должны были бы со времен «перестройки» выдавать замечательные по качеству научные труды, совершать выдающиеся открытия в своих областях, а литераторы — создавать шедевры в стихах и прозе. Добились свободы творчества!

Увы, получилось наоборот. И если получали за это время кто-то «из наших» Нобелевские премии, то лишь за то, что им удалось сделать в СССР.

Все это не означает, что в Советском Союзе при Сталине была обеспечена всем и во всем творческая свобода. На этот счет в любом государстве существуют ограничения — политические, нравственные, экономические. У нас серая армия идеологических работников бдительно пресекала попытки отклониться от марксизма-ленинизма в философских и научно-философских исследованиях. Но и эти преграды удавалось преодолевать.

К сожалению, в СССР господство «единственно правильного» учения марксизма-ленинизма, которое вдобавок называли научным, а не только философским, принесло немало вреда прежде всего тем, что под его прикрытием, как

верно отметил Сталин, к высоким должностям и званиям в науке и философии пролезали бездарные беспринципные люди. Но легко ли было с этим бороться?

Сталин был не только одним из главнейших создателей новой общественной системы, но и ее заложником. Превращение марксизма в идеологическое учение религиозного типа вынуждало вождя поддерживать такое положение. Даже отступая от его догм, он подыскивал оправдания, выискивая соответствующие цитаты Маркса, Энгельса, Ленина.

Впрочем, он не был догматиком. Это стало ясно еще летом 1917 года, когда в ЦК РСДРП(б) обсуждался вопрос о возможности строительства социалистического общества в России. Тогда при активнейшей поддержке Троцкого стало преобладать мнение о том, что только мировая революция может низвергнуть капитализм, и первыми при этом будут наиболее индустриально развитые страны Запада. Русскому народу предназначалась роль «запала» в разжигании мирового революционного пожара.

Выступая на VI съезде РСДРП(б) с политическим отчетом ЦК и докладом о политическом положении, Сталин отстаивал свою позицию, расходившуюся с догмой марксизма. Он говорил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, прокладывающей путь к социализму». Он убедительно обосновал этот тезис и сделал вывод: «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Беда теории социализма и коммунизма, диалектического и исторического материализма в том, что творчество в этих областях знаний, философии было резко ограничено. Застой, вызвавший деградацию марксистской мысли после смерти Сталина, содействовал внедрению буржуазной идеологии. Это стало одним из факторов крушения СССР.

Сталин обладал редким умением просто рассказать о сложных проблемах, вскрыть их суть. Таково одно из неслыханных качеств мудрого человека. Глупец, обремененный образованием и учеными званиями, путано рассуждает о простых предметах. Ему чужда истина, высказанная писателем Амброзом Бирсом: образование умному открывает, а от глупого скрывает бездну его незнания.

Умный и честный экономист-теоретик имеет возможность осознать свое незнание, ознакомившись с экономическими реалиями, конкретными проявлениями хозяйственной деятельности, а не только со статистическими показателями. У Сталина такой опыт был.

Воспеватели частной собственности и конкуренции утверждают, будто именно на таких опорах покоится благосостояние богатейших стран капитализма. Для тех, кому не пошел впрок урок отказа нашей страны от социализма, приведу высказывание американского известного ученого (и по совместительству миллионера) Артура М. Шлезингера из его обстоятельной работы «Циклы американской истории»:

«Миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства, оказался на редкость живучим. Этот миф одновременно льстил самолюбию бизнесменов и служил их интересам. Он оставался главным символом делового мира, лейтмотивом пропаганды монополий». И еще: «Механизм саморегулирования рыночного хозяйства, если он и существует, обходится слишком дорого и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане».

Конечно, и у планового хозяйства имеются определенные недостатки. Но они касаются частных и могут быть учтены и исправлены при умелом руководстве.

В июле 1948 года Н.С. Хрущев написал Сталину о необходимости окончательной коллективизации: «Наиболее

радикальным путем, на мой взгляд, является проведение полного и единовременного обобществления крупного рогатого скота с компенсацией колхозникам за проданный на фермы скот. При этом надо отказаться от помощи колхозникам в ликвидации бескоровности и принимать меры к удовлетворению их потребности в продуктах животноводства через колхозные фермы». Вдобавок: «сократить размеры приусадебных участков колхозников» и «повысить установленный уровень трудодней».

Как видим, «наш дорогой Никита Сергеевич» (так назывался фильм периода культа его невзрачной личности) оставался на позициях троцкизма, архиреволюционности. Сталин счел эти бредовые предложения излишком усердия при недостатке ума (придя к власти, Хрущев постарался отчасти реализовать свои планы, чем заслужил ненависть крестьян).

Говорят, после такой инициативы Хрущева Сталин на одном из заседаний подошел к нему, погладил по плешивой голове и пошутил: «Наш маленький Карл Маркс». Можно предположить, что Никита Сергеевич при этом стыдливо улыбался, поклявшись в душе отомстить вождю, хотя бы после его смерти.

В своей работе Сталин высказался о таком предложении резко: «на этот бессмысленный и преступный путь... не могут пойти марксисты, ибо такой путь подорвал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата».

Иосиф Виссарионович оставался реалистом. Он сознавал, в каких тяжелых условиях вынуждены трудиться сельские жители, и не желал усугублять их трудности для наибольшего удовлетворения потребностей горожан и во имя скорейшего торжества коммунизма, что провозгласил демагог Хрущев, придя к власти. В отличие от него и его преемников, Сталин не давал лживых обещаний, не подлаживался к «народным массам», а на деле старался облегчить жизнь советским людям.

...По мнению французского историка Н. Верта, Сталин в то время был занят лишь интригами, пребывая в паранойе: «Изолировавшись из-за своей подозрительности от всех, избегая церемоний и приемов, зная о жизни страны только по разукрашенным картинкам официальных докладов, стареющий Сталин проводил теперь большую часть времени на своей даче в Кунцево». Тут верна только последняя часть тирады. Церемоний и приемов Сталин избегал всю жизнь. А вот каких-либо «разукрашенных картинок» (нелепое выражение) в официальных докладах он не терпел и карал за них сурово.

Сталинская общественная система вряд ли создавалась и укреплялась только под воздействием воли и таинственного конструкторского гения вождя. Он действовал как реалист и прагматик, а не как революционный вождь, обуреваемый идеями о скороспелом построении идеального общества. Основательно изучал социально-экономические теории. Но это вряд ли заставило его довериться этим знаниям. Тот, кто занят практической деятельностью, быстро понимает, насколько она далека от теоретических концепций. Не случайно же гипотез и теорий множество, тогда как реальность единственна и неповторима.

Сталин полагался в первую очередь на реальность. Управление обществом в чем-то подобно попытке управлять природной стихией. Тут главная задача — не идти стихии наперекор, осмысливать или ощущать ее поведение. Как говаривал английский философ Фрэнсис Бэкон: «Природа побеждается только подчинением ей». Вот и Сталин старался предлагать и осуществлять действия, соответствующие естественному процессу общественного развития. В противном случае под его руководством страна развалилась бы в считанные годы (что и случилось после того, как ее стали «перестраивать» деятели горбо-ельцинского призыва).

Итак, Сталин не предполагал бороться с сельскохозяйственной артелью, с искони русской общиной. В отличие от Столыпина, желавшего ориентировать сельское хозяйство

на западный фермерский лад (его реформа провалилась, содействуя революции в России), и Хрущева, желавшего изъять колхозную собственность и урезать личные угодья колхозников, Сталин не оглядывался на Запад и не следовал слепо марксистской теории. Он исходил из российских реалий, в частности худших условий для сельского хозяйства, чем в Западной Европе. Считал целесообразным, чтобы колхозной продукцией как своей собственностью распоряжались сами колхозники. Земля передана им в вечное пользование, но без права ее продать, купить, сдать в аренду, заложить.

При социализме, по его словам, сохраняется товарное производство (но без капиталистов и купли-продажи рабочей силы), действует закон стоимости. «В связи с этим, — писал он, — на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т. п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости». Это, как он пояснил, содействует лучшей организации народного хозяйства, дисциплинирует хозяйственников и т. д.

Иосиф Виссарионович высказывает мысль чрезвычайно важную, показывающую его как мудрого государственного деятеля, а не как временщика. Правда, она сформулирована тяжеловесно. Вот его слова:

«Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10–15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов,

разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами».

Смысл ясен. Есть два вида рентабельности. Одна предполагает скорую выгоду для отдельных предприятий или отраслей производства. Другая ориентирована на перспективу и пользу для всего народного хозяйства. Первая приносит доход отдельным группам, вторая исходит из общественных интересов.

При капитализме, конкуренции, стихийном рынке преобладает, естественно, первый вид рентабельности. При социализме — второй. Но и в Японии, например, принцип «долгосрочной рентабельности» был осуществлен, когда был взят курс на развитие микроэлектроники, которая в первые годы была убыточной отраслью. Подобных примеров немало. Они показывают, что система капиталистического хозяйства не так консервативна, как предполагали Маркс и Ленин. Ее удалось обновить и усовершенствовать, введя элементы «сталинского социализма», в частности планирование на долговременной основе.

Но есть ограничение, которое вряд ли способна преодолеть система власти капитала, частной собственности на средства производства, конкуренции. Это — рентабельность высшего уровня, экологическая. Она предполагает улучшение окружающей природной среды, что в конечном итоге, хотя и не сразу, принесет не только общественную пользу, но и спасет человечество от вымирания и деградации.

Грандиозное мероприятие, предполагающее экологическую рентабельность, было осуществлено при Сталине после окончания Великой Отечественной войны. Было решено восстанавливать не только народное хозяйство, но и природу нашей Родины, пострадавшую от военных действий и от многовековой эксплуатации, в частности от вырубки и выжигания лесов, обеднения почв, эрозии земель, снижения уровня грунтовых вод. Был принят «Сталинский план преобразования природы».

Подобные мероприятия рекомендовал еще в конце XIX века В.В. Докучаев. Но выполнить это в условиях развивающейся в России капиталистической системы было невозможно.

Преобразование, а точнее, возрождение природы — создание лесополос и регулицию поверхностного стока на огромной территории Европейской части СССР — принесло ощутимую пользу только будущим поколениям, примерно через 20–25 лет, и это продолжается до сих пор, хотя в России и на Украине об этом предпочитают помалкивать. Да и в СССР с хрущевской поры эту замечательную инициативу Сталина замалчивали. Почему его, а не Докучаева? Потому что высказать идею — одно, а осуществить ее в таких масштабах — совсем другое.

В наше безумное и бесстыдное время об экологической рентабельности речи быть не может. В России национальные богатства расхищаются на радость олигархам и их подельникам, на благо не отечеству, а иностранцам, инородцам и вообще зарубежным государствам. Истощая природные ресурсы страны, нынешние поколения расхитителей готовят не только демографический и культурный, но и экономический крах России в достаточно близком будущем.

...Проблемы экономической и экологической рентабельности необычайно актуальны не только для нашего времени и нашей страны, но для существования глобальной технической цивилизации. Сталин, вождь и диктатор, в зените своей мировой славы, на склоне лет думал о будущих поколениях, заглядывая на многие десятилетия вперед. Нынешние правители, «глобальные владыки» (ГВ), ряженные в демократов и либералов, озабочены текущей суетой, личными и клановыми интересами. Они, как было сказано в Евангелии, слепые поводыри слепых, тянут мир в пропасть.

В чем суть экономики капитализма по Сталину?

«Главные черты и требования основного экономическо-го закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение макси-

мальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей».

Он подчеркнул — **«современного капитализма»**, не исключая его изменений. Оговорился: «можно было бы», «примерно таким образом». Значит, не был уверен, что полностью исчерпал тему. Да, за счет ограбления других стран можно улучшить материальное состояние своих граждан. Но это не меняет сути дела. Капиталисты ориентируются именно на максимальную прибыль, что и заставляет их идти на такие рискованные действия, как войны, захват других государств.

А в чем коренное отличие социалистической экономики?

«Вместо обеспечения максимальных прибылей — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от подъема к кризису и от кризиса к подъему, — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники».

Капиталист подчас не заинтересован тратить средства на создание и внедрение новой техники, если она не принесет ему в ближайшие годы максимальных прибылей.

Социализм сталинского образца приближался к этому идеалу. Хотя вождь отдавал себе отчет в том, что на практике далеко не всегда получается так, как в теории. Он писал: «Что касается планирования народного хозяйства, то оно может добиться положительных результатов лишь при соблюдении двух условий: а) если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства, б) если оно соотносится во всем с требованиями основного экономического закона социализма».

...Материальные потребности необходимы для того, чтобы жить, духовные — чтобы жить по-человечески.

Надо еще учитывать масштабы и характер потребностей. Стремление к обогащению и приобретению самых разных материальных ценностей практически не имеет предела. И если удовлетворять его в первую очередь, то ни на что другое не хватит ни времени, ни средств, ни сил.

Вот почему при социализме возникает проблема ограничения материальных потребностей тех, кого они чрезмерно привлекают. Иначе экономика страны будет ориентирована в этом направлении. А так как материальные потребности постоянно растут, то духовные, поставленные на второй план, будут сокращаться.

Создаются благоприятные условия для укоренения в обществе буржуазных ценностей и соответствующего мировоззрения при любом государственном устройстве. Социализм будет постепенно вырождаться в капитализм с его культом богатства, выгоды, максимальной прибыли.

Не случайно Сталин писал об удовлетворении растущих и материальных, и культурных потребностей. Он не отдавал преимущества ни тем, ни другим. Хотя, безусловно, многое зависит от конкретных условий.

После Великой Отечественной войны многие советские люди жили впроголодь, в трудных жилищных условиях. У нас было разрушено 1710 городов; 25 миллионов человек осталось без крова. Вдумайтесь в эти цифры! А мы еще помогали восстанавливать Польшу и Восточную Германию, тоже пострадавшие больше других стран (об этом успели забыть слишком многие поляки и немцы, а наши антисоветчики сознательно замалчивают огромные трудности, которые за несколько лет смог преодолеть советский народ).

В экстремальных условиях, когда речь идет о спасении людей от голода и холода, требуется обеспечить им хотя бы самые необходимые жизненные блага. Но по мере их удовлетворения на первый план должны выходить духовные потребности. Из них образование, например, предполагает

и общественную пользу, повышение квалификации работников.

Но за первичными, обязательными материальными потребностями у людей следуют вторичные, без которых в принципе можно обойтись, а за ними — третичные, уже избыточные, излишние, типа роскошных личных яхт, самолетов, наиболее дорогих автомобилей, драгоценностей... Какая-нибудь «жалкая ничтожная личность» (говоря словами Паниковского из «Золотого тельца») обрывает эти предметы, становится их рабом и вызывает зависть и желание этому подражать у многих тысяч таких же мелких душонок.

Вот против чего категорически выступал Сталин. И был безусловно прав.

Проект учебника политэкономии он прочел внимательно. Об этом свидетельствуют некоторые его замечания по, казалось бы, мелким вопросам. В проекте говорилось: «Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании корову, мелкий скот и птицу». Сталин предложил ориентироваться на Конституцию СССР, где сказано: «Каждый колхозный двор... имеет в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь».

Выходит, следует писать о личной собственности. Замена одного слова имеет принципиальное значение. (Когда враги СССР утверждают, будто колхозники находились в положении рабов, а оплачивался их труд скудно, они забывают о личном подсобном хозяйстве колхозников, которое служило им серьезным подспорьем.)

Колхозников удерживали от переселения в город, лишая городской прописки. Таковы диктаторские методы, ограничивающие свободу проживания. Но они были оправданны. Немалое число молодых людей не желало заниматься нелегким крестьянским трудом, а гналось за «длинным рублем» и, как им казалось, легкой городской жизнью. А русский народ издавна рос и обретал силу именно на родной

почве, и следовало эту традицию продолжать даже в эпоху торжества техники.

Кроме того, невозможно было в полной мере использовать материальную заинтересованность для поощрения колхозников из-за экономических трудностей, сопряженных с восстановлением народного хозяйства и созданием «ядерного щита» для защиты от атомного нападения США. Оставалось только «привязать» колхозников к родной земле как собственника, имеющего личное подсобное хозяйство.

Еще одно слово предложил заменить Сталин. В проекте учебника говорилось о сращивании при капитализме монополий с государственным аппаратом. Иосиф Виссарионович возразил:

«Выражение «сращивание» не подходит. Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение монополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополиям».

И тут он угодил не в бровь, а в глаз. Не только «проклятым империалистам» в бесстыжие очи, а нынешним — отечественным «реформаторам». Разве у нас государственный аппарат не подчинен интересам олигархических кругов? Подчинен. Чтобы это понять, достаточно посмотреть, «кому в РФ жить хорошо», кто постоянно богатеет. Они находятся под опекой государства не потому, что с ним просто соединились в экстазе. Нет, они, захватив власть в свои руки, используют ее в своих целях.

Сталин предпочел выступить не как пророк (у нас-то теперь лжепророков предостаточно!), не как демагог, а весьма тактично и убедительно высказал свои замечания, уточнения и предложения.

Еще раз подчеркнем: он старался показать, что необходимо заботиться не только о росте благосостояния граждан и максимальном удовлетворении их постоянно растущих материальных потребностей. Столь же важно расширять

пределы культурных запросов, приобщать людей к духовным ценностям.

Бесспорно, важнейшая задача государства — ликвидация нищеты, уменьшение смертности населения и увеличение продолжительности жизни (она в современной России, в отличие от сталинской, так и не решена). Но не следует забывать о духовной культуре, повышении интеллектуального уровня народных масс. Иначе рост материальных потребностей будет подстегивать экономику, а она, в свою очередь, попадет в зависимость от этого фактора. Возникнет система с обратной связью, которая будет ускоренно развиваться в данном направлении.

Казалось бы, что тут плохого? Люди будут жить все лучше и лучше, богатых станет все больше, и в конце концов осуществится принцип коммунистического общества: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Нет, не так все просто. Рост производства продукции сопряжен с увеличением нагрузки на природу, биосферу, вызывая оскудение природных ресурсов, загрязнение и деградацию окружающей среды. Надо учитывать отдаленные последствия глобальной технической деятельности и рентабельность производства и на ближайшие, и на дальние сроки.

Тем и отличается человек от животного: способен продумывать не только бездны прошлого, но и далекое будущее, озабочен не только повседневной суетой, но и тем, что расширяет пределы своего бытия.

«Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука», — писал А. П. Чехов.

Необходим существенный переворот в общественном сознании: люди должны разумно ограничивать свою жажду максимального комфорта, изобилия материальных благ, отдавая первенство духовным ценностям.

Как осуществить такую культурную революцию?

Воспитанием и образованием, повышением нравственного и умственного уровня не только трудящихся, но и служащих, интеллектуалов. Последние стремятся угодить своим покровителям, финансистам, имущим власть и капиталы. Именно эти социальные группы наиболее заражены буржуазным мировоззрением, которое, как духовная зараза, распространяется с неудержимым напором.

Сталинская Система

Вспомним детское английское стихотворение «Дом, который построил Джек». В нем постепенно складывается все более сложная система взаимосвязей, присоединяющих к этому дому все больше и больше действующих лиц, расширяющих связанное с ним пространство.

Примерно так выстраивается любая общественная структура. Вдобавок ко всему приходится учитывать и связи в историческом времени, ибо любое государство, даже возникшее в муках революционного переворота, сохраняет генетические связи с предшествующим строем.

Вновь и вновь приходится повторять: необычайные, невиданные в истории достоинства созданной Сталиным социалистической Системы были неопровержимо доказаны в период Великой Отечественной войны и последующего восстановления страны. Такова правда истории, которую упорно извращают враги нашей отчизны.

Предположим, войну можно считать экстремальным событием, заставившим народ подняться на борьбу с врагом. Но ведь защищали советские люди вполне конкретную общественную систему. А шла страна к Победе под руководством вождя. Все остальные начальники, даже непомерно прославляемый Г.К. Жуков, имели по сравнению с ним даже не второстепенное, а третьестепенное значение, хотя и их вклад был велик.

Да, лозунг «Отечество в опасности!» сплотил народ, вдохновил на подвиги. А что произошло затем? Об этом ху-

дители Системы стыдливо умалчивают. Надо хотя бы попытаться представить себе, в каком состоянии находилась послевоенная Россия (СССР). Вот некоторые цифры.

За пять военных лет население страны сократилось с 196,8 до 162,4 миллиона человек (почти на 18%); осталось 2,5 миллиона инвалидов войны. Погибло преимущественно мирное население. Было разрушено 6 миллионов зданий (вдумайтесь в эту цифру!), 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень. Без крова осталось 25 миллионов человек. Немцы уничтожили или забрали в Германию 7 миллионов лошадей и 17 миллионов голов крупного рогатого скота.

Помимо всего прочего, надо было в кратчайшие сроки перевести промышленность на выпуск мирной продукции. За первую послевоенную пятилетку было восстановлено и построено 6,2 тысячи крупных промышленных предприятий. В 1948 году был превзойден в промышленности уровень производства 1939 года, а к 1952 году он возрос вдвое!

В чем же секрет необычайной устойчивости, мощи, динамичного развития сталинского СССР? На мой взгляд, Сталин создал своеобразную многопартийную Систему.

В буржуазных демократиях декоративно и демонстративно конкурируют политические партии. В СССР существовали, можно сказать, государственные партии «по интересам». Власть делили ВКП(б), органы госбезопасности, армия, хозяйственники, местные Советы. Сталину приходилось так регулировать эти рычаги власти, чтобы какой-то из них не стал главенствующим. В этом случае руководители такого ведомства обрели бы абсолютное господство. А это создает наилучшие условия для всепроникающей коррупции.

Когда непомерно усиливалась партийная номенклатура, происходили «чистки», осуществляемые органами безопасности. Если чрезмерно усиливались последние, претендуя на абсолютную власть, начинались репрессии в их среде. После Великой Отечественной войны необычайный авторитет приобрели высшие военачальники (некоторые из них

вывозили из Германии вагоны материальных ценностей). Пришлось ограничивать их властные притязания. Только местные Советы нигде, пожалуй, не главенствовали. В этом смысле понятие «советская власть» весьма условно отражало действительность.

Была ли абсолютная власть у Сталина? Если была, и он управлял страной только по своему разумению, своей волей, то его следовало бы считать гением из гениев, поистине сверхчеловеком, наделенным какой-то божественной или демонической силой. К такому выводу приходишь, читая тех, кто делает его ответственным то за все победы страны, то за все ее беды.

Сам он относился к себе не без некоторой иронии. Нередко говорил о себе в третьем лице, как бы отделяя свою конкретную личность от того образа, который сформировался в народе отчасти под воздействием официальной пропаганды, но главным образом как признание его заслуг в управлении страной. Любил называть себя всего лишь учеником Ленина.

Главной его задачей было следить за тем, чтобы общество не подпало под власть какой-либо из «государственных партий» (будем их так называть).

...В наше время судят об СССР и Сталине люди не только неумные и некомпетентные, но и глубоко непорядочные. Впрочем, даже честному исследователю справиться в наше время с этой темой трудно: приходится продираться сквозь завалы лжи, грязной клеветы, сознательно нагроможденные груды разрозненных и хитро подобранных или подтасованных фактов.

Напомню высказывания И.А. Бенедиктова, который с 1938 по 1958 год занимал руководящие посты в наркомате и министерстве сельского хозяйства СССР (обширные интервью с ним опубликовал журналист В. Литов). Ведь эта отрасль народного хозяйства у нас была одной из наиболее проблематичной, трудной.

По словам Бенедиктова, именно благодаря «Сталинской Системе» к концу 50-х годов «Советский Союз был самой

динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлениям научно-технического прогресса вырвавшейся вперед... Ошибаются те, кто думает, что мы добились всего этого за счет экстенсивных, количественных факторов. В 30-е, 40-е, да и 50-е годы упор как в промышленности, так и в сельском хозяйстве делался не на количество, а на качество; ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и снижение себестоимости продукции».

Кто-то предположит, что таково суждение «сталинского кадра», не желающего признавать недостатки системы, в которой он работал. Но, внимательно ознакомившись с его суждениями, нетрудно заметить: рассуждает умный, честный и компетентный человек, которых в нынешнем руководстве страны нет. А его «путь наверх» был так своеобразен, что заслуживает подробного рассказа. Этот яркий пример показывает, в частности, атмосферу 1937 года.

Тогда Бенедиктов занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Его неожиданно вызвали в НКВД. Там следователь, вежливо поздоровавшись, спросил его мнение о двух его друзьях и сотрудниках.

— Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, товарищу Сталину коммунисты.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, — протянул ему следователь несколько листов бумаги.

Это было заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И.А.». Там перечислялись ошибки в руководстве отраслью, которые квалифицировались как подрывная деятельность по заданию германской разведки (Бенедиктову приходилось закупать там технику), а также отдельные предосудительные высказывания в узком кругу. Подписали донос трое. Один — известный в наркомате кляузник (позже он был осужден за клевету и затем по видимому, выставлял себя жертвой сталинских репрессий).

А двое других — те самые его друзья, о которых он только что отозвался как о людях честных, идейных.

— Что вы можете сказать по поводу этого заявления? — спросил следователь.

Бенедиктов признался, что факты верны, но это были его ошибки, а не вредительство. А от своей характеристики двух «подписантов» он не отказался. На что следователь ответил:

— Это хорошо, что вы не топите своих друзей. Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о вас — они неплохие... А вот о ваших друзьях, «честных коммунистах», отзываются плохо... Понимаю, вам сейчас сложно, но отчаиваться не надо — к определенному выводу мы пока не пришли.

На том и расстались. Дома Иван Александрович понял, что его мнимые друзья, неплохие специалисты, завидовали его более высокой должности. Но от этого было не легче. Ведь расследуется его дело как врага народа!

Через день его пригласили в ЦК партии. Он пришел с небольшим узелком, где лежали вещички на случай ареста. Оказалось, началось заседание, где обсуждались, в частности, проблемы сельского хозяйства. Присутствовал Сталин. Обескураженный Бенедиктов не слышал ничего. Наконец, его фамилию назвал Сталин.

— Бюрократизм в наркомате не уменьшается, — медленно и веско сказал он. — Все мы уважаем наркома... старого большевика, ветерана, но с бюрократией он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Когда все стали расходиться, к Бенедиктову подошел Ворошилов:

— Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин.

В просторной комнате сидели члены Политбюро.

— Вот и наш нарком, — сказал Сталин. — Ну, как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин... Во-первых, я слишком молод. Во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро... Опыт и знания — дело наживное, была бы охота учиться, а у вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь, шишек мы вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный...

И тогда Бенедиктов рассказал про вызов в НКВД. Сталин нахмурился, помолчал и сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

По мнению Бенедиктова, ему повезло, что его дело взял под личный контроль Сталин. Можно возразить: да разве не Сталин создавал в стране обстановку доноительства, поисков врагов народа? Разве не было это одним из чудовищных проявлений его Системы?

На это Бенедиктов отвечал: «Репрессии 30-х и отчасти 40-х годов вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротивлением явных и особенно скрытых врагов Советской власти... В середине 30-х годов я лично был свидетелем случаев сознательного вредительства в химической и кожевенной промышленности. Да и в Наркомате совхозов РСФСР, Наркомате земледелия СССР, где мне довелось работать, некоторые специалисты из числа дореволюционных интеллигентов не упускали случая подставить нам подножку... Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе».

Бенедиктов привел убедительные примеры кадровой политики тех времен, когда выдвигались наиболее деятельные и талантливые люди, а не серые службисты, приспособленцы, умело угождающие начальству, как началось с хрущевских времен. Упадок нашей страны он объяснял отсутствием «порядка и должной организации дела, когда нет подлинно большевистской системы выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей».

Его возмущали «фальшивые фразы, услышанные от озлобленных, сбитых с толку, потерявших способность здраво рассуждать людей», будто при Сталине был уничтожен «цвет нации».

«Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, — говорил Бенедиктов, — видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выхода из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и страны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны».

По его словам: «Потому и шли вперед, потому и преодолели испытания, которые не выдержала бы ни одна страна в мире, что удалось раскрепостить, выдвинуть на первый план все талантливое, смелое, творческое и честное в нашем народе... Что бы ни говорили о том времени, его атмосферу, его настрой определяли не страх, репрессии и террор, а мощная волна революционного энтузиазма народных масс, впервые за много веков почувствовавших себя хозяевами жизни, искренне гордившихся своей страной, своей партией, глубоко веривших своим руководителям».

Это совершенно верно: не лживые слова, которые постоянно льются из наших СМРАП, а утверждение, которое подтвердила история!

Безусловно, тогда террор был. Вопрос лишь в том, против кого. По словам Бенедиктова: «В партийном аппарате, орга-

нах НКВД были как затаившиеся враги Советской власти, так и разного рода карьеристы, честолюбцы и проходимцы. Исходя из своекорыстных личных интересов, они зачисляли в разряд „врагов народа” честных и талантливых людей... Трагизм обстановки состоял в том, что очищать, укреплять страну приходилось с помощью засоренного аппарата как партийного, так и НКВД, другого просто не было. Поэтому за одной волной чистки следовала другая — уже против тех, кто допустил беззакония и злоупотребления должностью. Кстати, в процентном отношении больше всего, пожалуй, пострадали органы госбезопасности. Их „вычищали” регулярно и радикально... Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период хрущевской „оттепели” на волю, стали громче других трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!»

И вот, казалось бы, чудовищное мнение о сталинском терроре: «Теперь о мерах по недопущению репрессий. Они были приняты XVIII съездом ВКП(б) в 1939 году. Съезд отменил практиковавшиеся до того регулярные массовые чистки партии. Лично я считаю, что это было ошибочное решение. Обеспокоенный ущербом, нанесенным партии массовыми репрессиями, Сталин ударился в другую крайность и явно поторопился. Ленин был куда ближе к истине, когда подчеркивал, что правящая партия должна постоянно чистить себя от „шкурников” и „примазавшихся”. Забвение этого завета обошлось и обходится нам страшно дорого. Правда, это стало очевидным лишь сейчас — тогда я не сомневался в правильности принятого решения».

Да, много из того, что прежде могло раздражать или возмущать, что казалось ошибками Сталина и созданной им Системы, со временем приходится обдумывать заново. Для правящей партии в мирное спокойное время наступает пора самых тяжелых испытаний. К ней примазываются пройдохи, карьеристы, бездари. И здесь многое зависит от руководителя.

«Именно Хрущев, — утверждал Бенедиктов, — начал избавляться от людей, способных твердо и до конца от-

стаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских „начинаний”, но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял...

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолюбливал малодушных, угодливых...

Приходилось, правда, довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глубоко и всесторонне обдумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь „самому”, наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия».

Такой была обстановка на вершине власти в СССР во время сталинского руководства. Тому, кто никак не способен отрешиться от внедренных в сознание антисоветских стереотипов, остается обратиться к неопровержимым фактам. Сталинское умение управлять партией и государством доказало свою эффективность и в мирное, и в военное время.

Сейчас принято сваливать все недостатки СССР на Сталина и созданную им партийно-государственную систему. Но, может быть, следует обратить внимание прежде всего на достоинства? Не потому ли наша страна потерпела сокрушительные поражения, когда отрешилась именно от всего наилучшего, что было достигнуто в сталинскую эпоху?

Завещание Сталина

Всемирная слава Сталина вызывала и вызывает злобную зависть у болезненно честолюбивых людей. Когда восхваляют в народе какого-нибудь человека, озлобляются на него те, кто жаждет известности и славы, мечтает оказаться на его месте.

Сталину завидовали многие; ему не приходилось завидовать никому. Единственное, о чем он мог порой мечтать, это — о покое. Как сказано в «Мастере и Маргарите»: «Он не заслужил света, он заслужил покой». Михаил Булгаков написал о себе, но то же он мог бы сказать и о прототипе Воланда — Сталине.

В начале 1950-х годов вождь уже не мог работать так, как раньше. Однако приходилось по-прежнему обдумывать прежде всего проблемы внешней и внутренней политики государства. Для своего возраста он был еще достаточно крепким человеком. Во всяком случае, у него не отмечалось признаков ослабления проницательности, памяти.

Смерти, прекращения личного существования он не боялся. По-видимому, воспринимал ее как прекращение бытия, переход в Ничто или, по вере индуистов, в божественную Нирвану, что является наградой за мудрую жизнь. Возможность посмертной хулы он не исключал, но относился к этому философски: со временем все станет на свои места и справедливость восторжествует.

Если Сталин верил в Высший Разум, господствующий во Вселенной, то пребывание души в каком-либо ином мире вне тела для него было фантастикой. В отличие от примитив-

ных материалистов, утверждающих первичность материи и вторичность сознания (далась им эта табель о рангах!), Сталин признавал единство всего сущего:

«Сознание и бытие, идея и материя — это две разные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом». Если ему и грезилась порой Страшный Суд, то не как всеобщее судилище над душами живых и мертвых, а как терзания собственной совести.

Подобно многим атеистам, Сталин в юности искренне верил в Бога. Вспомним, пятнадцатилетний Иосиф Джугашвили писал:

Пробивайся, свет летучий,
до земли сквозь облака
и развей слепые тучи,
Божья воля велика...

Тогда же, завершая стихи о вдохновенном певце, которого замороженные слушатели сначала восхваляли, а затем напоили ядом, юный Иосиф привел слова черни:

Не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.

Трудно сказать, верил ли Сталин на исходе своей жизни в небесную правду, но в земную правду-справедливость он верил и старался утверждать ее всеми своими силами, порой жестокими методами.

Интересно свидетельство Главного маршала авиации А.Е. Голованова (в ту пору командующего авиацией дальнего действия). После Тегеранской конференции в начале декабря 1943 года его вызвал к себе на дачу Сталин. Верховный Главнокомандующий прохаживался в накинутой на плечи шинели. Поздоровавшись, сказал, что нездоров и опасается заболеть воспалением легких. Вдруг:

— Я знаю, — начал он, — что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. — И, походив не-

много, продолжал: — Но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Сорокалетний Голованов был обескуражен. Ему и в голову не приходило, что после великих побед под Москвой, Сталинградом и Курском кто-то может сказать о Сталине плохое. Походив еще немного, Иосиф Виссарионович продолжил:

— Вот все хорошее народ связывает с именем Сталина, угнетенные народы видят в этом имени светоч свободы, возможность порвать вековые цепи рабства. Конечно, только хороших людей не бывает, о таких волшебниках говорят только в сказках. В жизни любой, самый хороший человек обязательно имеет и свои недостатки, и у Сталина их достаточно. Однако если есть вера у людей, что, скажем, Сталин может их выволить из неволи и рабства, такую веру нужно поддерживать, ибо она дает силу народам активно бороться за свое будущее.

Чем объяснить такую откровенность вождя? Пожалуй, он чувствовал себя плохо и подумывал о смерти. Размышлял вслух и вряд ли случайно высказал сокровенные мысли перед человеком, значительно моложе себя. Значит, не особенно полагался на свое ближайшее окружение. Понимал: некоторые из тех, кто его прославляют, постараются в удобный момент свалить на него все грехи и огрехи, оплошности и преступления, происходившие в годы правления Сталина.

По словам В.М. Молотова, Сталин говорил: «Молотов еще сдерживается, Маленков, а другие — эсеры прямо: Сталин, Сталин!» (Как известно, культ личности культивировали эсеры, тогда как большевики утверждали величие народных масс.)

Сергей Кара-Мурза, который в начале 1950-х годов был школьником, верно характеризует то время:

«В начале 50-х годов жизнь как-то резко успокоилась, и стал нарастать достаток. Этого тоже ждали и не удивлялись — люди очень много работали и мало потребляли. Поэтому хозяйство быстро восстановилось. Цены регуляр-

но снижали, и очень ощутимо. На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит. Мы это видели по множеству признаков ежедневно. Мы были уверены и об этом совсем не думали. Но, не думая, мы в массе своей Сталина любили. Что бы там ни говорили всякие краснобаи, а был у нас недолгий период взаимной скрытой любви между большинством народа и властью. Официальная любовь и преданность, знамена и барабаны к этому не касаются, я говорю о скрытой, редко выражаемой любви. Возможно, другого такого периода не было и не будет».

Сейчас кое-кто утверждает, будто с уходом Сталина советский народ, задавленный тоталитаризмом, впервые ощутил благо свободы. А произошло иное. Была всенародная скорбь (говорю о большинстве; иные торговцы и номенклатурщики вздохнули с облегчением). Смерть Сталина освободила его от непосильного труда и огромной ответственности. В народе она воспринималась как завершение великой эпохи. Что ожидает страну впереди?

В последние годы жизни Сталин всерьез задумывался об этом. На закрытом Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года он выступил с крупным и принципиально важным докладом. По сути это было его завещание. Он говорил около полутора часов без перерыва. Не читал заранее написанный текст, а именно говорил, обращаясь в зал и не сбиваясь. Значит, он был здоров, умственными и психическими расстройствами не страдал. Сразу же взял деловой тон:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства...

Обратимся к воспоминаниям присутствовавшего на пленуме писателя Константина Симонова, члена ЦК партии:

«Говорил он от начала до конца сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его

речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению...

Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается то время, когда другим придется продолжить делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствовавших, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни.

Говорилось все это жестко... За всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки».

Написал это Симонов спустя 27 лет после пленума, но общее впечатление и некоторые детали писатель запомнил, по-видимому, хорошо. К сожалению, отсутствует стенограмма выступления Сталина. Есть запись Л.Н. Ефремова (она приведена в книге В.В. Карпова «Генералиссимус»). Сталин объяснил свои предложения, сказав:

— Некоторые выражают несогласие с нашими решениями. Говорят, для чего мы расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед?..

(Нашлись умники, поясняющие: коварный диктатор захотел под благовидным предлогом избавиться от конкурентов. Такова точка зрения тех, кто привык строить каверзы, лгать и клеветать ради карьеры или денег. А Сталин говорил то, что хотел сказать. Он не привык унижаться, лицемерить, хитрить. — Р.Б.).

Причины кадровых перестановок он объяснил так:

— Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа

министра — мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе. Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их переводим на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей...

Однако оказалось, что дело не только в возрасте ветеранов партии. Сталин перечислил несколько серьезных ошибок Вячеслава Михайловича. На одном из дипломатических приемов Молотов дал согласие английскому послу издавать у нас буржуазные газеты и журналы. «Такой неверный шаг, если его допустить, — сказал Сталин, — будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной».

Судя по всему, вождь знал о влиянии последней на умы не столько рядовых советских граждан, сколько на тех, кто причисляет себя к элите общества. Ведь рекламируется под видом буржуазного образа жизни благосостояние наиболее обеспеченных слоев западного общества, но вовсе не того большинства, которое едва сводит концы с концами.

Оказывается, Молотов предложил сделать Крым еврейской автономией, а также делился со своей женой (еврейкой) секретной информацией. «Получается, — говорил Сталин, — будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять». Среди них были Голда Меир, сотрудник посольства США и т.п.

Когда в Москву приехала первый посол Израиля Голда Меир, перед синагогой, куда она пришла, собралась много-

тысячная толпа. Ее приветствовали с восторгом, и она ответила: «Спасибо за то, что вы остались евреями». А на приеме в МИДе жена Молотова подошла к Меир, заговорила с ней на идише и на вопрос, не еврейка ли она, с гордостью ответила: «Я дочь еврейского народа».

У жены Молотова были знакомые и в посольстве США. Вячеслав Михайлович имел неосторожность обсуждать со своей женой, старой большевичкой, некоторые секретные решения Политбюро. А вскоре эти решения становились известны американцам. Кроме того, она была связана с Еврейским антифашистским комитетом, который стремился сделать Крым еврейской автономией. Все это стало известно вождю.

«При всем гневе Сталина... — вспоминал Симонов, — в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной.

В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица».

Но самый большой удар по нервам присутствовавших был нанесен в заключение пленума. Вот как описал это К. Симонов:

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу... Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро, и

стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание.

И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, — а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя.

Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже и из-за спины Сталина слова: “Нет, просим остаться!”, или что-то в этом духе, зал загудел словами: “Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!” Не берусь приводить всех слов, выкриков, которые в этот момент были, но, в общем, зал что-то понял и, может быть, в большинстве понял раньше, чем я. Мне в первую секунду показалось, что это все естественно: Сталин будет председательствовать в Политбюро, будет Председателем Совета Министров, а Генеральным секретарем ЦК будет кто-то другой, как это было при Ленине».

Тут писатель позволил себе вольность: придумал мысли малоизвестного ему человека, политика и государственного деятеля, соображения которого в тот момент могли быть совершенно иными. (Написан этот отрывок в 1979 году, когда был осужден «культ личности Сталина» и много клеветы говорилось в его адрес.)

По мнению Симонова, Маленков «понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что эта просьба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу — как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале,

отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря, потому что он стар, устал и не может нести еще эту, третью свою обязанность...

И почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

Увы, печальными бывают результаты даже искренних попыток писателей думать за выдающихся государственных деятелей. Как говорится, не по Сеньке шапка. Но наверняка Маленков, как многие другие, был обескуражен неожиданным предложением Сталина. Он не знал, что предпринять в такой ситуации. Обратился в зал:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Последовали бурные аплодисменты. Сталин:

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Встал маршал С.К. Тимошенко и пробасил:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя поддержали его слова аплодисментами. Сталин постоял, глядя в зал, потом махнул рукой и сел.

Странно, что К. Симонов истолковал этот эпизод как выражение торжества. Словно вождь решил так нелепо «прощупать отношение пленума» к вопросу о его отставке. Ну а если бы его просьбу удовлетворили, он что же, приказал бы покарать всех, кто ее поддержал? Захотел внести раздор в ряды партии, начать массовые репрессии среди узкого круга участников Пленума? Зачем?! Он откровенно сказал,

что уже стар и может вскоре умереть. Смерти он не боялся, но, чувствуя ее приближение, беспокоился за судьбу страны. Ведь она была во многом его детищем.

Ему надо было выяснить, готовы ли новые государственные деятели к самостоятельной работе, к продолжению дела, которому посвятил всю свою жизнь. Не исключено, что в порыве раздражения он пригрозил своей отставкой, чтобы присутствующие осознали, насколько важно то, о чем он говорил. Не исключены и другие предположения. Жаль, что обычно тиражируется самое примитивное.

Но почему вождь так резко критиковал Молотова? Неужели нельзя было обсудить вопрос на Политбюро? Надо ли прилюдно ругать старейшего и наиболее уважаемого (после Сталина) партийного руководителя и государственного деятеля?

Молотов был всегда верным соратником вождя. Сталин не сомневался в его личных достоинствах: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков».

О главной причине неожиданного «разноса», учиненного Молотову, можно было догадаться после того, как через несколько минут вождь заговорил о своей отставке с поста Генерального секретаря. А кто стал бы первым претендентом на это место? Только Вячеслав Михайлович.

Обратим внимание на официальный отчет о первом дне XIX съезда партии: «Семь часов вечера. Появление на трибуне товарища Сталина и его верных соратников тт. Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Берии, Кагановича, Хрущева, Андреева, Микояна, Косыгина делегаты встречают долгими аплодисментами... По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии съезд открывает вступительной речью тов. В.М. Молотов».

Было принято перечислять фамилии руководителей по их положению в партии и правительстве. Первым после Сталина стоит Молотов, а Берия значительно опережает

Хрущева. (Во время войны в состав Государственного Комитета Обороны СССР входили кроме Сталина Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов.)

Если бы не сокрушительная сталинская критика, Генеральным секретарем избрали бы Молотова. Но когда его кандидатура отпала, члены ЦК пришли в замешательство.

Мне кажется, верную мысль высказал Юрий Мухин:

«Без Сталина на посту Генерального секретаря, без Сталина как вождя партии партноменклатура теряла ту власть, которая дает материальные выгоды». Точнее — и власть, и авторитет, а также возможность использовать в личных, корпоративных и клановых интересах свое особое положение в государстве. Ведь они были представителями единственной ведущей и организующей общественной силы.

Сталин попытался понизить социальный статус КПСС. Он и без того мог влиять на экономические, социальные, общественные процессы как руководитель государства. Не было секретом, что в руководящие партийные и комсомольские органы все активней пробираются те, кто желал бы иметь больше привилегий и меньше ответственности.

Еще весной 1939 года В.И. Вернадский в дневнике отметил свое впечатление от выступлений большинства участников XVIII съезда ВКП(б): «Удивительное впечатление банальности и бессодержательности, раболепства к Сталину... Люди думают по трафаретам. Говорят, что нужно... Это заставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?»

Не менее сурово отозвался он о XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 года: «Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одаренности выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники, боящиеся говорить правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного уровня по сравнению с реальной силой нации».

Конечно, Владимир Иванович не учел, что перед войной надо было не говорить умные речи, критиковать недостатки и

вдаваться в дискуссии, а укреплять идейное единство партии, народа. Тем не менее он отметил повысившийся умственный и нравственный уровень советских людей, подчеркнув, что партийные деятели в этом отношении деградируют.

Война показала, что его критика была не вполне справедливой. И сам он записал в дневнике: по сравнению с Первой мировой войной наш народ значительно более патриотичен, сплочен, отстаивает свою Родину не щадя жизни (а Родина была — Советская!), фронт обеспечен всем необходимым, чего не было при царской власти. В конце войны в своей последней статье он утверждал: «Идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере».

Однако через несколько лет после войны вновь стало проявляться все то же буржуазное персереждение в первую очередь привилегированных слоев советского общества. Как очистить партийные ряды от этой скверны? Единственная возможность — сделать пребывание на высоких должностях менее престижным и выгодным, чтобы в партию вступали люди по идейным, а не карьерным соображениям. Для этого требовалось снизить статус партийной номенклатуры.

...Покинув пост Генерального секретаря партии, Сталин мог спокойно контролировать с высоты своего непрекращаемого авторитета положение в руководстве страны и партии. Все-таки он сильно устал после чудовищного напряжения военных лет. Наша держава окрепла и была окружена дружественными государствами. Прочными скрепами — экономическими, идеологическими, культурными — он связал республики Советского Союза, а затем и страны народной демократии. Но оставались социальные группы и политики, способные разрушить даже самые прочные связи, не считаясь ни с чем ради своих выгод.

Он думал о будущем, о том, что может произойти после его смерти, и опасался (как выяснилось много позже — совершенно справедливо), что дело, которому он посвятил свою жизнь, могут загубить враги СССР, а значит, и его лично.

Вспомним, как на Ялтинской конференции в феврале 1945 года Сталин сказал Рузвельту и Черчиллю: «...пройдет десять лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем». Как видим, он спокойно и философски относился к своей смерти, даже фактически предсказал ее достаточно точно. А судьба России его тревожила.

С подачи Хрущева принято считать, будто существовал политический кризис, с которым не мог справиться престарелый вождь. Эта легенда понадобилась Никите Сергеевичу для оправдания своих провальных мероприятий после захвата власти. (Так же поступили Горбачев, Ельцин; любому политикану хочется свалить свою вину на предшественника.) Его мнение пришлось по душе многим авторам. Например, историк Д. Боффа уверенно констатировал «кризис сталинского правительства» (точнее было бы сказать — сталинского правления). Хотя уже в следующем абзаце признал:

«После десяти лет международных испытаний, одно другого тяжелее, которые страна победно преодолела, Советский Союз постепенно окреп. Последствия войны и голода отошли в прошлое. Население увеличивалось в результате демографического подъема. Промышленность росла. Из стен высших учебных заведений выходило около 200 тыс. выпускников, в дополнение к которым подготавливалось также примерно 300 тыс. специалистов со средним техническим образованием».

Больше бы подобных кризисов! Словно в помрачении рассудка автор ссылается на «маниакальное вырождение подозрительного характера» Сталина и «признаки неспособности осуществлять руководство». Боффа объясняет парадоксальность ситуации просто: «Все преодолевающая жизненная стойкость народа находилась в противоречии с тем свинцовым колпаком, который послевоенная сталинская политика надела на всю общественную жизнь в стране».

Выходит, под «свинцовым колпаком» происходит невиданный подъем народного хозяйства, растет количество

населения, улучшается его благосостояние и повышается культурный уровень! Выходит, «колпак» предохранял общество от всяческих бед и определял его устойчивость. На мой взгляд, под идеологическим колпаком находилось сознание Боффы, когда он писал подобные вещи.

Умилительную оговорку делает этот буржуазный историк: «Мало кто ясно осознавал это противоречие». А может быть, его и не было? Или стремились создать и усилить социальные противоречия именно те, кто желал уничтожить существующий строй и/или обрести благоприятные возможности для личного обогащения?

Именно так все и произошло, когда в конце XX века осуществилась в России-СССР буржуазная революция (контр-революция?). В результате общество не перешло на более высокий уровень, а деградировало по всем параметрам — упадок социальный, научно-технический, экономический, нравственный, культурный.

В новейшем учебнике истории России для 11-го класса (2007) сказано: «В последние годы жизни И.В. Сталина нормы внутрипартийной демократии перестали соблюдаться даже формально. Не созывались заседания руководящих органов партии. 13 лет не проводились ее съезды. Лишь в 1952 г. состоялся XIX съезд ВКП(б). Съезд утвердил новое название партии. Она стала называться *Коммунистической партией Советского Союза* (КПСС)». Только и всего!

Предположим, страна находилась в критическом положении. Но тогда для Хрущева и его сторонников имело прямой смысл раскрыть суть кризиса, который способствовал свержению сталинизма. А у него была прямо противоположная стратегия умолчания и даже секретности.

Тот же самый Боффа вольно или невольно указал на то, каким в действительности был кризис. Был он связан не со сталинским управлением, а назревал вопреки ему. Существовали некоторые объективные явления, угрожавшие системе, созданной Сталиным. О них много говорил Маленков.

«Он резко акцентировал внимание, — указал Боффа, — на четырех пунктах: необходимо дать большой простор самокритике и критике «снизу»; дисциплина, партийная и государственная, должна быть укреплена и должна стать единой для всех, руководителей и руководимых: выдвижение и подбор кадров должны проводиться более строго, не должно быть места для кумовства и личных капризов, как это часто случается; необходимо также усилить идеологическую работу, для того чтобы не допустить возрождения буржуазной идеологии и остатков антиленинских групп (то есть оппозиций давнего времени)».

С докладом о партийном обновлении выступал Хрущев. Он приводил аргументы, аналогичные тем, что использовал Маленков. Членам партии предписывалось исполнение новых обязанностей: критика и самокритика; запрет любых форм «двойной дисциплины», одной — для руководителей, другой — для рядовых членов; уважение к «секретности в партии и государстве»; обязанность докладывать наверх о местных «недостатках», «невзирая на лица»; подбор руководителей без каких-либо соображений дружбы, родства или землячества.

Повторение Хрущевым основных положений кадровой политики, доложенных Маленковым, показывает, что данная проблема считалась ключевой и обсуждалась со Сталиным. И если он счел нужным представить Маленкова своим преемником, то логично предположить, что состояние руководящих кадров вождь считал неудовлетворительным, а наведение порядка в этом деле — важнейшей, первостепенной задачей.

Вот и Н. Верт высказал мнение, что Сталин вынужден был, «не трогая основ, обновить политические, административные, хозяйственные и интеллектуальные кадры государства. Именно с этой точки зрения следует рассматривать изменения, произведенные на XIX съезде партии».

Мы приходим к тем же выводам, что и антисоветские историки. Не потому, что у нас единые позиции (тут-то как

раз наоборот!). Данное мнение верно, ибо основано на фактах. Оно вполне очевидно для любого, кто более или менее внимательно ознакомится с докладом Маленкова.

Но если все так просто и ясно, то почему же советская партийная пропаганда стала замалчивать материалы и основные положения данного съезда? Почему на них не обратили должного внимания?

Ответ, как мне представляется, может быть один: с хрущевских времен и до настоящего времени власть в СССР, а затем в Российской Федерации захватили представители того самого социального слоя, против которого ополчился Сталин.

Он предвидел, что именно в теплой унавоженной привилегиями среде партийной номенклатуры зреют будущие наиболее опасные внутренние паразиты советской системы. Это все те, кто в определенный момент отрекутся от своих присяг, от своей партии, от своей великой державы и советского народа ради обретения власти и капиталов, ради «буржуазного рая» для своих сообщников.

Главные заветы Сталина: крепить экономическую мощь СССР и единство советского народа, развивать научно-техническую мысль, творчески относиться к марксизму, искоренять ростки буржуазной идеологии прежде всего в среде партийных бонз, крупных чиновников, служащих по ведомствам искусства, литературы, науки, СМИ.

Глава 8

НАРОД И ВОЖДЬ

Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит.

Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

Николай Заболоцкий

Личность правителя крупного государства, тем более диктатора, в истории проявляется двояко. Заурядная личность, озабоченная благополучием и властью собственной персоны и своих сообщников, приводит свою страну к упадку, а то и к катастрофе. Выдающаяся сильная крупная личность приводит свой народ, свою страну к успеху.

Таково общее правило, которое подтверждает множество примеров. Да и по сути оно не вызывает сомнений.

Можно предположить, что у неумного и бездарного правителя не исключены умные и одаренные советники. Но тогда это будет не диктатор, а марионетка. У настоящего властного правителя советники и помощники выполняют его задания, действуют по его указаниям. С ними он советуется, но решения принимает сам.

Слишком многое зависит от личности этого человека. Подчиненным требуется четко и своевременно выполнять

его приказания. Это не отменяет их инициативности, но ставит ее в ограниченные рамки.

Однако следует помнить: в политической борьбе, так же как в управлении государством, лидер соратников не выбирает. Со временем, став правителем, диктатором, он вынужден с ними считаться. Как говорится, старый друг лучше новых двух.

Иногда говорят, что вина Сталина в том, что у него не было достойного преемника. Вообще-то Г.М. Маленков во всех отношениях превосходил Н.С. Хрущева. Но выбор делал партийно-хозяйственный актив, в значительной степени зараженный буржуазной идеологией...

Впрочем, главное не это. У великих людей не бывает соразмерных им преемников. Это относится ко всем видам человеческой деятельности. Поэтому последователи слишком часто приносят больше вреда учению, чем его критики.

Наследство

История России прошлого века ныне представляется клубком тайн и загадок. Многие историки вольно или невольно, по заказу «свыше» или по своей инициативе подбирают факты выборочно и выстраивают свои концепции, подчас нелепые, пошлые, фальшивые, но на поверхностный взгляд обоснованные.

Есть и объективные трудности. Многие важные документы остаются в секретных архивах; немало выпущено фальшивок и подделок. В.Е. Семичастный, назначенный в 1961 году председателем КГБ, позже свидетельствовал, что к его приходу «многие документы уже были уничтожены или подчищены, вытравлен текст. Это мне сказали и показали архивисты».

Свидетельства очевидцев слишком часто искажают, а не проясняют реальность. Трудно этим людям отрешиться от своих переживаний, личного опыта. Поэтому осмыслить исторические события сравнительно недавнего прошлого

не так просто, как кажется на первый взгляд. Основной упор приходится делать на статистические материалы, а исходить из общих соображений, касающихся развития технической цивилизации в ее глобальных и локальных проявлениях.

Одно из наиболее широко распространенных мнений высказал французский советолог Н. Верт. По его словам: «Политическая жизнь СССР в послевоенные годы была отмечена не только идеологическим ужесточением контроля над обществом, но также...»

Прервем цитату. Учтем: любое государство как система, стремящаяся к самосохранению, осуществляет идеологический контроль над обществом. В условиях спокойствия и благоденствия он может быть ослаблен. Но в любой державе он при малейшей угрозе усиливается. Вспомним поведение правителей США после крупного теракта в сентябре 2001 года. Это же не была угроза уничтожения страны, тем не менее тотчас полицейский режим усилился до небывалых для мирного времени размеров.

Вопрос в том, ради чего осуществляется идеологический контроль и в чем выражается. Верт связал его с «политическим принуждением (прежде всего в отношении ключевого вопроса обновления и ротации партийных кадров) 30-х гг.». О каком политическом принуждении идет речь? Разве заставляли партийные кадры поддерживать данную государственную систему? В этом не было никакой необходимости. Все партийные работники клялись строить социализм и коммунизм. А вот другого рода принуждение действительно было актуально: максимальное ограничение коррупционных связей, борьба с казнокрадством.

Верт с подозрительной наивностью «ввернул» в свой учебник истории идеологические штампы антисоветских политологов о состоянии руководства СССР в послевоенный период. Написал об ультранационализме (!) и шпиономании Сталина, заставлявшего «старых членов партийного руководства... по любому поводу пить ночи напролет до полного изнеможения».

Если бы СССР был построен на основах анархии, то безумие вождя и беспробудное пьянство высшего руководства ни на чем, кроме их здоровья, не сказывались (кстати, почти все эти люди прожили более 80, а то и 90 лет). Но ведь страна, как утверждают те же антисоветчики, была централизована едва ли не до идиотизма. Как же она существовала при такой бездарной, изнемогающей от пьянства центральной власти?!

Еще одно высказывание того же автора (ссылаюсь на него из-за широкой популярности его «Истории Советского государства»): «Смерть Сталина произошла в то время, когда созданная в 30-е гг. политическая и экономическая система, исчерпав возможности своего развития, породила серьезные экономические трудности, социально-политическую напряженность в обществе».

Вот какое тяжелейшее наследие досталось его преемнику! Тут впору благоразумному человеку отказаться от сомнительной чести возглавить страну, пребывающую в тяжелейшем положении. Правда, никаких подтверждений своему диагнозу Н. Верт не привел. И правильно сделал — иначе и быть не могло.

По личному опыту и статистическим данным могу свидетельствовать: он лжет. Общественно-политическая и государственная Система, созданная Сталиным, доказала свою невиданную в истории прочность прежде всего в период Великой Отечественной войны. Такое испытание не выдержала ни одна развитая капиталистическая держава.

Не менее показательно успешное послевоенное возрождение нашей страны. Вдобавок она оказывала помощь многим дружественным государствам. Еще один неоспоримый факт: после смерти Сталина его общественная Система, которую усиленно расшатывали внутренние и внешние враги, просуществовала 35 лет. Погубили ее именно те, кого он считал опаснейшими и ловко замаскированными врагами народовластия.

Авторитет СССР и его вождя во всем мире был необычайно высок. Ни одно государство и ни один лидер не до-

стигали тогда ничего подобного. Но может быть, ситуация внутри нашей страны к концу сталинского правления стала критической?

Сразу после войны в Советском Союзе начался голод. Его связывают с небывалой засухой. Не менее существенной причиной была послевоенная разруха. Ведь по западным регионам, где жило около 40% населения, прокатилось два огненных вала войны. Миллионы голов скота были угнаны в Германию, обширные сельскохозяйственные угодья были заброшены. И все-таки затем год от года благосостояние советских людей улучшалось.

Нередко пишут и говорят, будто война выкосила у нас целые поколения. Это ложь. Если не считать угнанных на Запад, на войне погибло менее пяти миллионов молодых людей.

Наиболее общие показатели жизни народа — демографические. Прежде всего смертность и естественный прирост. Сейчас можно услышать, будто в царской России народу русскому жилось прекрасно, а в сталинском СССР — ужасно. В действительности было иначе.

В 1913 году смертность в России составляла 30,3 человека на 1 тысячу при естественном приросте 16,8. В 1950 году эти показатели составили соответственно 9,7 и 17,0. Можно возразить: зато рождаемость снизилась с 47,0 до 26,7. Но это показывает лишь то, что в царское время была высока детская смертность. Надо еще учесть, что низкая смертность в нашей стране по сравнению с дореволюционным прошлым наблюдалась всего лишь через 5 лет после страшной войны!

Сошлюсь на высказывание историка и социолога С.Г. Кара-Мурзы:

«Война усилила т. н. „морально-политическое единство“ советского общества (*тоталитаризм*), символом которого продолжал быть культ личности И.В. Сталина. Поскольку речь идет именно о *культе*, то есть явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала XXI века

столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление... оказывало огромное влияние на деятельность государства и бытие народа. К тому же похоже, что „количество культа” есть в каждом поколении величина постоянная (например, в 40-е годы никто не верил астрологам и не было „культа доллара”).

В ответ на солидарность с государством, как бы в вознаграждение народу за перегрузки двух десятилетий, принципом государственной политики было сделано постоянное, хотя бы и скромное, улучшение благосостояния населения. Это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел втрое, а мясо — в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: *уверенность в завтрашнем дне* и убеждение, что жизнь может только *улучшаться*.

Условием для этого было усиление финансовой системы государства в тесной связи с планированием. Для сохранения этой системы СССР пошел на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 г. вообще вышел из долларовой зоны, переведя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, рубль был неконвертируемым, что позволяло поддерживать очень низкие внутренние цены и не допускать инфляции».

Несмотря на огромное напряжение и материальные лишения, наш народ за считанные годы вновь воссоздал великую сверхдержаву. По сравнению с 1940 годом смертность снизилась почти в два раза, а с 1913-м — более чем втрое!

Сталин оставлял в наследство своему преемнику могучую, уверенно развивающуюся державу. Никаких кризисных явлений в экономике не было и в ближайшем будущем не предвиделось. Только за такое наследство имело смысл сражаться.

О высочайшем потенциале социалистической системы того времени свидетельствует несколько весомых фактов. В нашей стране была запущена первая в мире атомная электростанция. Мы первыми создали водородную бомбу (а не наземное взрывное устройство). Успешно осуществлялась наша космическая программа, в результате которой первым на околоземную орбиту был выведен советский искусственный спутник, а первым человеком, побывавшим в космосе, стал гражданин Советского Союза Юрий Гагарин.

Нет, не по темноте и невежеству советский народ воздавал должное Сталину, славил его (порой чрезмерно, но тут нередко усердствовали его скрытые враги, как он признавался французскому писателю Лиону Фейхтвангеру). Для народа Сталин давно уже превратился в символ своей — народной! — власти. Справедливо считалось, что он не только руководит страной, но и опекает свой народ, оберегая, избавляя от внешних и внутренних врагов. Отсюда и популярность клейма «враг народа» (другой вопрос, всегда ли оно применялось оправданно).

Было Отечество, был и Отец. Ничего дурного или постыдного в этом нет. Таков извечный принцип народного единства и патриотизма (это понятие подразумевает любовь к Отечеству, как к родному отцу).

Сталин хорошо знал труды теоретиков анархизма, а потому вряд ли не отметил мысль, высказанную М.А. Бакуниним в связи с разложением российской аристократии: «Героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, разврат и бессилие».

Не только теоретически, но и на практике Сталин убеждался, что привилегии номенклатурных работников создают условия для злоупотребления властью и к обогащению максимальному, сверх всякой «средней» меры. Не он один это понимал. В частности, Фейхтвангер отмечал (в книге

«Москва 1937»), что в среде советских граждан «развивается известное мелкобуржуазное мышление, весьма отличное от пролетарского героизма». Сталин читал эту книгу и, безусловно, обратил внимание на это предупреждение.

Коррупция как духовная коррозия способна в считанные десятилетия разрушить общественные устои. Но такое возможно лишь в том случае, если для нее существуют благоприятные условия. При «сталинизме» их не было: слишком суровая грозила кара. В особой опасности находились работники высших этажей власти. За ними шел постоянный контроль. Провинившихся не всегда карали. Однако на них заводили дело, и при повторном нарушении они рисковали головой.

Сейчас, имея опыт социалистического подъема и капиталистической деградации в России, любой, кто не утерял ум, честь и совесть, мог убедиться, насколько опасной была коррупционная зараза в нашем государстве. Как только с ней перестали бороться, участь СССР была решена.

Народный вождь

Со времени правления Хрущева во вторую половину XX века смертность в СССР постоянно, хотя и медленно, росла вопреки общемировой тенденции, типичной для всех развитых стран, где она уменьшалась. Почему такая аномалия? Одна из причин: в народе угасала вера в светлое будущее, уверенность в завтрашнем дне.

Подъем смертности населения Советского Союза пришелся на период «горбачизма», когда критика Сталина стала элементом национальной политики. Еще резче повысилась смертность русских при ельцинизме, когда была окончательно разрушена сталинская система. Физическое вымирание русского народа продолжается (сокращение примерно на 1 миллион в год при 60 тысячах самоубийств, преимущественно мужчин дееспособного возраста). Это показывает, кому теперь на Руси жить хорошо и к чему ведут «перестройка» и «реформы».

Сталина называли вождем. Так принято было величать вдохновителя и руководителя народных масс или самого авторитетного человека племени при первобытно-общинном строе. Ни президентов, ни царей-королей вождями не называют.

Скажем, Наполеон Бонапарт, переметнувшись на сторону революции, мог бы стать вождем. Он предпочел титул и почести императора. Ему было противопоказано стать народным вождем уже по складу характера, из-за гордыни, жажды личной славы.

Вспомним песенку про славного короля, который «войну проиграл, полноги потерял, но рад был уж тем, что остался живой». Правда, Бонапарт частей своего тела не терял, в Египте не обгорел, в России не обморозился. Но после него Франция уже не достигала былого могущества. Из-за своих непомерных личных амбиций он подорвал ее экономику, добавил к огромным жертвам революционных репрессий еще и гигантские потери в завоевательных походах. Почему же сохраняется культ его личности?

Таков здоровый инстинкт самосохранения нации. Французы создали легенду о Бонапарте. Даже в России ее восприняли с энтузиазмом. Ее постарался развенчать Лев Толстой. И все-таки культ личности Наполеона сохраняется и у нас. В отличие, скажем, от прославления Иоанна Грозного, не говоря уже о Ленине и Сталине.

У нас Иоанн Грозный стал синонимом тирана. Его так и называют на Западе — Terrible — ужасный, страшный — от латинского terror, ставшего синонимом подавления и уничтожения людей. Таков один из приемов психологической войны против России, а затем и СССР.

Впрочем, даже в царской России ему не нашлось места на воздвигнутом в Новгороде в 1862 году памятнике Тысячелетия России среди 109 русских деятелей. Хотя именно при нем Россия впервые стала великой державой, вдвое увеличив свою территорию. Оправданно ли такое «забвение» его невиданными преступлениями? Ни в коей мере.

В Западной Европе короли Франции, Англии, Испании совершили в то жестокое время значительно больше злодейств против своих народов. В одну только Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года по приказу Карла IX французы-католики перерезали больше своих соотечественников-гугенотов, чем было казнено опричниками Ивана Грозного за 8 лет!

Старший современник нашего Иоанна IV английский король Генрих VIII ради выгоды имущих власть и деньги превращал крестьянские угодья в овечьи пастбища. Появилось множество обездоленных бродяг и нищих. По приказу Генриха было повешено вдоль дорог 72 тысячи этих бедняков. А испанский король Филипп II в завоеванных Нидерландах казнил более 100 тысяч человек.

По сравнению с ними наш Иоанн Грозный выглядит едва ли не гуманистом. В отличие от этих королей, он каялся в своих преступлениях, а совершал их во имя создания централизованного государства, что позволило царям из династии Романовых стать императорами.

Цель тех, кто на Западе хулит Ивана Грозного, — унижить Россию, представить ее как извечную «империю зла» с тупым покорным населением. Труднее понять, почему им с восторгом подпевают некоторые «россияне». Например, А.М. Сахаров в учебнике для вузов («История СССР...». М., 1983): «На века имя Грозного оказалось связанным с представлением о диком разгуле террора. Опричнина стала нарицательным обозначением крайнего беззакония, произвола, массового истребления невинных людей». Казалось бы, этот автор должен просто возопить о в сто раз более кровопролитных преступлениях западных королей. Но тут он — молчок...

В сборнике биографий «Все обо всех» (Центр гуманитарных исследований при факультете журналистики МГУ, 1996) сказано: «Иван Грозный оставил по себе недобрую память, несмотря на то, что при нем положение России укрепилось, а границы ее расширились».

Эту фразу следовало бы чуть изменить для ясности: Иван Грозный оставил по себе недобрую память у **врагов России**, ибо при нем положение державы укрепилось, а ее границы расширились. Его жестокости возмутительны, хотя в контексте той эпохи они не выглядят ужасными, да и в немалой степени были оправданны сложившейся ситуацией: приходилось спасать страну от междоусобицы. Кстати, в русском народе о его царствовании осталась добрая память. Об этом свидетельствуют сказания и песни об Иване Грозном.

Почти все, сказанное об Иване Грозном, относится к Иосифу Сталину. Сопоставление этих двух правителей стало привычным для недругов России. Оно присутствует в книге Р. Конквиста «Большой террор» — одной из психотронных бомб войны против СССР, наравне с «Архипелагом ГУЛАГ» и с такими же лживыми, многократно преувеличенными данными о репрессиях в нашей стране.

Мне уже приходилось подробно писать о том, что ни Ленин, ни тем более Сталин и другие большевики не принимали активного участия в свержении самодержавия («Мифы революции 1917 года». М., 2007). В действующей армии, в столице и отчасти в стране воцарилась анархия. Николай II под давлением представителей буржуазных партий и военного руководства добровольно-принудительно отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Но и тот, не получив гарантии своей безопасности, тоже отказался от власти, которую подхватило Временное правительство.

Удивительная легкость свержения буржуазного правительства в октябре доказывает его полную несостоятельность. Генерал А.И. Деникин писал: «Революция была неизбежна. Ее называют всенародной. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения».

Во время Октябрьского восстания противник был подавлен морально. 26 октября в разговоре с генерал-квартирмейстером Северного флота Барановским свиде-

тель событий поручик Данилевич сказал: «Все это вышло просто до изумительного». Миф о штурме Зимнего под залпы крейсера «Аврора» призван был показать героический энтузиазм красногвардейцев, славный апогей Октября.

В этом своя правда — такая же, как в мифах, воспевающих героическую эпоху и ее героев. Никто не сомневается, что Троянская война отличалась от ее изображения в «Илиаде». Но это не мешает вновь и вновь возвращаться к бессмертным образам Гомера.

Была ли правда в том, что называли Сталина вождем, отцом народа?

Да, безусловно была с точки зрения укрепления государственной власти, сплочения народа под единым руководством, что необходимо в трудные времена.

Но вождей не назначают и не выбирают тайным голосованием. Отцом народа нельзя стать насильно. И возникает вопрос: почему в Советском Союзе глава государства превратился в вождя? Вот уж поистине магия какая-то. Или результат массовой пропаганды?

У нас СМРАП упорно методично внедряли в сознание «россиян» культ президента, премьер-министра В.В. Путина. Словно он спаситель и надежда России, а без его генерального руководства страна пойдет не тем путем. Да, может рухнуть власть олигархов. Потому и осуществляют культ личности бывшего подполковника КГБ и помощника А.А. Собчака.

Говорят, такова российская традиция. Мол, не может русский народ без вождя, культа верховного правителя. Был царь, стали Ленин и Сталин...

Когда была монархия — понятно, система такая, культ «избранника Божия» (хотя Романовых на власть избрали бояре). Только вот тот русский народ почему-то не сильно горевал, когда царь отрекся от престола. И не признал власть буржуазного Временного правительства, Керенского.

Ленин привел свою партию к власти, спас Россию от распада и основал невиданную в мире общественную систему. Находившийся в Париже Великий князь Александр Михайлович признал: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи». А ведь у него, одного из внуков Николая I, почти всех родственников казнили большевики. Человеком же он был незаурядным, патриотом России; его по праву называли отцом русской военной авиации.

Неудивительно, что такого лидера признали вождем. То же относится к Сталину. Он заслужил всемирную славу, ибо руководил страной в труднейшие годы, в труде и в боях, превратив ее в сверхдержаву.

А вот культ Хрущева, как ни раздували его продажные СМРАП и политиканы, лопнул, оставив смрадный след. Русский народ не польстился на эту приманку. Сколькие пройдохи «шестидесятники», детки хрущевской слякоти (последовавшей за маленковской оттепелью), впустили свою струю в этот пропагандистский пузырь.

Хрущев, помимо всего прочего, был неугомонным борцом против Русской православной церкви. А Сталин вопреки мнению Троцкого и, пожалуй, пользуясь болезнью Ленина, направил всем партийным организациям строго секретный циркуляр, в котором заявил:

«ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и вообще в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: “необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма”. Резолюция XII партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и

пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков...”

[...] 1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место — отменить немедленно [...]

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с участием неверующих; воспретить аресты “религиозного характера” [...]

3) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично. ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

Секретарь ЦК И. Сталин. 16/VIII-23 г.»

Постановление строго секретное. Почему? Разве не в интересах партии провозгласить во всеуслышание эти пункты, чтобы заручиться симпатиями верующих?

Ранее Политбюро по предложению Троцкого приняло строго секретное постановление о суровых репрессиях в отношении церкви и священнослужителей. Попытку М.И. Калинина ослабить это давление (он обратился за помощью к Сталину) пресекло строго секретное постановление Пленума ЦК, подтверждающее антицерковную политику. Когда Ленин заболел, авторитет Сталина значительно вырос, а Троцкого — снизился. Появилась возможность отменить прежние секретные указания.

Сталин еще в молодости стал материалистом и атеистом. Но не воинствующим и не примитивным. Судя по всему, он

сознавал: в мире присутствует нечто высшее, умом человеческим не постигаемое, но осязаемое глубинными струнами души. То, без чего материя мертва.

...Недавно я получил письмо из Кельна от своего заочного друга Александра Тринкера, отличного специалиста, который потерял после расчленения СССР и упадка страны работу и вынужден был уехать с семьей в Германию. Вот фрагмент этого письма с небольшой редакторской правкой (выделения в тексте автора письма):

«1. Одно из главных обвинений против Сталина, против большевиков выдвигали на протяжении десятков лет: «Они закрывали церкви, запрещали религии, сажали в тюрьмы священников»!

Когда я рассказываю, что в СССР во времена Сталина церкви, мечети, синагоги работали и прихожане там молились, мне не верят! Я помню: в 1950-е годы Елоховская церковь, Донской монастырь, церковь у метро Новокузнецкая (выход к Лаврушинскому пер.), в Ленинграде, в Киеве, в Курске... — работали! Родители мне рассказывали, есть свидетели, но не верят местные люди.

2. Часто слышу: «Сталин безжалостно выселил немцев Поволжья в 1941 году». Я привожу в пример биографию моего знакомого Виктора Драхенберга — его отец воевал пулеметчиком в РККА, так как жил до войны на Урале, имеет боевые награды. А отец его жены жил до войны на Украине, пришли захватчики в 1941-м и забрали его — молодого и здорового парня — в СС — судьба разделенного народа! Какие «репрессии»? В книге В.В. Кожина «Россия. XX век», том 2 приведены такие сведения: «Отсутствие геноцида ясно из того, что в 1939 году в СССР жили 1,2 миллиона немцев, а к 1959 году — 1,6 миллиона, несмотря на Указ от 28 августа 1941 года «О переселении Поволжских немцев»» (как еще было поступить, когда приближались фашисты?).

3. Обвиняют: «Сталин был антисемитом, и при его правлении не брали евреев на работу». В ответ говорю: посмотрите в Интернете (теперь это просто) страницы: «Акаде-

мий наук СССР», «Ученые СССР», «Лауреаты Ленинской и Сталинской премии СССР», «Конструкторы СССР», «Писатели и поэты СССР» и вообще все, что касается 1920–1950-х годов. Так куда именно их «не брали»???

Задайте другой вопрос: как Сталин смог так организовать труд всех людей (русских, украинцев, армян, грузин, немцев, евреев...), что они выбирали себе честные профессии, работали, принося **пользу** Советскому Союзу — своей Родине?! Сталин воспитал много ученых разных народов, например: русский немец академик П.А. Ребиндер, русский еврей академик Ю.Б. Харитон и множество других.

В 1920–1950-е годы Сталин создал **единственную в Истории Человечества Единую и Монолитную НАЦИЮ Советских Людей из 130 разных народов, разных мировых религий, а также атеистов, которые все ВМЕСТЕ трудились на благо СССР и защищали свою Советскую Родину!** Предатели были ничтожное меньшинство. А после 1985 года никакая пропаганда СМРАП и никакие церковные проповеди — не помогают. Почему?

4. «Сажали в тюрьмы без обвинений, без причин». Так сказали при мне в прошедшую субботу, когда я заходил в наш только что открытый клуб (при церкви). Я услышал эти слова и ответил: «Почитайте все документы, обвинительные протоколы! Примерно в 1942-м посадили якобы незаконно группу арбатской молодежи, «замышлявших покушение на Сталина». Эти старшеклассники-оболтусы нашли сбитый Московской ПВО фашистский бомбардировщик, сняли с него пулемет и притащили на крышу (мы бы, московская шпана **послевоенная**, никогда этого не сделали!), поставили там, где проезжают правительственные автомашины, и тренировались, целились! Ну что могли подумать в милиции? Конечно, готовится террор в тылу наших войск против верховного командования, в самый разгар войны!

Вот тебе **причина**, вот тебе **следствие**!

Я спросил у моих собеседников: «Представьте, что Канцлер Германии или Президент США вздумали приехать

в Кельн, а **вы** — именно **вы** (я пальцем в собеседника тычу) поставите пулемет, даже без патронов, на пути их следования? Что их охрана с вами сделает? Пристрелят, как бешеную собаку, на месте! Будут писать во всех газетах, говорить по телевидению: «Так и надо!» Вы же сейчас защищаете потенциальных террористов!»

Вот такой разговор был в прошлую субботу в русской церкви.

Это очень важно — дать отпор, но не всегда рядом окажется человек, который сможет защитить честное имя Вождя; очень злобны мысли простых обывателей. Антисоветская, антисталинская пропаганда крепко вдальбливается в пустые головы жвачных людей!

Александр, в Кельне, 26.03.2009».

Затем последовало дополнение:

«Читая историю религии, я удивляюсь: миллиарды людей в трех религиях (христианство-ислам-иудаизм) благодарят и хвалят в молитвах живших тысячи лет назад своих предков, обожествляют своих предков. Но те же люди НЕ понимают, что на поиски Героев не надо далеко ходить. В XX веке жил простой человек, который именно спас человечество от черно-коричневой чумы, избавил миллиарды людей от колониального рабства, дал свободу неграм-китайцам-арабам...

Этот **спаситель** — **Сталин!**

Очень мало осталось живых свидетелей, очень много документов уничтожили враги, 50 лет замалчивания — целое поколение выросло.

Неизвестно, что было бы с церковью, со священниками, муллами и т.д., если бы войну выиграли фашисты. Вполне возможно, Гитлер уничтожил бы всех своих конкурентов, а Библию, Коран и Тору просто сожгли бы и все бы забыли об их существовании.

В немецком языке после 1933-го создали слова: „Propaganda-Terror“, „Bücherverbrennung“ — «сжигание книг», „Hitler-Jugend-Tagung“ — «гитлеровская-молодежная-

конференция», „Frau, Hüterin deutscher Zukunft“ — «женщина, хранительница немецкого будущего», „Kinder lernen: Gehorsam oder Tod“ — «Детское обучение: послушание или смерть». Таких «кирпичей культуры» было придумано всего-то за 12 лет Третьего Рейха великое множество.

В «культуре» Третьего Рейха не было места никаким религиям!

Почти никто в Германии (70 миллионов жителей!) слово против не сказал! Сжигали книги многих авторов (не только евреев), издававшихся во Франции, России, Англии, Америке, Германии (до 1933 года); осталась только одна книга для немецкого народа: „Mein Kampf“! Это была библия нацизма.

Я уверен — все сказанное должен знать каждый верующий и неверующий человек в Мире.

Александр из Кельна, 27.03.2009».

...Народ и его вождь, которого признают высшим авторитетом, едины.

Столь простую истину не могут понять хулители Сталина, позволяющие себе клеветать на него даже в школьных учебниках. Так воспитывают новые поколения в духе антикоммунизма, что уже само по себе недостойно и позорно, но и в презрении к старшим поколениям — всем тем, кто создавал и отстаивал, нередко ценой своей жизни, свою Родину — СССР.

А была ли незаурядная личность?

В начале марта 1953 года Сталин тяжело заболел. Черчилль попросил советского посла в Англии А.А. Громыко регулярно информировать его о состоянии здоровья руководителя СССР.

После смерти советского вождя Черчилль остался единственным из «Большой тройки», что придало ему дополнительный вес на международной арене. Он инициировал созыв совещания руководителей великих держав на высшем

уровне. Оно состоялось, но уже без Черчилля. Он ушел в отставку в начале 1955 года. Ему шел 81-й год. Его агрессивные выступления как «поджигателя войны» объяснялись вовсе не воинственностью, а политическим расчетом, о чем ясно и справедливо говорил Сталин.

Хрущев и пока еще верный ему Булганин нанесли в 1956 году визит в Англию. На приеме в советском посольстве в Лондоне состоялась беседа нового лидера СССР с Черчиллем. «Вы задумали большое дело, господин Хрущев, — сказал умудренный жизненным опытом старик, — но учтите, что нельзя одолеть расстояния между двумя берегами в два прыжка!»

Сказано было впустую. Хрущев не знал даже, на какой берег собирался прыгать. Его ужимки и прыжки были порой нелепыми, типа культивации повсюду кукурузы и тотального освоения целины. А «борьба с культом Сталина» стала губительной для идеологии и морального состояния советского народа. Переименование Сталинграда стало кощунством по отношению к павшим защитникам города с таким именем.

В 1959 году на торжественном заседании Палаты общин Великобритании, посвященном 80-летию И.В. Сталина, выступил Черчилль. Злобная антисталинская кампания задевала его лично. Человек, которого он часто называл своим близким боевым товарищем по Второй мировой войне, был объявлен бездарным полководцем, мучителем и убийцей, обуюнным магией преследования и ненасытной жадой власти.

Это наносило удар по гордости и самолюбию незаурядного политического деятеля Великобритании, выставляя его или одураченным простачком, или бесстыдным лицемером. Ни тем, ни другим он не был, хотя бывал порой одураченным (редко) и вынужден был лицемерить (частенько). Традиции западных демократий допускают возможность лжи, облаченной в покров правды. Вот и Черчилль о том же выразился красиво: «Правда настолько драгоценна, что ее должен сопровождать эскорт из лжи».

В своей речи он сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял такой гений и непоколебимый полководец, как Иосиф Сталин.

Он был выдающейся личностью, вполне соответствовавшей жестокому времени, в котором протекала его жизнь.

Сталин был человеком необыкновенной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в британском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Статьи и речи Сталин всегда писал сам, и в них звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика, что он казался единственным среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой мудростью и чуждой всякой панике логикой. Сталин был непревзойденным мастером находить выходы из самого безвыходного положения.

В самые трагические моменты, как и в дни торжеств, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью.

Сталин создал и подчинил себе огромную империю. Он был человеком, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставив даже нас, которых открыто назвал империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имевшим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Нет, что бы ни говорили о Сталине, таких история и народ не забывают».

...Черчилль умер в 1965 году в возрасте 90 лет. Он заранее, до деталей проработал и описал всю церемонию своих похорон (она была не слишком пышной). А через двадцать лет к власти в СССР пришел Горбачев, началась чудовищная перестройка. И сбылись пророческие слова И.В. Сталина: «Время героев и гениев кончается, наступаст время дураков и предателей».

Нельзя считать Уинстона Черчилля геросм и гением, но он был крупным государственным деятелем. В дипломатических поединках со Сталиным он часто оказывался в проигрыше. Противник был слишком сильным. На стороне противника обычно, если не всегда, была правда (и без эскорта лжи). Об этом человеке Черчилль высказывался не раз. Вот фрагмент сго выступления 8 сентября 1942 года в Палате общин, после личного знакомства с Иосифом Виссарионовичем:

«Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которые ему приходится жить.

Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в Палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе.

Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью, с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода...

Одно совершенно очевидно — это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. Сталин сказал мне, что русский народ

является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызвали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился».

В тот же год член военного кабинета лорд Уильям Бивербрук высказался на ту же тему. Приведем его слова для того, чтобы нынешний читатель обдумал свидетельство умного и честного человека, не имевшего никаких оснований восхвалять советского вождя:

«Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, которым трудно найти аналогии в истории. Коммунизм при Сталине дал миру лучших генералов. Преследование национальностей? Совсем нет. Евреи живут там так же, как и все остальные. Политические репрессии? Да, конечно. Но теперь уже ясно, что те, кого расстреливали, предали бы Россию немцам».

Конечно, не все так просто, однако суть дела изложена достаточно верно.

Черчилль в 1959 году, отдавая должное великим сталинским достижениям, называл его диктатором. С таким определением можно согласиться лишь отчасти. Скажем, в отношениях с руководителями других государств, с тем же Черчиллем, Сталин если и диктовал свою волю, то лишь в интересах СССР и отстаивая правое дело с предельной честностью.

Был ли Сталин диктатором для русского народа? Вряд ли.

Он слишком много трудился и слишком мало заботился о себе и личном благе. Диктаторы упиваются собственной властью, любят выставять свою персону напоказ. В этом отношении диктаторские наклонности у Черчилля более очевидны, чем у Сталина. Другое дело, что государственное устройство и традиции Англии не допускали возможности даже таким лидерам, как Черчилль, становиться полноправными диктаторами.

Характеристика Сталина, данная Черчиллем, является свидетельством «из первых рук». Проницательно отмечено, что личные качества Сталина полностью отвечали тем задачам, которые требовалось ему решать в труднейшие для Советского Союза времена.

...Говорят, когда у Михаила Шолохова спросили, был ли при Сталине культ личности, он ответил: «Культ был. Но и личность была».

Но ведь незаурядным может быть не только гениальный творец, но и чудовищный злодей. Обратимся к серьезному, на первый взгляд, исследованию в двух объемистых томах британского историка Алана Буллока «Гитлер и Сталин». Сразу отметим, что к Гитлеру этот автор относится с большей симпатией, чем к Сталину, о котором пишет:

«Опыт первой половины жизни, проведенной среди антисоциальных элементов, воров и других отщепенцев... оставил след — психологические комплексы, от которых он так и не освободился...

Сталин был груб, невоспитан, необразован... Он был человеком, который никому не доверял и не вызывал доверия... Эта грубость — отсутствие воспитания, культуры... Сталин по-прежнему выходил из себя, в гневе набрасывался на того, кто ему противоречил или возражал... Эти первобытные свойства (которые Троцкий и другие члены Политбюро называли у Сталина «азиатскими») были особенно заметны на фоне остальных революционеров... Он вынужден был скрывать неприязнь к тем, кто был лучше образован, жил за границей, знал языки...

Он был непревзойденный лицемер и лицедей... приучил себя к сдержанности... Хитрость и коварство были его второй натурой».

Все эти обвинения приведены без доказательств, если не считать ссылки на недругов Сталина, в частности Троцкого. Некоторым оправданием для диктатора могло бы служить то, что согласно диагнозу Буллока, вождь СССР был параноиком. Остается лишь изумляться, как такая патологиче-

ская личность пребывала не в психиатрической лечебнице, а во главе государства в труднейший период и три десятилетия.

Если вспомнить хотя бы то, что писал о Сталине не раз встречавшийся с ним Черчилль, то становится ясно: это Буллок не способен к логическому мышлению или — способен на клевету и ложь.

Вот и профессор Б.С. Илизаров, на которого мы уже ссылались, по поводу поступления в вуз жены Иосифа Виссарионовича Надежды изрек: «В перспективе он мог получить дипломированную жену при недоучке-генсеке». И еще: «Все политические деятели первого ряда были людьми европейски образованными. Из них только Сталин так и остался недоучкой-семинаристом».

Да, не было у Сталина никакого диплома, а из семинарии его выгнали (по политическим мотивам). Но за этой формальной правдой кроется большая ложь Илизарова. Ее разоблачить нетрудно по выдержкам из его же книги: «Приятным и даже очаровательным в общении признавали его многие мировые государственные деятели: Черчилль, Рузвельт, де Голль; известные писатели и журналисты: Барбюс, Роллан, Фейхтвангер, Уэллс и другие».

Предположим, необразованный параноик был отменным лицедеем (правда, упомянутых людей не назовешь простаками, и они вели со Сталиным долгие беседы), мог притвориться воспитанным. Но как понять обвинения в отсутствии культуры и образованности, зависти к интеллектуалам, если тот же Илизаров сообщает: «Сталин был заядлым библиофилом. В дореволюционные годы, в период подполья, ссылок и бродяжьей жизни профессионального революционера у него было мало возможностей систематически читать, а главное, хранить книги. Но все, кто с ним встречался в этот период жизни, отмечают его постоянно растущую начитанность. В своих ранних работах, газетных и журнальных статьях... он цитирует не только марксистских классиков, но и за-

рубежных философов и историков довольно широкого спектра».

И еще: «Живой ум, не угасающая, а, наоборот, возрастающая с каждым годом, несмотря на многочисленные болезни (добавим — и огромную практическую работу. — *Р. Б.*), любознательность... Знания Сталина становились все более обширными и универсальными...»

Дальше — больше. Оказывается: «Без личного сталинского одобрения не принимался ни один проект станции метро (эти станции метро остаются одними из лучших в мире. — *Р. Б.*). Сталин принимал решения и по проектированию водных каналов, железных дорог и гидроплотин, решения о выпуске тех или иных видов вооружения, издании книг и учебников, строительстве новейших заводов и т.д. И это были не формальные решения, многие из которых принимает любой глава государства. Талантливейшие конструкторы в своих воспоминаниях в один голос отмечали, что он поражал своих собеседников тонким пониманием конструктивных особенностей тех или иных машин...

Хорошо известно, что он принимал все стратегические решения в ходе войны».

И это — недоучка-семинарист и параноик с букетом комплексов! Да ведь даже незаурядному интеллектуалу не дано так много знать и уметь, обладать подобной работоспособностью, памятью, остротой ума и, конечно же, образованностью.

Получается, что не у него, а у его хулителей обнаруживаются умственные и психические аномалии. Его врагов понять можно. Зависть к чужой необычайной славе, уязвленное самолюбие, непомерная и затаенная гордыня, неспособность оценить меру труда и ответственности подлинного руководителя государства (а не марионетки в руках администрации, влиятельных кланов).

Только под дурманом антисоветской пропаганды историки могут писать нечто несуразное, противоречащее здравому смыслу. Такой феномен объясняется внедрением в со-

знание и даже в подсознание определенной установки. Она начинает управлять поведением индивида и господствовать над его интеллектом. Достигается это комплексом приемов, используемых психотехнологами. В результате у людей возникает устойчивая неприязнь, ненависть к тем или иным понятиям, личностям, воззрениям.

Такой обработке подверглась значительная часть советских служащих. Выработывался четкий условный рефлекс, когда слова «СССР, советский народ, коммунизм, Сталин» вызывают приступы злобы, а от услышанных «буржуазная демократия, США, миллиардер, капитализм» текут слюнки. Сходные эффекты на собаках изучил И.П. Павлов. Завистливых «шариковых», как известно, легко сделать из интеллектуалов, падких на посулы комфортной жизни.

Обратим внимание на такой пассаж А. Буллока: «Сталин, в отличие от Гитлера, любил читать. Его библиотека в основном состояла из книг по политике, марксизму, истории». И тут лукавство. Сталин не просто любил чтение, а постоянно работал с книгами. Об этом свидетельствуют многочисленные пометки и закладки в самых разнообразных изданиях. Его личная библиотека насчитывала не менее 20 тысяч томов.

Согласно его записи, они разделены: «а) философия; б) психология; в) социология; г) политэкономия; д) финансы; е) промышленность; ж) сельское хозяйство; з) кооперация; и) русская история; к) история зарубежных стран; л) дипломатия; м) внешняя и внутренняя торговля; н) военное дело; о) национальный вопрос; п) съезды и конференции; р) положение рабочих; с) положение крестьян». А также: профсоюзы, беллетристика, художественная критика, журналы политические, журналы естественно-научные, словари всякие, мемуары... В конце длинного списка он отметил «антирелигиозную макулатуру».

По словам того же Илизарова, «этот список иллюстрирует широту интеллектуальных интересов вождя и его умение систематически мыслить».

Оголтелость антисоветчиков горбо-ельцинского времени демонстрирует книга Ю.Д. Дьякова и Т.С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы» (1992). Авторы обвинили в подлости, лжи, преступлениях советских руководителей, прежде всего Ленина и Сталина. Относя себя к «прогрессивно мыслящим» ученым, поносили тоталитарную систему и сталинский геноцид... «германский вермахт (рейхсвер), — пишут они, — в обход версальских запретов, набирал силу на нашей земле».

Эти «обличители» советского периода солгали уже в самом заглавии книги, ибо до 1933 года Германия не была фашистским государством! Да и масштабы сотрудничества двух стран, как свидетельствуют приведенные документы, были ничтожными. А вот поощряли милитаризацию фашистской Германии, натравливая ее на СССР, именно западные державы. Об этом у авторов, погрязших в клевете на свою родину, ни слова.

Что касается сталинской непомерной жажды власти и прославления своего имени, то надо только сделать небольшое усилие воли, чтобы подумать: что дала ему диктаторская власть? Как он ею наслаждался? Почему он не почивал на лаврах, не выступал то и дело перед подданными, срывая овалы, не имел «престижных» любовниц, не совершал помпезные визиты в разные страны? Почему он не удостоивал себя почетными званиями и наградами, избегал роскоши, был прост в общении? Почему принимал как должное обращение к себе — товарищ?

Что дала ему диктаторская власть, кроме колоссальной ответственности, которую он взваливал на себя, скажем, во время войны и буквально титанической работы? Остается загадкой, каким образом он с ней справлялся. Вряд ли кто-нибудь из государственных деятелей всех времен и народов работал столько, сколько он, при этом постоянно занимаясь самообразованием, вникая в тонкости самых разных про-

блем — от политических до конкретных технических и научных.

В своей статье о проекте учебника политэкономии он поставил пунктом 8-м такое из своих предложений:

«Я думаю, что главу «Марксистское учение о социализме. Создании В.И. Лениным и И.В. Сталиным политической экономии социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника».

Нужны ли тут комментарии? Остается лишь удивиться подлости тех, кто утверждал и утверждает, будто он страстно любил власть и насаждал свой культ. Правда, привыкшие юлить и лицемерить сошлутся на хитрость вождя. Мол, демонстрировал свою скромность!

Но станет ли это делать параноик, обуянный манией величия? И вообще зачем было ему, имевшему поистине всемирную славу, кому-то что-то демонстрировать? Кстати, учебник политической экономии предназначался и для зарубежной аудитории. Представлялась прекрасная возможность раздуть культ своей личности.

...Признаться, меня в старших классах и в первые студенческие годы раздражало обилие изваяний, фотографий, портретов Сталина. Было в этом нечто нарочитое, устроенное какими-то не в меру усердными подхалимами, официальными пропагандистами, отрабатывающими свою «зряплату». Сотворив себе кумира и непомерно восхваляя своего «вождя и учителя», советские граждане, как мне казалось, тем самым унижают свое достоинство.

Однако стихийные толпы людей, вышедших на улицы Москвы для прощания с ним, неподдельная скорбь миллионов показали, что умер действительно отец народа, и народ почувствовал себя осиротевшим. Были, конечно, и злорадные враги его из этих «темных народных масс», «русской нации рабов».

Впрочем, после памятного секретного (и тут же ставшего известным не только у нас, но и за границей) доклада Хру-

лцева на XX съезде КПСС злорадство антисоветчиков получило оправдание. Выходило, как по вещим словам Юродивого в драме Пушкина «Борис Годунов»:

— Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит.

Большая ложь о «большом терроре»

Книга Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937» была издана сначала в Амстердаме, и почти одновременно — в Москве. Автор словно предугадал то, что через полвека Москва 1987 года станет в значительной мере антиподом той, которую видел он. В 1987-м миллионы «россиян», ужасаясь чудовищным террором, царившим в стране полвека назад, будут голосовать за своих продажных правителей, лишь бы не повторился тот кошмар.

Через четыре года после 1937-го грянула самая разрушительная и кровавая война в истории человечества. Советский Союз в ней победил, умножив число дружественных социалистических государств. А что произошло через четыре года после 1987 года?

Без явной войны СССР был расчленен на куски, сго население оказалось в экономическом и культурном провале, а русские стали вымирать. Ничего подобного не произошло ни с одним великим народом мира. Германия и Япония, проигравшие Вторую мировую войну, остались в числе крупнейших и процветающих стран мира, а ФРГ увеличила свою территорию и население за счет «аншлюса» ГДР.

В чем же дело? Прежде всего в том, каким курсом шел Советский Союз в 1937 и 1987 годах. Тогда — сталинская генеральная линия на укрепление государства и улучшение жизни народа. Теперь — антисталинская линия на ослабление государства и на власть номенклатуры, торгово-криминального капитала. Политика Ельцина уничтожила Великую Россию, превратив ее в третьсразрядное государство.

Фейхтвангер в своей книге признал: «То, что акты вредительства были, не подлежит никакому сомнению. Многие, стоявшие раньше у власти — офицеры, промышленники, кулаки, — сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством... Постепенно, однако, население охватил настоящий психоз вредительства».

И это тоже верно. Кампании по борьбе с «врагами народа» (понятие, введенное, кажется, еще во времена императора Нерона) слишком часто — в разные времена и у различных народов — персходят в настоящие массовые психозы, омрачающие духовную жизнь общества.

Так проявляется пресловутое «стадное мышление», свойственное крупным коллективам. Так было, так есть, так будет. Главное — с какими целями, ради чего (или кого) используется эта особенность духовного бытия общества. Не менее важно иметь ясное представление о масштабах репрессий и против кого они были направлены. Обратимся к фактам.

Официальные цифры о численности заключенных ГУЛАГа по состоянию на 1 января каждого года (Социс, № 6, 1991):

Год	В исправительно-трудовых лагерях	Из них осужденных за контрревол. прест.		В испр.-трудовых колониях	Всего
1934	510 307	135 190	26,5	—	510 307
1935	725 483	118 256	16,3	240 259	956 742
1936	839 406	105 849	12,6	45 7 088	1296 494
1937	820 881	104 826	12,8	375 488	1196 369
1938	996 367	185 324	18,6	885 203	1881 570
1939	1317 195	45 4 432	34,5	355 243	1672 438
1940	1344 408	444 999	33,1	315 584	1659 992
1941	1500 524	420 293	28,7	429 205	1929 729

Количество политических заключенных превысило 0,5 млн человек только в 1950 году. И это понятно: сюда вошли те, кто сотрудничал с фашистами, полицаи, власовцы. Таковы факты.

Утверждение, будто «политический террор» в СССР был чудовищен и было порядка 10 млн заключенных ГУЛАГа, — подлая ложь. Вслед за Геббельсом ее повторил Хрущев на XX съезде КПСС. При подготовке к этому докладу он получил из КГБ цифры о количестве заключенных ГУЛАГа в разные годы. Представленные материалы он не привел.

«Когда Сталин умер, — написал он в своих мемуарах, — в лагерях находилось до 10 млн человек». А согласно документам на 1 января 1953 года это число — общее — было меньше 2,5 млн человек, из которых большинство были уголовниками. Ложь Хрущева отвратительна вдвойне еще и потому, что именно он был одним из наиболее ретивых и жестоких «террористов» против своего народа.

Могут возразить: но ведь приведены цифры только тех, кто остался в живых. А сколько было расстреляно!

Действительно, сколько? Историк и социолог В.Н. Земсков привел соответствующие сведения: «В феврале 1954 г. на имя Н.С. Хрущева была подготовлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, в которой называлось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Всего за этот период было осуждено Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 380, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек».

Кому-то, замороченному «перестроечной» пропагандой, может показаться, что эти цифры не отражают реальность потому, что был террор «безучетный» и расстреливали по

единому доносу или смутным подозрениям миллионы людей. Нет, конечно. Каждый человек — заключенный или приговоренный к высшей мере (из них не всех расстреливали) — был на счету, за него отвечали следователи, судьи подчас ценой собственной жизни.

Приведены цифры за 33 года. И за этот огромный срок расстрельных приговоров было менее 0,7 млн, а политзаключенных — менее 2,4 млн человек. Но сколько убежденных врагов советской власти было в эти годы в СССР? Или члены запрещенных партий и представители эксплуататорских классов с пением «Интернационала» дружно включились в строительство социализма, а во время Великой Отечественной войны не сотрудничали с гитлеровцами? Нет, не менее десятка миллионов граждан СССР в эти годы были враждебны к советской власти, а часть из них — ее убежденными врагами.

Были ли среди репрессированных невинные? Безусловно. Так было, есть и будет в любой более или менее крупной стране. А у нас после революций и Гражданской войны ситуация оставалась острой, шла борьба за власть, да и квалификация следователей, судей, прокуроров частенько оставляла желать лучшего. И, несмотря на это, репрессии были сравнительно невелики для революционного времени. В этом отношении Французская буржуазная революция была значительно более жестокой, кровавой.

Есть еще одна проблема. ГУЛАГ якобы был, как нередко пишут, «машинной истребления» (некоторые даже сравнивают его с фашистскими концентрационными лагерями). В таком случае какая разница между приговоренными к расстрелу и замученными в лагерях, погибшими там от голода, холода и болезней?

На этот счет тоже имеется официальная достоверная статистика. Оказывается, до 1938 года число бежавших из ГУЛАГа было в 2–2,5 раза больше, чем умерших. А умирало...

Признаться, показатель смертности в сталинских лагерях выглядит неправдоподобно низким. Для контроля я

справился на этот счет у одного военврача, находящегося на пенсии, интересовавшегося этим вопросом профессионально, а по своим убеждениям относящегося к демократам. Он подтвердил приведенные ниже официальные сведения.

Год	Наличие на 31 декабря	Умерло в текущем году	Смертность, %	Бежало, %
1934	725 483	26 295	3,5	11
1935	839 406	28 328	3,3	8
1936	820 881	20 595	2,5	7
1937	996 367	25 376	2,6	6
1938	1317 195	90 546	6,9	0,3
1939	1344 408	50 502	3,8	0,1
1940	1500 524	46 665	3,1	0,07
1941	1415 596	100 997	7,1	0,07

У этой таблицы есть несколько удивительных на первый взгляд особенностей. Поражает низкая смертность в 1936 и 1937 годах: 2,5 и 2,6%. В конце XX века, в период «расцвета демократии» и правления Ельцина, в России общая смертность населения превысила 2%, то есть приблизилась к той, которая была в ГУЛАГе еще в те времена, когда в мире не использовали пенициллина и многих других лекарств.

А чем объяснить всплеск смертности в 1938 и 1941 годах? Переход к лагерям уничтожения? Но почему тогда в 1939 и 1940 годах смертность заметно снизилась?

Ответ помогает найти последняя графа таблицы, где показан процент бежавших из лагерей. До 1938 года он был очень высок: от 11 до 6%. И вдруг уменьшился в 20 раз. В то же время в 2,5 раза возросла смертность. В 1941 году всплеск лагерьной смертности не сопровождался уменьшением и без того мизерного процента беглецов. По-видимому, в число умерших включены те, кого расстреляли при нападении фашистов

в лагерях, расположенных на западе страны. Тогда расстреливали, как рассказывали свидетели, прежде всего «политических», опасаясь, что они перейдут на сторону врага.

Рост смертности в 1938 году объясняется, судя по малому количеству убежавших, ужесточением лагерного режима в связи с широким распространением побегов... Начались, по-видимому, расстрелы «при попытке к бегству» или когда беглец-рецидивист был вновь задержан.

Интересные данные приводит В.Н. Земсков о динамике уровня образования заключенных за период с 1934 по 1941 год. Удельный вес малограмотных за этот период снизился с 42,6% до 28,3%, а численность заключенных с высшим образованием увеличилась в среднем в 5 раз.

«Эти данные говорят о том, — делает он вывод, — что опережающими темпами в составе лагерных заключенных росли численность и удельный вес интеллигенции. Недоверие, неприязнь и даже ненависть к интеллигенции — это общая черта коммунистических вождей. Практика показала, что, доравнявшись до безграничной власти, они были просто не в силах удержаться от соблазна поглумиться над интеллигенцией».

Отметим, что слишком формально подошел уважаемый автор к понятию «интеллигенция», причисляя сюда только тех, кто получил высшее образование. Точнее был бы термин «интеллектуал» (хотя получение диплома еще не гарантия высоких или даже средних интеллектуальных способностей). Но главное не в этом. Несправедливо упрекать Сталина в «зажиме» интеллигенции или, тем более, «глумлении» над ней. Именно благодаря его политике население России из преимущественно безграмотного или малограмотного превратилось в народ с едва ли не самым высоким интеллектуальным потенциалом в мире. И не заемным, как у американцев, а собственным.

Есть люди с высшим образованием, использующие свои знания на деле, в труде; а есть и «образованцы», стремящиеся получить работу полегче, пристроиться на «тепленьком» местечке, где есть возможность прикармливать государ-

ственные денжки, различные материальные ценности или перейти на руководящую партийную работу. Не секрет, что подавляющее число экономических преступлений совершают люди с достаточно высоким уровнем образования.

Возрастание числа людей с высшим образованием в ГУЛАГе с 1934 по 1941 год объясняется прежде всего общим повышением уровня образованности в стране. Кроме того, сказывалось увеличение доли экономических преступлений. Очень существенно и то, что основной вал репрессий прошелся по «высшим слоям» советского общества, захватил множество руководящих работников в разных отраслях, а прежде всего в ОГПУ-НКВД и армии, но более всего — в партийных органах. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что репрессии были не против народных масс, а против партийно-государственных руководящих работников.

Интеллектуалы при этом тоже страдали, но в меньших масштабах. А то, что недоверие к ним было вполне оправданно, показывает опыт «перестройки», развала и расчленения СССР, стремительного обнищания России за счет невероятного по масштабам и беспрецедентного в мировой истории вывоза капиталов и национальных богатств за рубеж. Все это осуществили, а также обеспечили интеллектуальной и пропагандистской поддержкой именно широкие слои «образованцев», людей, особенно склонных не только к обману, но и самообману.

Они, в отличие от интеллигенции, стремятся приобрести максимум материальных благ, а не духовных. Когда таких людей в обществе становится много и они проникают во властные и идеологические структуры, тогда общество становится по духу своему буржуазным, а не интеллигентным. Это и стало одной из основных причин поражения России-СССР в конце XX века.

Однако вернемся к теме репрессий довоенных лет. Очистился ли благодаря им советский народ от внутренних врагов и враждебных элементов? Отчасти — да. Но только отчасти.

«Позднее, во время войны, — пишет В.Н. Земсков, — выяснилось: десятки тысяч людей, всегда испытывавших ненависть к советскому общественному и государственному строю и мечтавших устроить массовую резню коммунистов, что побудило их стать активными пособниками фашистских захватчиков, избежали в 1937–1938 гг. ареста по той причине, что не вызывали у органов НКВД особых подозрений в силу своего показного «верноподданничества»... Органы НКВД (особенно при Н.И. Ежове) в основном занимались не настоящей классовой борьбой, а ее чудовищной имитацией в широких масштабах».

Надо лишь заметить, что дело не только в «имитации». По вполне объективным причинам выявить тех самых затаившихся врагов, о которых упомянул Земсков, не так-то просто, если не сказать — невозможно. В любом государстве есть немалый процент недовольных и даже враждебно настроенных к нему приспособленцев.

Надо ясно понять: репрессии 1937–1938 годов не были массовыми, практически не затрагивали трудящихся, а были направлены преимущественно на «верхние слои» НКВД, армии, ВКП(б), служащих.

Иными были репрессии начала 1930-х годов, связанные с коллективизацией, раскулачиванием. Не случайно Сталин в 1945 году, отвечая на вопрос Черчилля, какие годы для него были самыми трудными, назвал не первые два года войны, а три года коллективизации.

Мы не имеем возможности основательно проанализировать ситуацию того времени: потребовалось бы специальное исследование. Подобные работы проводились серьезными учеными, хотя, увы, в СМРАП были допущены не они, а враги советской власти и народа. Они со злорадством до сих пор твердят о «голодоморе», якобы специально устроенном Сталиным и его подручными.

Надо сразу сказать, что нет такого государственного деятеля, который нарочно заставит голодать население своей страны (певцы «голодомора» с упорством идиотов воют

о параноике-генсеке, но убеждать подлецов и предателей бессмысленно: на таких воздействуют другими методами). Это чревато не только бунтами, что было и в царской России, и в СССР, но и грозным восстанием.

Есть возможность сослаться на затаенного врага русского народа А.Я. Яковлева (Эпштейна), возглавившего Комиссию Политбюро по вопросам коллективизации. Однако для советского народа он был безобиднее своего однофамильца — выходца из русского народа — времен горбальцинизма.

Возможно, на Яковлева-Эпштейна и его подельников произвел впечатление успешный опыт «кибуцев». Эти коллективные хозяйства теоретически обосновали немецкие ученые-сионисты для своих переселенцев в Палестине. Но такие поселки городского типа, где жители не имеют личных подсобных хозяйств, были неприемлемы для российских традиций, в условиях русской природы и тем более в данной конкретной социально-экономической обстановке.

В стране проводилась ускоренная индустриализация. Она была необходима для подъема народного хозяйства и подготовки к неизбежной войне. Шел отток населения из сел в города и на стройки (немалое число раскулаченных в конце концов оказалось там). На селе кулаки при НЭПе процветали и крепили на зависть беднякам.

Далеко не все кулаки были честными тружениками. Скажем, экономист А.В. Чаянов предлагал причислять к кулацким только такое хозяйство, «центр тяжести доходов которого лежит в торговых оборотах, ростовщическом кредите. В том числе сдаче в аренду инвентаря на кабальных условиях». Таких хозяйств предположительно было не более 3%. Их-то и предполагалось раскулачивать.

Реорганизовывать сельское хозяйство с переводом его на индустриальную основу приходилось в спешке; «Темны решают все», — говаривал Сталин. В стране все еще продолжался революционный период, и большинство исполнителей действовало соответствующими методами. (Об

этом можно судить по интереснейшей переписке Шолохова со Сталиным.) Многие кулаки оказывали яростное сопротивление. Не желавшие отдавать скот в коллективное пользование забивали его. Число крупного рогатого скота сократилось к 1933 году почти вдвое, а овец втрое. А тут еще грянула засуха, неурожай...

И это еще не все факторы, вызвавшие голод. Согласно статистике, тогда на Украине погибло от голода 640 тысяч человек, а возможно, и около миллиона. Высокая смертность была и в ряде других регионов Европейской части СССР.

Казалось бы, можно было оставить сельских жителей в покое. Но тогда государство не могло бы регулировать ни цены на продукцию сельского хозяйства, ни ее поступление в достаточном количестве в города и на стройки, в армейские коллективы. А это вызвало бы бурную реакцию рабочего класса и могло привести к новой гражданской войне.

Учтем и то, что Сталин в то время еще не имел той полноты власти, которая была у него в руках в последние три довоенных года. Он постарался сделать все возможное для того, чтобы прекратить «революционные перегибы» при коллективизации.

И на этот раз, как в первые два года войны с фашистами, после страшных неудач и большого количества жертв, последовала полная победа «на сельскохозяйственном фронте». Социалистическое строительство было в общих чертах завершено к 1939 году. В 1937 году валовой сбор зерна достиг рекордной величины: 96,3 млн т, почти в полтора раза больше, чем 6 лет назад. Угроза голода миновала. Хотя в последующие два года валовой сбор зерна сократился.

Повторю, темы коллективизации, раскулачивания, индустриализации сельского хозяйства в СССР у нас здесь упрощены. Нельзя забывать о врагах советской власти, которые пользовались любым поводом для подрывной деятельности, для усугубления и без того тяжелой ситуации.

Сказывалось и то, что приходилось проводить мероприятия отчасти методом проб и ошибок. Ведь шло небывалое в мире преобразование феодально-капиталистической системы в социалистическую.

Идейное единство и разлад

По свидетельству Лиона Фейхтвангера, единство взглядов советских людей сводилось «к трем пунктам, а именно: к общности мнений по вопросу об основных принципах коммунизма, к всеобщей любви к Советскому Союзу и к разделяемой всеми уверенности, что в недалеком будущем Советский Союз станет самой счастливой и самой сильной страной в мире».

Таким образом, прежде всего, господствует единое мнение насчет того, что лучше, когда средства производства являются не частной собственностью, а всенародным достоянием».

Правы ли были советские люди в этом своем убеждении? Опыт нашей истории доказал бесспорно: они были совершенно правы. Грабительская «приватизация» национальных богатств обернулась экономической катастрофой и социальными бедами для народа.

«Мне нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей, — продолжал Фейхтвангер. — Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому».

Такой патриотизм вполне оправдан и служит укреплению единства общества. Он не исключает критику порой весьма важных персон, не исключает и крупных ошибок, но только не генеральной линии партии. В этом, подчеркивает Фейхтвангер, «отклонений не бывает, или если они существуют, то не осмеливаются открыто проявиться».

Тут можно посетовать на подавление свободы личности, мнений и убеждений. Ведь для интеллектуала бывает особенно важно высказать свою точку зрения, отличающую

его от других, от массового сознания — как проявление сознания личного. Индивидуализм — вот знамя, под которым собираются интеллектуалы, каждый из которых стремится правдами и неправдами показать всем свое мнение.

Такая позиция оправдана тем, что именно единицы, а не массы делают великие научные открытия, создают выдающиеся произведения литературы и искусства, изобретают нечто необыкновенное. Творчество — явление индивидуальное. Но понятие «генеральная линия» имеет в виду не одинок, а общество как единое целое, народное хозяйство.

«В чем же состоит генеральная линия партии? — задается вопросом индивидуалист Фейхтвангер. — В том, что при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей войне не может быть и речи... Если сомнения в правильности генеральной линии еще имели какой-то смысл — приблизительно до середины 1935 года, то после середины 1935 года они с такой очевидностью опровергнуты возрастающим процветанием страны и мощью Красной Армии, что «консенсус омниум» (всеобщее признание) этого пункта равносильно всеобщему признанию здравого смысла».

И в таком случае любой, даже самый махровый индивидуализм должен уступить свои позиции коллективизму, — если человек честен и уважает мнение, основанное на фактах и здравом смысле.

Патриотизм советских людей, отметил Фейхтвангер, имеет крепкий фундамент: «Там жизнь человека с каждым днем явно улучшается, повышается не только количество получаемых им рублей, но и покупательная сила этого рубля. Средняя реальная заработная плата советского рабочего в 1936 году поднялась по сравнению с 1929 годом на 278 процентов, и у советского гражданина есть уверенность в том, что линия развития в течение еще многих лет будет идти вверх (не только потому, что золотые резервы Германской империи уменьшились до 5 миллионов фунтов, а резервы

Советского Союза увеличились до 14 миллионов фунтов). Гораздо легче быть патриотом, когда этот патриот получает не только больше пушек, но и больше масла, чем когда он получает больше пушек, но вовсе не получает масла».

Писатель раскрывает причины агрессивной политики гитлеровской Германии и миролюбивой политики сталинского СССР. Как всякое хищное государство, Германия должна была все больше захватывать «добычи» извне. В ту пору это происходило путем вооруженного захвата территорий. (В наши времена агрессивность проявляется преимущественно в экономическом и экологическом аспектах.) А наша страна была державой «самодостаточной», основой ее процветания и залогом благополучия граждан были труд, знания и природные ресурсы.

Говоря о культуре в СССР времен 1937 года, Фейхтвангер отметил необычайный для Запада интерес советских людей к литературе, театру, кино. Тиражи писателей-классиков были в десятки раз больше, чем в странах Запада. Хотя нельзя было не заметить строгости цензуры, пресекающей даже слабые намеки на недовольство советской властью или неверия в торжество социализма и коммунизма. Ожесточение цензуры произошло за последние годы. Почему? «Тебе отвечают: что Советскому Союзу угрожает предстоящая в недалеком будущем война и нельзя медлить с моральным вооружением».

Но может быть, свобода высказывать свое мнение, пусть даже антинародное, важнее «морального вооружения»?

Для индивидуалиста, исповедующего культ собственной личности, видимость свободы слова важнее, чем общегосударственные интересы. Ему невдомек, что такая свобода показать «кукиш в кармане» (как лукавый и трусливый персонаж в пьесе Шекспира) — это лишь жалкое подобие «разномыслия», предоставленное хитрым хозяином своему слуге.

Фейхтвангер верно отметил: «Никогда Советскому Союзу не удалось бы достичь того, чего он достиг, если бы он допустил у себя парламентскую демократию западно-

европейского толка. Никогда при неограниченной свободе ругани не было бы возможности построить социализм. Никогда правительство, постоянно подвергающееся нападкам со стороны парламента и печати и зависящее от исхода выборов, не смогло бы заставить население взять на себя тяготы, благодаря которым только и было возможно проведение этого строительства. Руководители Советского Союза, оказавшись перед альтернативой, предлагающей им либо тратить весьма значительную часть своих сил на отражение бессмысленных и злобных нападков, либо бросить все свои силы на завершение строительства, высказались за ограничение свободы ругани».

Демократия, по определению, — власть народа, трудящихся, большинства населения. Демагогия — болтовня о демократии, возможность имитировать демократию под присмотром государственной власти и при господстве имущих капиталы. Демагогия позволяет под видом демократии устанавливать диктатуру богатых. В этом на собственном печальном и позорном опыте убедились бывшие граждане канувшего в прошлое СССР.

Приехав с Запада в Москву, Лион Фейхтвангер написал: «Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко».

Кто ныне это скажет о нынешней демагогической России? Но как же тогда могучая держава рухнула, и ее в прошлом чистый воздух пропах ложью, лицемерием, демагогией, алчностью, предательством, эгоизмом?

Частично ответ на этот вопрос содержится в той же книжке «Москва, 1937». Там упомянуты две закономерности: «У более высоко оплачиваемых рабочих, крестьян и служащих развивается известное мелкобуржуазное мышление, весьма отличное от пролетарского героизма...» И еще: «Общность мнений приведет к известному нивелированию личности, так что к концу осуществления социализма Советский Союз превратится в не что иное, как в гигантское

государство, состоящее сплошь из посредственностей и мелких буржуа».

Сходную мысль задолго до него высказал русский философ и анархист М.А. Бакунин: «Но героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, в разврат и бессилие».

Так произошло с привилегированной прослойкой в СССР уже через десятилетие после Великой Победы в войне. Так было и раньше, в 30-е годы, и это отчасти объясняет разгул репрессий, направленных главным образом против тогдашних «сливок общества». Тогда могла осуществиться в стране буржуазная контрреволюция, но она была подавлена жестокими методами в зародыше. Массовых выступлений против генеральной линии партии не произошло. Такова была диалектика той героической и суровой эпохи.

А через полвека после 1937 года «привилегия, являясь в настоящем виде», породила «эгоизм, трусость, подлость и глупость».

В этом беда всей технической цивилизации. Развитие и расцвет СССР показали гигантские потенциальные возможности народовластия и коллективизма. Но героический подъем сменился застоем и духовным обнищанием, прямо пропорционально материальному обогащению. Общество перешло в стадию разложения. Если 1937 год был героическим и трагическим, то 1987-й стал обывательским и позорным в истории великой страны, великого народа, великой культуры.

Говорят, для этого были веские основания, связанные с коренными недостатками советской сталинской системы. Хотя никаких подтверждений такой версии, кроме голословных утверждений, нет. Ведь эту систему активно расшатывали, подрывали, перестраивали, демонтировали со времен Хрущева более 35 лет. Огромный срок в наше динамичное время! На это были израсходованы сотни миллиар-

дов (!) полновесных, еще не обесцененных долларов. Сумма колоссальная!

Вот наиболее очевидное подтверждение продуманности, жизнестойкости сталинской организации общества, отвечающей в общих чертах чаяниям народа и **требованиям экологии**. Они ясно подтверждаются, например, современным очередным кризисом капитализма, причем глобальным и одним из наиболее жестоких. Как выходят из него? Внедряя систему государственного планирования, регулирования, ограничения (к сожалению, небольшого) власти олигархов.

Постижение истории

С давних пор историю человечества, страны, народа пишут, исходя из настоящего: накопленных на данный момент знаний, имеющихся исследований и высказанных мнений, в соответствии с уровнем ума и знаний автора. Конечно, речь идет не о перечнях дат, имен и событий, а о понимании исторического процесса, его причин и движущих сил.

В этом отношении исторические сочинения неизбежно субъективны. Однако издавна описание тех или иных событий и лиц делается с определенных политических, религиозных, философских или нравственных позиций и ради определенных целей. Тут уже проявляется не просто субъективность, а предвзятость.

При этом следует разделять два вида целей.

Каждое нормальное государство стремится к устойчивости и единству общества. Этому служит соответствующая идеология. В угоду ей преподносятся исторические события и личности.

Есть и другая цель: расшатать государственные устои, разрушить общественные связи между народами, поколениями, религиозными конфессиями, представителями разных социальных групп.

В Советском Союзе учение марксизма-ленинизма имело две составных части: исторический и диалектический мате-

риализм. Первый исходил из представления о направленном прогрессе общества от первобытной анархии к завершающему цивилизованному коммунизму, основанному на высших достижениях науки и техники.

Такова оптимистическая концепция, предполагающая, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», как утешал себя многомудрый Панглос из философской повести Вольтера «Кандид», понадавший в страшные переделки. В Новом Завете предлагается другой финал человечества: вселенские катастрофы и Страшный Суд над всеми живущими и жившими.

Отказ от исторического материализма в России после установления буржуазной демократии повлек за собой полный пересмотр концепции развития цивилизации. Прежде восхваляемого «самого человеческого человека» теперь в многотиражных изданиях представляют тираном и злодеем, а образы почти всех царей сусально приукрашивают, приводя многочисленные факты. Но и прежде историки, утверждавшие нечто противоположное, тоже ссылались на достоверные сведения.

В чем же дело? Догадаться нетрудно. Исторических событий великое множество, они нередко противоречивы и даже очевидцами описываются по-разному. Сочинителям предоставляется прекрасная возможность выбирать из этого обилия то, что им требуется, а прочее либо замалчивать, либо фальсифицировать. Именно таких, с позволения сказать, историков используют имущие власть и капиталы.

Об этом приходится помнить, рассказывая о событиях и недавнего, и далекого прошлого. Надо хотя бы в общих чертах представить себе то время, о котором идет речь, и обстановку, в которой жил и действовал данный персонаж. Полезно попытаться сообразить, что следовало бы предпринять в той или иной ситуации, к чему бы это привело.

Нередко предполагается, что тиран — это тип злодея, который наслаждается мучениями невинных жертв. Иногда нечто подобное встречается. Но психически ненормальный

человек не может долго находиться во главе государства: от него постараются поскорее избавиться либо потенциальные жертвы, либо народные массы, либо ближайшее окружение, ибо от его свирепых причуд никто не застрахован.

Интересную мысль высказал маркиз де Сад: «Деспот — тот, кто создает законы, кто по своему усмотрению изменяет их и заставляет служить собственным интересам. Лишите деспота возможности злоупотребления, и это будет конец тирании. Никогда не существовало тирана, который бы не использовал законы для удовлетворения своей жестокости; если повсюду человеческие права будут распределены равномерно, чтобы дать каждому возможность отплатить за причиненные ему обиды, никакой деспот появиться не сможет, ибо он будет сброшен, как только поднимет руку на первую жертву. Никогда тираны не появлялись во времена анархии, они процветают лишь под прикрытием закона и достигают власти при его помощи, приспособливая затем закон к своим потребностям...

Повторяю: при помощи законов вы породите еще больше негодяев, более хитрых и порочных, но не создадите добродетельных людей».

Помимо заключительного высказывания, не вызывает сомнений тезис знаменитого садиста о несовместимости тирании с анархией. Действительно, как свидетельствует опыт истории, наиболее жестокие репрессии осуществлялись под сенью закона и при господстве той или иной партии, того или иного правителя.

Для нашей цели представляет особый интерес вопрос: почему в некоей стране в определенное время появился великий диктатор, и чем он руководствовался в своих поступках. И хотя не исключено его стремление к власти по каким-то личным мотивам, скажем, из неутолимой жажды славы, чаще, пожалуй, жестокая диктатура порождается обстоятельствами. Ни один здравомыслящий руководитель не станет прибегать к крайним мерам, когда есть возможность обойтись без них.

Прошу прощения за ссылку на личный опыт. Он не относится к событиям историческим, но помогает раскрыть суть явления. Во время работы в геологических партиях (не путать с политическими!) мне приходилось, попадая в критические ситуации, принимать волевые решения и превращаться в диктатора.

Например, происшествие с нашим небольшим отрядом в горах Станового хребта. Лагерь был расположен на островке рески Утук. Однажды ночью после сильных дождей вода в реке стала подниматься и затопила островок. Ребята успели надуть резиновую лодку, туда погрузили приборы. Поток стал сносить палатки. Все девять ребят и девушек сгруппировались вокруг лодки — по пояс в ледяной воде. Вокруг темень, дождь; по реке проносятся сорванные потоком кусты и деревья.

Я не был начальником отряда и поначалу позаботился о своем рюкзаке (он единственный тогда остался невредимым, а его содержимое вскоре пригодилось всем). Вода прибывала, а люди стояли в ошеломенности. Подойдя к ним, я стал вытаскивать из лодки ящики с приборами. Кто-то попытался меня остановить: мол, приборы дорогие, импортные. Я крикнул, что надо плыть, пока не поздно. Они тут же бросились в лодку. Мы все спаслись.

Как руководителю мне порой приходилось принимать решения, пресекая споры. Не всегда есть время для долгих обсуждений. Иной раз надо взять ответственность на себя, принять хотя бы сомнительное решение, чем пребывать в растерянности. Людям, не попадавшим в кризисные ситуации, трудно понять практическую пользу диктатуры в определенных обстоятельствах. А среди историков подобные люди преобладают.

Когда в русской армии весной 1917 года стал действовать «Приказ № 1», уравнивающий в правах солдат и офицеров, предоставивший особые полномочия солдатским комитетам, с воинской дисциплиной было покончено: действующая армия превратилась в бездействующую. Цели войны

были чужды русскому народу. Она обогащала малую кучку пройдох и олигархов.

Февральско-мартовская анархия, заставившая царя отречься от престола, предоставила власть буржуазному Временному правительству. Анархия октября-ноября привела к Октябрьскому перевороту и власти большевиков, которые победили в Гражданской войне и восстановили Великую Россию, на новых социально-политических, а затем и экономических основах.

Все это были не происки каких-то экстремистов (такие люди не смогли бы прийти к власти, удержать ее и восстановить страну). Так проявлялись объективные законы развития общества в данных конкретных условиях. Тем, кто не в силах это понять, можно посоветовать не тужиться над объяснением исторических процессов, а лучше спокойно и вдумчиво хотя бы перечитать «Войну и мир» Льва Толстого.

История — это бесценный опыт человечества, отдельных народов и стран. Чрезвычайно важно уметь им воспользоваться. Для этого требуются знания, умение работать с фактами, здравый смысл, не замутненный СМРАП и научными предрассудками, честность.

Никто не утверждает, будто у нас при социализме все было распрекрасно. Идеального общества нет и быть не может. Идеал по сути своей отличен от реальности. Но без высоких нравственных идеалов, исповедуя культ денег и материальных ценностей, население низводится до скотского состояния и вырождается прежде всего духовно.

Сошлюсь на М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Общество, изгнавшее из своей среды склонность к занятиям высшими умственными интересами, общество, с презрением и насмешкою относящееся к так называемым широким вопросам жизни... это общество одичалое, живущее наудачу и даже не могущее уяснить себе последствия, к которым неминуемо должна привести его одичалость». В числе этих последствий он упомянул неурядицы, общественное бессилие, распущенность нравов, увлечение чувственностью и пошлостью.

И еще одно его высказывание: «В истории действительно встречаются по местам словно провалы, перед которыми мысль человеческая останавливается не без недоумения. Поток жизни как бы прекращает свое естественное течение и образует водоворот, который кружится на одном месте, брызжет и покрывается мутною накипью».

Мы находимся именно в таком круговороте. СМРАП фонтанируют «последними новостями», часто запугивающими обывателя, разжижают мозги сериалами, изрыгают антисоветчину и поносят память героев. Словно не минуло почти 20 лет со дня расчленения СССР и более полувека с момента смерти Сталина. При его жизни наша Родина Россия достигла вершины своего развития, могущества и славы. Потому-то до сих пор враги советского русского народа клеветают на него.

...Итак, надо твердо признать: да, в сталинское время, как и в любые времена в любой крупной стране, были гонения на врагов существующей власти, репрессии. Были и несправедливо осужденные. Но все это относилось почти исключительно к верхним слоям властной вертикали. Называть это «большим террором», «репрессиями против народа» — грязная ложь. Она опровергается не только документами, фактами, но и демографическими показателями.

СССР и советский народ были испытаны на прочность в Великой Отечественной войне. Из жесточайшего испытания, которое не выдержали многие крупные капиталистические страны, наша держава вышла с победой. Одного этого совершенно достаточно, чтобы признать: сталинская система была народной (иначе народ не стал бы ее отстаивать ценой таких жертв и лишений); она была наилучшей за всю историю цивилизаций для общества, трудящихся, культуры.

Таким было указание «свыше» — от всемирной истории. Советский народ его осознал, ощутил и принял к сведению. Он вновь, как в годы войны, доверился Сталину. А Сталин вновь оправдал его доверие. Вскоре после войны СССР вос-

становил и преумножил свою мощь, а наш народ год от году стал жить все лучше и материально, и духовно.

Однако немалое число людей внутри Советского Союза стало мечтать об индивидуальном буржуазном рае. Им хотелось всего как можно больше и быстрее. Их вождения подхлестывала иноземная пропаганда. В руководстве были те, кто жаждал власти (Хрущев, позже Горбачев и Ельцин), завидовал славе Сталина.

Мощная разрушительная сила была вовне: пропагандистская война, стоившая колоссальных средств, в которой побеждает подлейший. Удары наносились по самому слабому звену. Оно находилось в духовной сфере и выражалось в духовном загнивании, творческом бессилии, умственной немочи многих служащих, крупных чиновников, ученых, деятелей искусств и литературы, СМРАП.

Наконец, едва ли не наибольший, поистине глобальный фактор — объективный. Он определяется всем ходом развития технической цивилизации. Именно с ним вступила в противоречие социалистическая система Сталина: народная демократия, идеалы коммунизма, духовные ценности наравне с материальными, единство трудящихся.

У народа порой появляется общая «сверхцель». Она может быть иллюзорной, обманчивой, а то и безрассудной. Это не имеет большого значения. У человека обычно вера сильнее доводов рассудка: ведь ее поддерживают эмоции и подсознательные установки — следствие внушения или самовнушения.

Массовые общественные движения имеют, помимо явных осознанных устремлений, еще и подсознательные, определяемые инстинктами, внушением и прочими факторами, нередко совершенно иррациональными. В последние десятилетия СМРАП пробуждают и закрепляют почти исключительно самые низменные пошлые чувства и мысли.

В книге американцев Энтони Пратканиса и Эллиот Аронсон «Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения — по-

вседневное использование и злоупотребление» обоснован вывод: «Средства массовой коммуникации действительно оказывают влияние на некоторые из наших наиболее существенных убеждений и мнений и могут даже заставить нас покупать продукцию рекламируемой марки или выступать в поддержку уничтожения других людей».

Это влияние направлено к сверхцели — развитию, размножению и разнообразию техники. Глобальное следствие этого — формирование техносферы, преобразованной области жизни. А окружающая механическая среда деформирует духовный мир человека по своему образу и подобию. Таков путь деградации и земной природы, и человеческой личности.

Произошло нечто чрезвычайно серьезное: наша цивилизация двинулась некогда путем Каина, — преумножая материальные ценности и излишества, насилуя ради личного комфорта природу и поработав себе подобных, — готового за личную собственность убить родного брата.

Сложилось и укореняется мировоззрение, утверждающее необходимость, а то и благотворность жестокой борьбы за существование, конкуренции, карьеризма, обогащения всеми средствами, жажды материальных благ.

Чтобы преодолеть чудовищную силу этого мировоззрения, поддержанного всей мощью индустрии, надо ей противопоставить более обоснованный взгляд на мир природы, на духовную культуру, человечество и отдельную личность.

Техника — творение человека, лишенное жизни, воли, самостоятельного разума. Иное — техносфера, глобальная среда, включающая в себя не только технические системы, но и преобразованную биосферу, а также людей. Лишь в своем воображении мы можем отделять человека от его окружения, с которым он связан и физически, и духовно.

Так называемое «секретное оружие Бехтерева», магия внушения, воплощенная в электронные СМРАП и психотехнологии, постоянно воздействует на «человека». Они управляют не только сознанием, но и подсознанием, эмо-

циями, устремлениями, чаяниями сотен миллионов во имя торжества техносферы.

Можно ли высвободиться, хотя бы отчасти, от такого влияния? Да. Но для этого необходимо осознать, что происходят **объективные** процессы, они господствуют на планете, препятствуют созданию того, что В.И. Вернадский называл ноосферой. Надо сознательно, целеустремленно противодействовать им. Это чрезвычайно трудная задача. Ее невозможно решить в условиях капитализма, буржуазной идеологии.

Сознавал это Сталин или нет, но созданные им государственная система, структура общества, идейные ориентиры по сути своей давали возможность подчинить техносферу человеку, сделать ее развитие управляемым, а значит, осуществить ее переход в ноосферу, область господства разума...

Именно по этой причине В.И. Вернадский писал в конце 1944 года, что идеалы нашей демократии отвечают ноосфере. Однако эти идеалы во многом определялись, воплощались в реальность — по мере возможности, с неизбежными огрехами — благодаря деятельности Сталина, благодаря его уму и воле, даже его образу жизни. Поведение Сталина, его личная скромность, сдержанность, доброжелательность, преданность делу, работоспособность могли служить примером для других.

Великий инквизитор

Случайно ли Сталину доверили высокие посты? Нет, конечно. Он был достоин такого доверия и доказал это всей своей деятельностью до революции, во время ее и позже — в три таких разных периода.

Приехав в Петербург после Февральской революции, он стал ближайшим помощником Ленина. Для Сталина партийная и государственная работа была главным делом жизни. В состав ЦК РСДРП, возглавляемого Лениным, его избрали в 1912 году. Через пять лет он стал чле-

ном Политбюро (в мае 1917-го). Сталина можно было считать одним из наиболее старых и последовательных большевиков-ленинцев.

С именем Сталина связаны почти все величайшие свершения Советского Союза в XX веке. А ведь ко времени его правления страна пережила мировую и Гражданскую войны, последующую разруху.

Затем за 15 лет произошел невиданный в истории научно-технический и экономический подъем державы. Была одержана победа в Великой Отечественной войне. Несмотря на огромные потери, страна быстро возродилась. В ней ввели в строй первую в мире атомную электростанцию, запустили первый искусственный спутник Земли, вознесли в космос первого космонавта. И хотя последние два достижения датируются более поздним временем, ракетная программа создавалась при Сталине, начиная с довоенных экспериментов и боевых «Катюш».

По мнению антисоветских авторов, все это осуществлялось благодаря невиданному террору, десяткам миллионов жертв и огромным массам заключенных. Такие утверждения не соответствуют фактам, основаны на пропагандистских фальшивках времен Геббельса и Даллеса, не отвечают простейшим закономерностям общественной жизни.

Если Сталин смог совершить великие деяния вопреки воле советского народа, то его следовало бы считать сверхчеловеком, демонической или божественной личностью. Трудовые и боевые победы СССР объясняются его государственным гением в той мере, в которой ему удалось соотносить свою деятельность с возможностями и чаяниями советского, прежде всего русского, народа, а также географическим положением, природными ресурсами и историей России-СССР.

Чудес в общественной жизни не бывает. Успехи страны — проявление ее силы, духовной мощи народа, интеллектуального потенциала. А этого невозможно достичь массовым террором. Сталин создал, укрепил и довел до высокой

степени совершенства общество с небывалой доселе социальной, государственной, духовной структурой. Впервые исторический процесс из стихийного стал управляемым.

На примере Сталина можно видеть, чего может добиться человек благодаря стальной воле, недюжинному уму, огромной самоотдаче и работоспособности, высокой идейности, отсутствию цезаризма и бонапартизма.

На приеме в честь командующих войсками Советской армии Сталин высказался точно: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией... Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии... Спасибо ему, русскому народу, за это доверие».

(В июне 1935 года, беседуя с Роменом Ролланом, он обронил — «мы, русские».)

Сталин — наиболее полный выразитель той самой «русской идеи», о которой долго спорили мыслители нашей страны. Он уловил мощные течения незримой духовной жизни общества, движения мировой истории. Только поэтому ему удалось так долго и победоносно править, завершив жизнь в ореоле беспримерной, поистине всепланетной славы, во главе великой державы, восстававшей дважды за его правление из руин.

Разве мог бы запуганный, подавленный морально и физически народ вступить в смертельную схватку с государствами и народами Западной Европы, выстоять и победить?! И все это ради величия и по приказу некоего выходца из грузинского захолустья?! Сталин в тяжелейший период

войны 7 ноября 1941 года, как было заведено, принял парад войск в осажденной Москве. И это было предвестием Парада Победы.

Едва ли не большинство крупнейших экономистов, политологов, юристов, философов в 1920-е годы уверенно писали о неизбежном крахе Советской России. В СССР вряд ли было много людей из числа интеллигенции, кто думал иначе. А как же народ? Он не безмолвствовал: трудился и поддерживал Сталина из чувства самосохранения и собственного достоинства. Однопартийность соответствовала по сути самодержавию и была гарантом мирной трудовой привычной жизни.

Вспомним поэму Достоевского «Великий Инквизитор». Читал ли тогда Иосиф Джугашвили «Братьев Карамазовых»? Неизвестно. Позже наверняка читал. В отличие от Ленина он высоко ценил Достоевского. Образ Великого Инквизитора поразительным образом воплотился в Сталине. Вот характеристика:

«Это — один из страдальцев, мучимый великой скорбью и любящий человечество. Он — аскет, он свободен от желаний низменных материальных благ. Это — человек идеи. У него есть тайна. Тайна эта — неверие в Бога, неверие в Смысл мира, во имя которого стоило бы людям страдать. Потеряв веру, Великий Инквизитор почувствовал, что огромная масса людей не в силах вынести бремени свободы, раскрытой Христом. Путь свободы трудный, страдальческий, трагический путь... Перед человеком ставится дилемма — свобода или счастье, благополучие и устройство жизни; свобода со страданием или счастье без свободы. И огромное большинство людей идет вторым путем».

Так писал Н.А. Бердяев, комментируя поэму Достоевского.

Было бы излишним упрощением придавать абсолютное значение сходству литературно-философского и реального Великого Инквизитора. И у Достоевского не случайно Иисус Христос целует Инквизитора, а тот отпускает Христа на

волю. Вот и Сталин, став избранником народа, не уничтожил православие (к этому стремились многие воинствующие атеисты из «ленинской гвардии»). Напротив, избавил его от свирепых гонений.

В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» образ Воланда навеян личностью и деяниями Сталина, а эпитафией поставлены слова Мефистофеля из «Фауста» Гете: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Генсек был добрым гением М. Булгакова, спасавшим его от нападок злобных литературных завистников.

Сталин стал выразителем воли большинства. Превратился в провозвестника новой религии, пророка и одновременно основателя государства нового типа. В этом отношении его повторял Гитлер. Но сталинская система оказалась продуманней, более жизнестойкой, более отвечающей природе человека и общества. Произошло столкновение идей господства сверхчеловека и соборности (коммунизма).

Это сразу же понял В.И. Вернадский. В конце 1941 года он писал: крах Гитлера неизбежен; наступает перелом в истории человечества и всей биосферы. Он сопоставлял Великую Отечественную войну с Первой мировой: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей». Он отмечал и другие перемены к лучшему, в частности укрепление научных организаций.

Монархический социализм сталинского типа был народной демократией трудящихся, принципиально отличной от буржуазной, при которой господствуют олигархи.

После смерти Сталина госхозпартаппарат получил абсолютную власть над страной и народом, используя национальные богатства прежде всего на удовлетворение своих быстро растущих материальных потребностей. После 1960 года смертность населения начала постепенно возрас-

тать, а резкое улучшение жизненного уровня относилось только к правящим «выходцам из народа» — и подпольным капиталистам. Диктатура народа перешла в диктатуру «руководящих органов» и тех, кто распределял блага (хозяйственники, торговцы).

Религиозно-философские искания русской идеи можно продолжать и впредь. Но это уже не более чем пустопорожние разговоры, бессильные заклинания. Только у великого народа могут быть великие идеи. Можно считать коммунистическую идею утопией, но ведь не менее утопично и царство Божие. Идея братства людей, соборности жизни, справедливости, безвластия, бесклассового общества — высока и благородна. Стремление к ней возвышает человека. И тот, кто честно ведет народ к таким идеалам, обретает облик героя, подвижника.

Подмена русской идеи лозунгом «обогащайтесь, кто как может» (а могут, естественно, не те, кто трудится) привела державу к развалу. Вспоминаются давние слова Бердяева (1916 год): «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, «скромного» пути для России нет».

Заключение

СИМВОЛ НАШИХ ПОБЕД

1

В одной из давних советских песен Сталин был прославлен как «символ наших побед».

Кто-то ехидно продолжит: «а еще — страданий и бед».

Да, были жертвы. Но разве бывают героические эпохи без жертв? Разве великие победы достаются легко?

Никто за всю историю человечества не имел такой всемирной славы, как Сталин. Думать, что почти весь советский народ и подавляющее большинство населения планеты, представители разных стран и народов, воздавали ему почести по недоумию, значит, обладать чудовищным самомнением, поистине сатанинской гордыней.

Скажут: они превозносили некую мифическую фигуру, символ, Великого Инквизитора со странным именем Сталин.

Да, именно так. Людям требуется вера в будущее, в надежные опоры бытия. Но она должна существовать не как иллюзия, внушенная лукавыми демагогами, проповедниками, агитаторами. Она требует подтверждений истинности в реальности.

Сталинская система давала такие подтверждения: подъем государства, повышение жизненного уровня до войны и после войны, победа над фашизмом. Коллективное подсознание народных масс укреплялось таким образом. Одновременно укреплялась вера в вождя. Сталин — символ, воплотивший русскую идею.

Любой, верящий в Судьбу и перст Божий, должен видеть в нем избранника. Его смерть в зените славы тоже свидетельствует об этом.

После него со страной стало происходить нечто непонятное. Словно утратил русский советский народ жизненные ориентиры. Оклеветал Сталина Хрущев — презирали «дорогого Никитку», но терпели. Вынесли Сталина из Мавзолея — плакали, но не возражали. Крушили его памятники — безмолвствовали. Переименовали Сталинград — согласились...

Пошло ли все это на пользу нашему обществу, народу? Как выяснилось с полнейшей очевидностью, таков был путь к расчленению СССР, упадку моральному и вымиранию физическому русского народа.

Хулители Сталина позорят не его («мертвые сраму не имут»), а великую державу Россию—СССР, которую он олицетворял. Чем дольше это продолжается, тем безнадежнее будущее нашей страны.

2

Есть магия имени, магия титула, магия рекламы и магия личности.

О мистическом смысле имени и влиянии его на судьбу человека написано немало. Но как бы то ни было, не все Александры становятся великими полководцами, Владимиры — владыками мира; Лев может оказаться трусом, а Зайцев — храбрецом. Тут все зависит от человека.

Магия титула очевидна. Гигантские массы народа с благоговением приветствуют Папу Римского, хотя никто с ним не знаком, никаких великих деяний он не совершал и по сути не более, чем избранный на престол кардинал. С каким восторгом встречают главу государства и какое действие может оказывать его титул, можно было видеть по ТВ, когда президент В.В. Путин побывал в Новосибирском Академгородке. Одна из присутствующих так отозвалась о нем: «Молодой, высокий, красивый».

Высшие религиозные чины имеют особое облачение, цари восседают на роскошных тронах в золотых коронах, усыпан-

ных самоцветами. Вся обстановка вокруг верховного правителя или священнослужителя призвана воздействовать на окружающих. У публики вызывает особое доверие докладчик или автор, перед именем которого стоит «профессор», хотя это может быть, как говорится, «профессор кислых щей».

О магии рекламы много говорить не приходится. Титул, почетное звание, высокий пост — это по сути своей реклама, свидетельствующая о том, что это не простой человек, а избранный. А если еще его восхваляют СМРАП, то в сознание миллионов укореняется его образ, порой решительно не соответствующий реальным качествам и деяниям данного человека.

Магия личности — нечто иное. Выдающийся мыслитель, писатель, полководец, государственный деятель заслуживают почестей именно благодаря своим реальным достоинствам, поступкам, творениям, победам, открытиям, свершениям.

Теперь обратимся к нашему герою.

Жил-был грузин Иосиф Джугашвили. Сила воли и ума, благоволение судьбы превратили его в легендарную личность. Имя — Сталин. Вождь советского народа. Человек русской культуры.

Сталин — всликопное имя. Оно не только небывалое, но и несет в себе скрытые важные смыслы. Человек, назвавший себя так, не может быть заурядным.

Магия титула? К нему она не имеет отношения. Никаких титулов, предполагающих всемирное благоговение, у него не было. Да и в нашей стране Генеральный секретарь партии, пусть даже правящей, совсем не то, что царь, святейший патриарх, президент, на худой конец. После войны он стал генералиссимусом (не по своей инициативе). Звание принял с иронией: мол, в хорошенькую компанию я попадаю — вместе с Франко, Чан Кайши. Впрочем, и после этого к нему обращались просто: «товарищ».

Магия рекламы? Да, при жизни она ему сопутствовала. Но вскоре после его смерти она превратилась в антирекламу. Причем эта акция, в отличие от хвалебной, приняла небывалый всемирный размах благодаря колоссальным средствам, которые предоставили для этого все страны буржуазной де-

мократии, в первую очередь США, затем «перестроечный» СССР и реформируемая Россия.

Конечно, и антиреклама содействует популярности, о чем свидетельствует пример Герострата, царя Ирода, Иуды и многих других. Но Сталина до сих пор миллионы людей, несмотря на колоссальное давление СМРАП, считают великим, славным человеком и государственным деятелем. Это можно объяснить только магией его личности.

На чем основана?

На светлой памяти, которую оставил он в сердцах и умах тех людей, кто знает о его необычайных достижениях, его выдающихся личных качествах, его самозабвенном служении народу. Сознание этих людей не могут замутить продажные СМРАП и орда таких же хулителей советской власти и народного вождя Сталина.

3

Полвека назад я назвал, не особенно глубоко продумав, социализм высшей стадией феодализма. В этом, как мне теперь представляется, была определенная сермяжная правда.

Переход от феодализма к капитализму, помимо всего прочего, ознаменовался сменой моральных ценностей, господствующих идеалов: от рыцаря и труженика (цехового ремесленника, крестьянина) — к буржуа и ростовщику-банкиру. Об этом писала, например, польский историк и философ М. Оссовская в книге «Рыцарь и буржуа».

Какие идеалы внедрялись в сознание масс при сталинском социализме? Антибуржуазные и в значительной мере феодальные с ориентирами на светлое будущее, достижимое упорным коллективным трудом. Прославлялись герои.

Сталин был настоящим гарантом такого общества. И он полностью оправдывал надежды народа.

Такова была реальная основа магии его имени.

Информация к размышлению

Для этой работы я использовал три десятка книг, делая выписки, оставляя закладки. Когда основная часть работы была сделана, осталось в некоторых книгах много закладок, отмечающих важные сведения.

Творец своего культа?

Сталин безусловно создавал культ личности. Не своей – Ленина. Пьесы и кинофильмы о себе запрещал.

Беседуя с главным редактором газеты «Правда» П.Н. Поспеловым, Сталин спросил:

– А почему в газете печатается так много фотографий товарища Сталина?

Не получив ответа, продолжил:

– Я думаю, товарищ Поспелов, фотографий девять товарища Сталина в год вполне достаточно... Пожалуй, и этого много!

(У меня сохранились подшивки журнала «Огонек» Сталинской поры. Там нечасто встретишь портреты вождя. Во всяком случае, СМРАП более позднего времени глав страны демонстрировали чаще, а со времен Ельцина практически ежедневно по всем программам телевидения.)

Д.Т. Шепилов вспоминал. На пленуме ЦК после XIX съезда партии в Свердловском зале Кремля при появлении Сталина многие присутствующие встали. Он сказал:

– Здесь этого никогда не делайте.

В 1939 году к 60-летию со дня его рождения были изданы три краткие его биографии. Помнится, Хрущев, «борец с культом личности» за свое недолгое правление обзавелся двумя «именными» кинофильмами, которые демонстрировались во всех кинотеатрах страны.

В 1946 году было решено откорректировать и дополнить прежний текст краткой биографии Сталина. Он его забраковал. По воспоминаниям доктора исторических наук Р.П. Конюшной, Сталин отругал авторов:

«Вы что, эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия – ничто, Сталин – все? Сталин стар, Сталин скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал – раз все делал он, то без него конец?»

Сохранился макет второго 1946 года издания «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» с правкой Сталина. Он вычеркнул многие фразы, восхваляющие его. Этот материал опубликован в 16 томе его сочинений (1997 г.).

Один из авторов этой книги, академик М.Б. Митин, после «секретного» доклада Хрущева на XX съезде партии утверждал, что именно Сталин вписывал в текст книги слова о своих достижениях в строительстве социализма и победе над фашизмом.

(В 1983 году я познакомился с М.Б. Митиным. Мы выступали в Политехническом музее на 120-летие со дня рождения В.И. Вернадского. Я хотел подарить ему свою книгу «Геологическая деятельность человечества. Техногенез». Но, увидев его лицо, изменил свое решение. Мне показалось, что человек преклонного возраста с такой физиономией вряд ли может быть честным. Позже узнал, что первое впечатление не обмануло.)

В конце войны началась подготовка к денежной реформе. Как вспоминал нарком финансов А.Г. Зверев, он показал Сталину образцы денежных купюр. На одних был изображен Ленин, на других – Сталин. Не говоря ни слова, Сталин взял купюры со своим портретом, разорвал их и бросил в корзину.

В честь великой Победы на расширенном заседании Политбюро обсуждали два предложения: переименовать Москву в Сталинград и присвоить Сталину звание Генералиссимуса Советского Союза. Оба предложения Иосиф Виссарионович отверг. Молотов согласился с ним только в первом случае. Имя столицы СССР решено было сохранить.

Сталин отказывался от высшего воинского звания. Как вспоминал маршал И.С. Конев, вождь говорил:

– Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без того имеет авторитет... Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина... Чан Кайши – генералиссимус, Франко – генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина...

Ему напомнили, что в русской армии после Меншикова генералиссимусом был Суворов.

Г.К. Жуков утверждал; «Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим». Высшего воинского звания Сталин был достоин.

(Кому-то может показаться, что вождю нравились уговоры и в душе он мечтал о таком звании. Так могут думать не представляющие всемирной славы Сталина и его психологии, или не желающие признать очевидное.)

Подлинный интеллигент

Кто такие интеллигенты?

Обычно путают их с теми, кто зарабатывает на жизнь не физическим трудом (ученые, писатели, журналисты, артисты и т.д.), а на службе по ведомствам науки, литературы, СМРАП, искусства. К таковым относятся, помимо упомянутых, мошенники разного калибра, чиновники, ростовщики, банкиры, жуликоватые торговцы и пр. Всех их следует называть интеллектуалами. Это не означает, что они непременно умны; часто у них высшее образование при интеллекте ниже среднего.

Интеллигент, как его понимали в России XIX – первой половины XX века, живет духовными ценностями, а не за счет них. У него ограниченные материальные потребности и безграничные – духовные. Он может иметь любую специальность, занимать любое положение в обществе. Сократ, Будда, Иисус Христос не имели дипломов, не занимали высоких должностей.

Иосифа Сталина не привлекали материальные блага. Всю жизнь он учился, став едва ли не самым образованным правителем за всю историю человечества. Не только благодаря отличной памяти и постоянной работе, самообразованию, но и честностью, простотой, беззаветной преданностью делу своей жизни – созданию великой социалистической России–СССР, он показал себя истинным интеллигентом.

В киноэпопее «Освобождение» кто-то из авторов сценария приписал Сталину слова в ответ на сообщение о возможности «выкупа» его сына Якова из плена: «Я солдат на маршала не меняю». Подлая фраза. Уровень торгаша, менялы, ростовщика. Да и сын его был артиллерийским офицером. И сказал Сталин совершенно другое.

Разговор о спасении Якова Джугашвили из плена проходил в присутствии В.М. Молотова. Сталину было сказано, что его сыну грозит смерть в плену и надо его спасать. Сталин ответил:

– Там все мои сыновья.

Да, там, и в плену, и на фронте, сражались, страдали и умирали его сыновья. Он постоянно знал о своей ответственности перед ними. Власть над людьми для честного человека – великая ответственность. Сталин взвалил на себя это тяжелое и физически, и морально бремя власти. Народ это сознавал.

Не могли понять, что означает власть Сталина для народа и Отечества те, кто без оснований причисляли себя к интеллигенции, к особенным, избранным, «индивидуумам».

Генерал Генштаба И.Н. Рыжков вспоминал, что Верховный Главнокомандующий, прочтя проект приказа о первом салюте в честь освобождения Красной Армией Орла и Белгорода,

сделал замечание: забыли сказать о павших в боях. Добавили: «Вечная память героям...». Сталин уточнил:

– Это звучит по-церковному. Вечная слава героям, павшим в боях за честь и независимость нашей Родины!

...Вот и хочется сказать: а вы, хулители Сталина и Советского Союза, трусливые и продажные, что сделали вы для нашей Родины? Как смеете посягать на славу павших героев? Если кто-то из них шел в бой со словами «За Родину! за Сталина!», если сотни тысяч погибли, защищая Сталинград, то уже только поэтому наш долг считать святыней имя Сталина.

Он тоже пал как герой, сражавшийся за честь и независимость нашей Родины.

Магия Сталина

Бывший нарком и министр нефтяной промышленности Н.К. Байбаков написал в своих воспоминаниях:

«Я вижу свой долг в том, чтобы рассказать о Сталине объективно, показать, в чем заключалась его магическая сила, воздая, умевшего владеть самыми драматическими ситуациями в стране и в мире, неотступно держать под личным контролем все государственное руководство столько лет, в том числе и в годы, когда решалась судьба нашего Отечества. Его сила в том, что он умел сразу схватывать самую суть любого события или явления, судьбоносного для народа, искал истину путем сопоставления многих данных и мнений...

Сталин... вникал во все мелочи. Умел выявлять то, что истинно думают собеседники, не терпя общих и громких фраз... Ему нравились знающие свое дело люди, особенно «новая волна» специалистов, пришедших на производство в советское время, питомцы нового строя, которых он мог по справедливости считать и своими питомцами... И он таких всячески поддерживал, выдвигал на руководящие посты, ведь не зря знаменитые «сталинские наркомы» – это 30–35-летние люди (в основном) с неизрасходованной энергией и верой, что будущее будет построено именно ими».

Таково мнение специалиста из молодых наркомов. Он подчеркивал качества Сталина как государственного деятеля. Но магия Сталина распространялась и на крупнейших конструкторов (А.С. Яковлев, В.Г. Грабин, М.И. Кошкин), и на политиков (вспомним Черчилля), и на полководцев (свидетельств множество), и на деятелей культуры, и на так называемых «простых» трудящихся.

Сталин хорошо пел, обладал музыкальным слухом (Д.Д. Шостаковичу он 5 раз присуждал премию своего имени), неплохо

рисовал, отлично знал русскую литературу, излагал свои мысли сильно и четко. Он умело исправил первоначальный текст гимна СССР (авторы С.В. Михалков и Г.Г. Эль-Регистан). «Нас вырастил Сталин – избранник народа» изменил: «на верность народу». Вместо «священный оплот» – «надежный оплот». Вместо «Нас от победы к победе ведет» – «Пусть от победы к победе ведет». Была и другая правка.

Из вариантов музыки гимна наилучшие были у Хачатуряна и Шостаковича. Сталин выбрал музыку А.В. Александрова к «Гимну партии большевиков». Предложил исполнить ее медленней и на полтона ниже. Звучание стало торжественным и распевным.

...Для советских людей, а в первую очередь для русских было великое Отечество СССР и стоящий во главе его отец народа.

Напомню строфу из стихотворения Твардовского, опубликованного в марте 1954 года:

Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле.

Именно так!

Оглавление

<i>Введение. Тайна личности</i>	5
<i>Глава 1. Управление массами</i>	10
<i>Глава 2. Имя и судьба</i>	41
<i>Глава 3. Конфликт с «Демоном революции»</i>	67
<i>Глава 4. Заочная дуэль с Адольфом Гитлером.</i>	81
<i>Глава 5. Встречи с Черчиллем</i>	143
<i>Глава 6. Война и мир по Сталину</i>	188
<i>Глава 7. Осень патриарха.</i>	228
<i>Глава 8. Народ и Вождь</i>	285
<i>Заключение. Символ наших побед</i>	342
<i>Информация к размышлению</i>	346

Рудольф Баландин
«ВСТАТЬ! СТАЛИН ИДЕТ!»

Тайная магия Вождя

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *Н. Сикачева*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении,** обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118 E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru сайт www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5 Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91
gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11, ул. Братиславская, д. 12 Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магачик на Невском», д. 13 Тел. (812) 310 22-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.05.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Зак. № 10198.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

«Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам...» – под этими словами Уинстона Черчилля могли бы подписаться президент Рузвельт и Герберт Уэллс, Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер и еще многие великие современники Сталина – все они в свое время поддались «культу личности» Вождя, все признавали его завораживающее, **магическое** воздействие на окружающих.

В чем секрет этого феномена? Каковы его подлинные механизмы? Был ли «культ личности Сталина» результатом усиленного «промыывания мозгов», всеобщим «помрачением ума» – или чем-то бóльшим? И случайно ли становление сталинского «культа» совпало с прорывом в изучении психологии масс – именно в это время проводились засекреченные опыты по коллективной рефлексологии, биологической радиосвязи и гипнотической телепатии, именно тогда психология начала превращаться в **прикладную** науку, в оружие массового поражения...

Эта книга – первое **научное расследование** феномена «культа личности», глубокий анализ «магии Сталина», разгадка главной тайны XX века.

ISBN 978-5-699-35546-4

9 785699 355464 >